

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ
(РПА Минюста России)»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

ПРАВО. ОБЩЕСТВО.
ГОСУДАРСТВО

*Сборник научных
трудов студентов и аспирантов*

Том 7

Санкт-Петербург
2019

УДК 34
ББК 67

Редакционная коллегия:

*Д. В. Рыбин (председатель),
Е. В. Трофимов (ответственный редактор),
Д. В. Волков, А. Н. Несмиянов, Т. И. Свиридонова,
Я. А. Сексте, А. А. Сергеева, Н. Н. Штыкова*

П 68 Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов. Т. 7. / редкол.: Д. В. Рыбин (пред.), Е. В. Трофимов (отв. ред.) [и др.]. — СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. — 244 с.

В настоящий сборник включены научные статьи студентов и аспирантов, подготовленные по материалам конкурсных работ, а также научных докладов и сообщений на конференциях Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Издание предназначено для научно-педагогических работников, студентов, аспирантов и всех интересующихся правовыми и гуманитарными исследованиями.

ISBN 978-5-6042626-0-3 (Т. 7)

ISBN 978-5-6042626-0-3

ISBN 978-5-9908298-6-2

ISBN 978-5-9908298-6-2

© Составление, оформление.
ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019

Содержание

<i>Азиев М. А.</i> Особенности финансирования политических партий в Италии.....	7
<i>Маресина М. А.</i> Разграничение понятий «невменяемость» и «недееспособность»	9
<i>Новикова А. М.</i> Психология и внешность серийного убийцы.....	12
<i>Константинова А. А.</i> Некоторые особенности рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей.....	15
<i>Исмаилов Р. А. о.</i> Особенности механизма рассмотрения жалоб на нарушение прав человека в ЕСПЧ	18
<i>Гвоздева Е. А.</i> К вопросу о проблемах трудового аспекта банкротства.....	22
<i>Жемеров В. В.</i> Проблемы правового регулирования цифровых прав человека в России.....	25
<i>Мирошниченко А. С.</i> Перспективы совершенствования миграционного законодательства Европейского союза.....	29
<i>Дибирова П. М.</i> Проблемы исполнения медиативного соглашения	33
<i>Лонакова А. Э.</i> Мошенническая торговля в преддверии несостоятельности в Великобритании.....	37
<i>Богданова Д. С., Локотко А. А.</i> Проблема реализации права налогоплательщика на представление возражений на акт налоговой проверки.....	40
<i>Алексеев П. В.</i> Использование механизма субвенции органами местного самоуправления в Российской Федерации.....	44
<i>Кичкинёв В. Н.</i> Правовые принципы как основа существования правопорядка на примере либертарно-юридической теории права	46
<i>Кудин А. А.</i> Виды международных коммерческих арбитражей.....	49
<i>Кальшова А. А.</i> Проблемы перехода к электронному документообороту в трудовых отношениях	52
<i>Мухина А. М.</i> Исковая давность как необходимое условие защиты прокурором публичных интересов в сфере пользования и распоряжения государственной и муниципальной собственностью в арбитражном процессе	56
<i>Османов Р. Н.</i> Административно-правовой статус лиц без определенного места жительства	60
<i>Новикова Ю. О.</i> Розыск должников и их имущества по законодательству иностранного государства.....	64
<i>Игитов А. М.</i> Скандинавская конституционно-правовая система	68

Будаева И. П. Вопросы гражданства детей в международно-правовом пространстве.....	72
Монгуш В. А. Дискриминация по возрастному признаку в условиях пенсионной реформы	76
Михайленко Н. Н. Некоторые аспекты способа совершения компьютерных преступлений	80
Лебедев Г. Н. О некоторых проблемах правового регулирования статуса иностранных граждан в Российской Федерации и государствах — членах ЕС.....	84
Зарипов Ш. Р. Меры административного принуждения, применяемые для новых видов пользования автомобилями.....	91
Довбуш Т. Н. Реализация концепции надгосударственной верховной власти на примере Европейского объединения угля и стали	94
Мезина В. А. Криминологические аспекты сравнительного анализа некоторых преступлений с максимальной степенью латентности в России и зарубежных странах.....	98
Кузина А. Е. Некоторые проблемы исполнения приговора	102
Лушиш К. С. Признание и приведение в исполнение решений иностранных судов по делам о банкротстве	105
Кудин А. А. Соотношение международного коммерческого арбитража и государственного судопроизводства	108
Мироненко А. П. Равное и неравное избирательное право	111
Панченко А. Д. Кодификация и унификация (систематизация) законодательства в ЕАЭС.....	115
Барашева Д. Т. Деятельность организации «Врачи без границ».....	119
Морозова А. П. Терроризм в глобальном медиапространстве	122
Курякова А. С. Ограничения и перспективы развития судебной системы Евразийского экономического союза.....	126
Антонова А. А. О некоторых теоретических правовых основах миграции	130
Федченко А. А. Правовые механизмы предупреждения коррупции на государственной службе.....	133
Шушкова О. А. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Королевстве Швеция.....	135
Тимурзиев Т. М. Международное право и арктическое судоходство	138
Соломонова В. В. Проблема идентификации субъектов преступлений, направленных против военной службы в Российской Федерации.....	141
Васильева М. В. Система дисциплинарных взысканий и их применение к государственным гражданским служащим	142
Степанян А. А. Сотрудничество государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств	146

Сауев И. Ш. Прямые выборы глав субъектов РФ как необходимая составляющая демократического государства	148
Тамаева Т. Т. К вопросу об истории и источниках консульского права	151
Тарпищев Г. Р. Соучастие в преступлении: теоретические основы и проблемы квалификации	154
Яблокова М. А. «Русская правда» П. И. Пестеля как раннее проявление конституционализма в России XIX в.	158
Чичина В. О. Проблема воспрепятствования свободному волеизъявлению избирателей за счет навязчивой предвыборной агитации в Российской Федерации	161
Устюгова В. С. Признание права собственности на самовольную постройку в силу приобретательной давности	164
Ялунер Ю. А. Сравнительный анализ имплементации практики Европейского суда по правам человека в России и Германии: конституционно-правовое измерение	167
Халикова К. М. Проблемы формирования и развития семейного права в первые годы Советской власти.....	170
Пономарева И. В. Отказ от права в российском и зарубежном гражданском праве	173
Перепелкина К. Ю. Коллизии права Всемирной торговой организации и права Евразийского экономического союза	177
Холоша А. Ю. Административная преюдиция в уголовном праве РФ (на примере новой редакции ч. 1 ст. 282 УК РФ).....	180
Алиев М. Х. Проблемы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации	184
Багнюк М. Р. Саморегулирующиеся организации и необходимость их законодательного закрепления (на примере mining pool).....	187
Аббасов С. Г. о. Мошенничество в сфере кредитования как состав преступления: проблемы квалификации и правоприменения.....	191
Акаразуева Ж. Г. Совместное завещание супругов	195
Атакишиев Р. Т. о. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия организованной преступности.....	199
Бетхемян А. В. Проблемы законодательного подхода к социальному страхованию адвокатов в Российской Федерации.....	202
Багирли А. И. о. Система и виды преступлений против несовершеннолетних	205
Астраханцева А. Н. Некоторые проблемы квалификации домашних животных в качестве источника повышенной опасности	208
Белоусова У. В. Реализация постановлений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации.....	210

Ващенко В. А. Понятие конфликта интересов. Порядок и способы его урегулирования в Федеральной службе судебных приставов России	214
Великанова П. И. Правовая природа подарочных сертификатов	217
Булахова И. А. Административно-правовые аспекты народной медицины в Российской Федерации.....	220
Васюк Е. С. Новый участник уголовного процесса, процессуальный статус которого регламентирован статьей 56.1 УПК РФ	222
Воронов Д. А. Социальные последствия коррупции в сфере жилищно-коммунального хозяйства	224
Бойко И. А. Проблемы зарождения «электрического экстремизма» в современных идеологических течениях.....	228
Гаврилова И. Д. Дознание в сокращенной форме как одна из упрощенных процедур в уголовном процессе	231
Борисова Е. Ю. Некоторые особенности ответственности опекунов и попечителей за вред, причиненный несовершеннолетними	235
Вуйцик А. М. Профилактика коррупционных преступлений и формирование антикоррупционного сознания государственных гражданских служащих Федеральной службы судебных приставов.....	239

Особенности финансирования политических партий в Италии

Вопрос финансирования политических партий в наше время приобрел исключительную важность. Во многих странах Европы конституционно закреплено право граждан свободно объединяться в партии. В ряде стран финансирование политических партий осуществляется из государственных средств, т. е. само государство берет на себя создание финансовых возможностей для участия партий в политической жизни страны. Средства распределяются в зависимости от количества собранных голосов или полученных мандатов (в Германии государственные субсидии предоставляются в зависимости от набранного процента голосов, а в Финляндии — по количеству мест в Парламенте) [1].

Другим путем пошла Итальянская Республика. Здесь также конституционно закреплено право граждан на свободное объединение в партии, однако оговаривается, что партии должны демократическим путем содействовать определению национальной политики.

В этой стране очень развитая многопартийная система (более 50 активных политических партий). С учетом исторических и политических особенностей было принято решение о прекращении государственного финансирования политических партий. Проблема государственного финансирования партий, осуществлявшегося с 1974 г., начала обостряться с 1990-х гг. Главными ее причинами стали политический кризис в Италии и громкие коррупционные скандалы, в которых были замешаны высокопоставленные деятели почти всех политических партий. Поэтому с 2017 г. государственное финансирование партий было отменено. Теперь каждый налогоплательщик может самостоятельно выбрать политическую партию, которую будет финансировать. Для этого из годового подоходного налога граждан будут выделяться 0,2%.

Если гражданин не заинтересован в поддержке политических партий, эти средства будут уходить в государственный бюджет и распределяться на иные цели. Счета политических партий будут прозрачными, т. е. будут проверяться извне. Все это позволит реально определить заинтересованность населения в политической деятельности и подвигнет партии активнее реализовать социальные и политические проекты для привлечения денежных средств населения.

Кроме того, государство экономит огромные денежные средства (расходы на политические партии в 2016 г. составили 182 млн евро, в

2017 г. — 31 млн евро) и при этом отстраняется от влияния на деятельность политических партий, сохраняя их основную функцию: представление интересов населения. И самое главное, это наиболее демократический вариант финансирования политических партий, ибо он не только отражает волю народа как совокупности граждан, но и учитывает мнение каждого отдельного человека. Однако у такого способа есть и минусы. Если партия имеет большой партийный аппарат, не обладая при этом абсолютным большинством в парламенте, она будет вынуждена формировать коалиционные правительства с менее крупными партиями для привлечения финансовых средств. Это порождает неравенство между возможностями политических партий, что в дальнейшем может привести к резкому уменьшению количества политических партий и ограничению плюрализма мнений в политической сфере.

В истории Италии уже был период, когда в политической системе существовала только одна партия. А подобный способ финансирования может снова привести к выделению единственной партии или коалиции, выражающей интересы большинства населения, поскольку остальные партии не будут иметь достаточного финансирования своей деятельности. В результате произойдет коренное изменение партийной системы Италии. Но это лишь теоретические предположения. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы нужен длительный срок. Скорее всего, в настоящий момент партии будут подвергнуты серьезным изменениям как в организационной структуре, так и в идеологии. Наибольший авторитет, вероятно, заслужат массовые партии, которые включают в свою политическую программу реально осуществимые прикладные цели и задачи, чтобы заинтересовать граждан. Это позволит в корне пересмотреть роль политических партий в политической системе Италии. Они смогут не только представлять интересы населения в парламенте, но и самостоятельно проводить социально значимую политику, реализовать проекты по развитию всех сфер общественной жизни [2].

Можно предположить, что партии даже будут вынуждены это делать, дабы привлечь финансовые средства итальянских налогоплательщиков. Реформа проведена недавно, поэтому сейчас еще сложно говорить об эффективности и успешности новой системы, но определенные перспективы у такого подхода к финансированию есть.

Библиографический список

[1] *Антонос Г. А.* Государственное финансирование выборов и политических партий в Италии // О выборах. № 1. — 2000. — С. 47–51.

[2] *Комкова Г. Н., Колесников Е. В., Афанасьева О. В.* Конституционное право зарубежных стран: учебник для бакалавров. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2016. — 415 с.

Разграничение понятий «невменяемость» и «недееспособность»

Для того чтобы разграничить категории «невменяемость» и «недееспособность», необходимо в первую очередь рассмотреть их определения, а также уяснить, что данные институты входят в систему разных отраслей права.

Содержание состояния невменяемости четко отражено в ст. 21 УК РФ, при этом ни сам термин «невменяемость», ни термин «вменяемость» законодателем нигде не раскрываются. Для того чтобы сформулировать данное определение, необходимо обратиться к научной медицинской литературе. Последняя раскрывает невменяемость как используемый в судебной психиатрии термин, означающий такое болезненное психическое состояние лица во время совершения им противоправного деяния, которое не позволяет поставить (вменить) ему это деяние в вину [1, с. 242]. Состоянию невменяемости лица присущи два обязательных критерия: юридический (психологический) и медицинский (биологический). Первый характеризуется невозможностью осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, второй — наличием у этого лица хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики. При этом под болезненным состоянием психики понимаются болезненные симптомы, не являющиеся психическими заболеваниями, но также сопровождающиеся нарушениями психики (например, брюшной тиф) [6, с. 120].

В отличие от термина «невменяемость» содержание, а также прямое толкование термина «недееспособность» в российском праве отсутствует. В ст. 21 ГК РФ законодатель отразил содержание понятия «дееспособность», обратившись к которому, при соответствующем противопоставлении можно сформулировать определение категории «недееспособность». Научная медицинская литература трактует «недееспособность» как утрату личностью возможности пользоваться своими гражданскими правами вследствие глубоких нарушений психики [3, с. 744]. При этом, как и в случае с невменяемостью, для признания лица недееспособным требуется одновременное наличие двух взаимосвязанных критериев: медицинского (наличие у него психического расстройства) и юридического (отсутствие способности понимать значение своих действий и руководить ими). Необходимость

совокупности этих критериев для признания лица недееспособным определена в ст. 29 ГК РФ.

Однако, несмотря на общность данных критериев, характерных для признания лица как невменяемым, так и недееспособным, особое внимание при разграничении этих двух категорий необходимо уделить медицинскому критерию. По мнению психиатров, в отличие от признания лица невменяемым, медицинский критерий недееспособности состоит из одного признака: психического расстройства, под которым следует понимать стойкое болезненное нарушение психической деятельности, которое может быть обусловлено только хроническим психозом или слабоумием [4, с. 350]. Следовательно, медицинский критерий недееспособности в определенной степени «уже» аналогичного критерия невменяемости, включающего другие психические заболевания. Поэтому иные болезненные состояния психики, которые не являются психическими расстройствами, не могут быть основаниями для признания лица недееспособным.

Рассматривая юридические критерии невменяемости и недееспособности, нельзя не отметить их сходство в наличии интеллектуального и волевого признаков, их составляющих. При этом интеллектуальный момент юридического критерия невменяемости охватывает признак общественной опасности, тем самым указывая на виды деяний, для которых характерно установление такого состояния лиц, их совершивших (уголовные преступления, административные правонарушения). Юридический критерий недееспособности такой признак не содержит.

Важно не забывать, что в гражданско-процессуальных отношениях процедура признания гражданина недееспособным производится по отдельному возбужденному гражданскому делу. Возможность одновременного рассмотрения в рамках этого дела иных вопросов, связанных с правами и обязанностями такого лица, исключена. Вынесенное судом решение о недееспособности гражданина затрагивает определенный, как правило длительный, период будущего времени, на который этому гражданину будет назначен опекун с целью защиты его прав и законных интересов. Вопрос, касающийся вменяемости или невменяемости лица, становится актуальным в случае совершения им преступления (правонарушения) и разрешается в рамках производства по конкретному делу. В случае совершения этим же лицом нового преступления (правонарушения) возникает необходимость в проведении новой комплексной психолого-психиатрической экспертизы, определяющей психическое состояние лица в конкретный период времени в отношении совершенного им деяния. На основании заключения данной экспертизы происходит установление и оценка судом степени юридического критерия невменяемости. Лицу, признанному

невменяемым в момент совершения преступления, могут быть назначены принудительные меры медицинского характера.

Для признания лица недееспособным, так же как и для установления у лица невменяемости, необходимо проведение судебно-психиатрической экспертизы. Как и в уголовном процессе, судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе может производиться стационарно, амбулаторно, в суде, заочно и посмертно. Экспертное заключение о способности (неспособности) лица понимать значение своих действий или руководить ими основывается на всестороннем и исчерпывающем анализе психопатологических проявлений. Для правильного решения вопроса о невменяемости необходимо возможно более точно и развернуто определить характер болезненных изменений психики [2, с. 31]. Без этого установить тяжесть психических нарушений, определяющих невменяемость, невозможно. Тем не менее лицо, которое было признано недееспособным, нельзя одновременно признать вменяемым. Врачи-психиатры полагают, что наличие у лица психического заболевания с негативным прогнозом его развития дает основания допускать его недееспособность в дальнейшем, а также установление его невменяемости при совершении им преступления (правонарушения). Поэтому недееспособность и невменяемость лица часто совпадают при установлении у него хронического психического заболевания, влекущего за собой стойкие и выраженные изменения психической деятельности (шизофрения, прогрессивный паралич, старческие психозы и т. п.) [5, с. 61].

Таким образом, можно сделать вывод о значительном различии категорий «невменяемость» и «недееспособность». Несмотря на то что и невменяемость, и недееспособность имеют сходные медицинский и юридический критерии, их содержание заметно различается. Медицинский критерий невменяемости несколько шире аналогичного критерия недееспособности, а интеллектуальный момент юридического критерия недееспособности не содержит в себе признака общественной опасности, присущего интеллектуальному моменту юридического критерия невменяемости. Признание гражданина недееспособным направлено на перспективу и влияет на правовой статус лица в будущем времени, тогда как установление невменяемости ретроспективно и направлено на определение состояния лица в момент совершения преступления или административного правонарушения. Различаются также сферы применения данных категорий: термин «недееспособность» обычно применяется в гражданском обороте, в то время как «невменяемость» является более специфическим, узконаправленным понятием, характерным для производства по уголовным делам и делам об административных правонарушениях. Проводимая в целях признания лица недееспособным или невменяемым судебная экспертиза учитывает определенные индивидуальные особенности,

свойственные только каждой из указанных категорий. Разграничение понятий «невменяемость» и «недееспособность» способствует законному и справедливому разрешению уголовных, административных и гражданских дел.

Библиографический список

[1] Большая медицинская энциклопедия. — М.: Сов. энцикл., 1981. — Т. 16: Музеи — Нил / ред. Б. В. Петровский. — 512 с.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / отв. ред. Г. З. Анашкин, И. И. Карпец, Б. С. Никифоров. — М.: Юрид. лит., 1971. — 560 с.

[3] Малая медицинская энциклопедия. — М.: Сов. энцикл., 1968. — Т. 8: Полиграфия — Реометры / отв. ред. В. Х. Василенко. — 1215 с.

[4] Руководство по психиатрии: в 2 т. / под ред. А. С. Тиганова. — М.: Медицина, 1999. — Т. 1. — 712 с.

[5] Судебная психиатрия: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Правоведение» / отв. ред. Г. В. Морозов. — М.: Юрид. лит., 1978. — 344 с.

[6] Уголовное право России. Часть Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. — 6-е изд. — М.: Проспект, 2008. — 704 с.

УДК 343.9

*Новикова Анастасия Максимовна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Психология и внешность серийного убийцы

В сфере судебной психиатрии давно сформировалось представление о том, как может выглядеть и вести себя человек, совершающий общественно опасные деяния. Но гораздо серьезнее нужно относиться к людям, совершающим рецидивы подобных преступлений с особой жестокостью и манией. Такими преступниками являются серийные убийцы.

В Российской Федерации понятие «серийные убийства» используется в правоохранительных органах, но продолжает игнорироваться в законодательной сфере. Вместо этого в нашем законодательстве употребляются такие термины, как совокупность и рецидив. В российской традиции под «серийными убийствами» подразумеваются

преступления, сходные по мотиву и однотипные по способу совершения [2, с. 6].

Следует отметить, что еще в XIX в. итальянский врач-психиатр Ч. Ломброзо интересовался проблемой преступности человека. Основываясь на статистике и антропологических вскрытиях, он вместе со своим ассистентом А. Марро предположил, что люди с явными физическими дефектами (зоб, кривой нос) более предрасположены к совершению насильственных преступлений. Также к потенциальным убийцам Ломброзо относил людей с высокими скулами, бледной кожей и темными волосами [6].

Труды Ломброзо имеют большую ценность, ибо они положили начало развитию криминалистической науки, но назвать его выводы исчерпывающе правдивыми нельзя. В XX в. американский психолог У. Г. Шелдон разработал классификацию телосложения человека, напрямую связанную с правонарушениями. Он делил людей на эктоморфов (худых), мезоморфов (мускулистых) и эндоморфов (крупной комплекции). Согласно теории Шелдона, мезоморфы из-за большой физической силы более расположены к агрессии и борьбе. Исследования Шелдона и Элеоноры Глюк в 1950-м и 1956 гг., основанные на этой теории, показали, что у правонарушителей преобладает именно мезоморфный тип (60%) [1, с. 61].

Естественно, что данная теория не распространяется на абсолютное большинство преступников. Среди серийных убийц встречаются представители всех трех типов. Мезоморфами были Анатолий Сливко (7 жертв) и Тед Банди (американский убийца-насильник, число жертв которого не установлено — предположительно от 26 до 100). Известными эктоморфами являлись Сергей Головкин (11 жертв), Андрей Чикагило (52 жертвы) и Владимир Винничевский (18 жертв). Свидетель похищения Винничевским одной из жертв Е. Д. Головкина описывала его как «узкоплечего, худощавого, с тонкой длинной шеей» [8]. Джон Гейси (33 жертвы), Джерри Брудос (4 жертвы) и Дэвид Берковиц (6 жертв) были эндоморфами.

Один из самых известных серийных убийц США Зодиак так и не был пойман, но выжившие и свидетели описали его весьма ясно: очень плотный мужчина весом около 100 кг., высокий (его рост описывался вплоть до 190 см.), коренастый, «похож на военного» [4]. По этому описанию можно предположить, что Зодиак был классическим мезоморфом.

На данный момент сделать вывод о типичной внешности серийного убийцы не представляется возможным. Типология по телосложению часто не в состоянии определить всех потенциальных садистов, а внешний вид и социальное положение людей могут варьироваться: Тед Банди был человеком высокого социального статуса, участвовал в политике, люди характеризовали его как харизматичного и распола-

гающего к себе мужчину, а бедного деревенского сумасшедшего Эда Гина окружающие считали забавным и безобидным.

Гораздо лучше в определении потенциальных серийных убийц преуспела судебная психиатрия. Наиболее распространенной причиной совершения серийных убийств считаются расстройства полового влечения. Психиатры полагают, что это один из наиболее сложных вопросов судебно-психиатрической практики, поскольку преступники, страдающие различными формами этого расстройства, в повседневной жизни не проявляют социальной дезадаптации. Это ведет к трудностям в раскрытии подобных уголовных дел [5].

По мнению квалифицированного специалиста, психиатра Александра Олимпиевича Бухановского, все серийные убийцы объединены общими признаками. Такими являются: мания величия или комплекс неполноценности с «жаждой власти над половой свободой, неприкосновенностью, свободой и жизнью жертв», фетишизм («нередко предметы, которые напоминают им об их преступных деяниях, становятся фетишем»), клептомания, неконтролируемое желание планировать каждый свой шаг, изучение психологии людей и способов контроля, деперсонализация жертвы, садизм [7].

Эти критерии абсолютно объективны, если рассмотреть несколько примеров из истории. А. И. Бухановский составлял заключение по некоторым материалам дела Чикатило. Вот что он пишет в психологической характеристике: неимпульсивен, контролирующий себя, мысли о собственном превосходстве над работниками следствия, «тяжкое brutальное половое извращение», селекция жертв по определенным внешним признакам, возвращение на место преступления, а также стремление к наиболее шаблонным и похожим местам из-за желания полного контроля над ситуацией [3]. Очевидно, что многие критерии совпадают.

Если мы обратимся к портрету Зодиака, то его психологическая характеристика выглядит примерно так: психопат, садист, страдает манией величия, планирует все до мелочей, щепетилен и терпелив, серьезен, склонен к подсматриванию и подслушиванию, клептоман, фетишист (забрал с собой кусок окровавленной рубашки одной из жертв), искусный лжец, обладает хорошей памятью (в своих письмах полиции вспоминал мельчайшие детали убийств), не испытывает раскаяния и угрызений совести, склонен к саморазрушению (суициду, алкоголю и наркотикам) [4].

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что психологическая характеристика серийного убийцы гораздо точнее внешней, но некоторые положения и в теории Шелдона, и в трудах Ломброзо весьма действенны и помогают на начальных этапах расследования определить потенциально опасных для общества личностей.

Библиографический список

- [1] *Бартол К.* Психология криминального поведения. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2004. — 352 с.
- [2] *Богомолова С., Образцов В.* Криминалистическая психология. — М.: Закон и право, Юнити-Дана, 2002. — 448 с.
- [3] *Бухановский А.* Проспективный портрет Чикатило: заключение по результатам анализа некоторых материалов уголовного дела № 59639-85 [Электронный ресурс] // Serial-Killers: сайт. — URL: <http://www.serial-killers.ru/ugolovno-processualnye-akty/prospektivnyj-portret-chikatilo.htm> (дата обращения: 10.03.2019).
- [4] *Грейсмит Р.* Зодиак // <http://flibusta.online/b/356814/read> (дата обращения: 03.03.2019).
- [5] *Гурьева В. А., Дмитриев А. С., Дмитриева Т. Б.* [и др.]. Судебная психиатрия: учебник // <http://flibusta.online/b/431734/read> (дата обращения: 03.03.2019).
- [6] *Ломброзо Ч.* Преступный человек // <http://flibusta.online/b/376335/read> (дата обращения: 03.03.2019).
- [7] *Панкова А.* Интервью психиатра Бухановского, эксперта по серийным убийцам [Электронный ресурс] // газета.ru: сайт. — URL: <https://www.gazeta.ru/social/2007/10/29/2273824.shtml?updated> (дата обращения: 10.03.2019).
- [8] *Ракитин А. И.* Уральский монстр: Хроника разоблачения самого таинственного серийного убийцы Советского Союза. — Кн. 1 // https://books.google.ru/books?id=C4pHDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 10.03.2019).

УДК 343.1

*Контанистова Анна Александровна,
студентка Института
правоведения и предпринимательства*

Некоторые особенности рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей

В соответствии с п. 2, 2.1 ч. 2 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса РФ к компетенции суда присяжных отнесено небольшое количество преступлений. Исходя из этого, можно сделать вывод, что большинство лиц, подвергнутых уголовному преследованию, не

© Контанистова А. А., 2019

имеют права на суд с участием присяжных заседателей [4, с. 315–326].

С принятием ФЗ от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ (последняя редакция) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» законодатель расширил перечень составов преступлений, по которым дело может быть рассмотрено судом с участием присяжных заседателей, и расширил компетенцию районных судов и гарнизонных военных судов (на одну ступень судебной системы ниже, чем до изменений) по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1-2 ст. 105, ч. 4 ст. 111 и ст. 277, 295, 317 и 357 Уголовного кодекса РФ (УК РФ). Эти изменения формально призваны расширить применение института суда присяжных заседателей.

При этом стоит обратить внимание на то, что новые составы, по которым обвиняемый может избрать суд присяжных, в основном весьма специфичны: ст. 277 УК РФ («Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»), ст. 295 УК РФ («Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»), ст. 317 УК РФ («Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»), ст. 357 («Геноцид»). В то же время основная масса преступлений в настоящее время не подпадает под данные составы. Так, например, наблюдается ежегодный прирост преступлений экономической направленности. Таким образом, для большого процента обвиняемых суд присяжных остается недоступным.

Одно из основных изменений — сокращение кандидатов в присяжные и сокращение непосредственно числа присяжных. В районных и гарнизонных судах коллегия присяжных будет состоять из 6 человек. Для ее формирования достаточно 12 кандидатов. В вышестоящем суде коллегия присяжных заседателей будет состоять из 8 человек при не менее чем 14 кандидатах. До изменений закон предусматривает 12 членов коллегии из не менее чем 20 кандидатов.

С одной стороны, такое нововведение положительно скажется на сроке уголовного судопроизводства, поскольку уменьшение числа присяжных позволяет быстрее формировать коллегия, а следовательно, способствует сокращению времени содержания подсудимых под стражей. Еще один положительный фактор, по мнению законодателя, — снижение денежных затрат. Но посмотрим на это с другой стороны. Теперь дела с участием присяжных заседателей будут рассматриваться в районных и гарнизонных военных судах, а значит, необходимы закупка мебели, проведение необходимой дополнительной подготовки, расширение залов. Здесь важно отметить, что некоторые суды располагаются в зданиях, имеющих историческую ценность и перепланировка таких зданий зачастую невозможна либо потребует чрезмерно больших затрат из бюджета.

На практике нередко встречаются случаи, когда в составе коллегии присяжных находятся граждане, которым в силу закона запрещено участвовать в рассмотрении того или иного дела [1]. Нарушение данного ограничения ведет к отмене приговора, а объем работы, сделанный всеми участниками уголовного судопроизводства на стадиях рассмотрения уголовного дела, становится бессмысленным, ибо приходится делать основную работу заново.

Приходится также сталкиваться с ситуациями, когда присяжные скрывают (нередко умышленно) определенную информацию [3]. Нарушение ст. 328, обязывающей присяжных правдиво отвечать на поставленные перед ними вопросы личного характера, а также об их отношениях с другими участниками судопроизводства по уголовному делу, приводит к тому, что участники процесса лишаются возможности воспользоваться предусмотренным законом правом на заявление мотивированного или немотивированного отвода. В итоге это может повлиять на вынесение вердикта. Стоит повысить общий уровень подготовленности присяжных заседателей к участию в процессе.

Другой проблемой суда с участием присяжных заседателей является сложность в понимании юридических терминов непосредственно присяжными заседателями. Отсутствие необходимых правовых знаний и опыта в судебном разбирательстве мешает им получить правильное представление об обстоятельствах уголовного дела, затрудняет их восприятие и тем самым негативно сказывается на принятом решении. Связано это в первую очередь с неподготовленностью обвинения и защиты к суду с участием присяжных заседателей. Особенно это касается стороны обвинения. До принятых изменений лишь немногие прокуроры имели возможность работать с присяжными заседателями, а те, кто не работал, сейчас столкнутся с проблемой: мышление большинства граждан из числа присяжных заседателей недостаточно формализовано и восприятие информации затруднено. Необходимо обучение, подготовка прокуроров. Процесс с участием коллегии присяжных выдвигает к сторонам процесса особые требования, которые носят, в том числе и неправовой характер. Так, зачастую, адвокат в целях более успешной защиты своего клиента может скрыть часть информации, которая может негативно характеризовать подсудимого, что, в свою очередь, повлияет на справедливость вердикта.

Несмотря на то что названные проблемы оказывают влияние на работу суда присяжных, в настоящее время это достаточно важный институт судебной системы, который иногда остается единственным шансом на справедливый приговор. По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, процент оправдательных приговоров снижается: 0,54% в 2014 г., 0,43% в 2015 г., 0,36% в 2016 г.

Институт присяжных развивается и расширяется, но его содержание и назначение не должны меняться: он должен оставаться гаран-

том независимого и справедливого суда. Его развитие будет благоприятно влиять на граждан и повысит уровень доверия к судебной власти, что в данный период играет важную роль [2, с. 120-121]. Изменения должны продолжаться в направлении расширения списка составов преступлений, по которым дело может быть рассмотрено с участием присяжных, в профессиональной подготовке сторон процесса, в усилении контроля за функционированием института присяжных.

Библиографический список

[1] Барсукова М. А. Становление возрожденного суда присяжных: история повторяется // История государства и права. — 2011. — № 23. — С. 35–37.

[2] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2017. — 343 с.

[3] Переверзев В. В., Грицук М. А. Проблемы формирования законной коллегии присяжных заседателей в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Молодой ученый. — 2015. — № 6. — С. 507–511. — URL: <https://moluch.ru/archive/86/16122> (дата обращения: 03.03.2019)

[4] Уголовный процесс / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. — М.: Юрайт, 2014. — С. 395.

УДК 342.7

*Исмаилов Руслан Акиф оглы,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Особенности механизма рассмотрения жалоб на нарушение прав человека в ЕСПЧ

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) — это судебный орган межгосударственной защиты, который рассматривает жалобы на нарушение основных прав и свобод человека, предусмотренных Европейской конвенцией по правам человека 1950 г. В данный суд могут обращаться граждане, группа граждан, а также неправительственные организации с жалобами на нарушение их конкретных прав и свобод, а также государства с жалобами на другие государства. Следует учитывать при этом, что обращение в ЕСПЧ и направление жалобы в суд

© Исмаилов Р. А. о., 2019

допускается лишь в отношении того государства, которое ратифицировало, т. е. приняло на себя обязательства по исполнению, как основного текста Европейской конвенции, так и протоколов, прилагаемых к Конвенции.

Так, например, Российская Федерация до сих пор не ратифицировала 6-й Протокол Европейской конвенции о запрете смертной казни. Следовательно, жалобы, связанные с нарушениями протокола № 6 Европейской конвенции, не подлежат рассмотрению.

Итак, первой особенностью, установленной нами, является то, что ответчиком в ЕСПЧ могут являться только государства. Жалоба не может быть подана в отношении частного лица или организации.

В настоящее время ЕСПЧ вводит строгие правила к форме подаваемой жалобы: она должна направляться в суд в специально предусмотренной форме, на бланках установленного образца, которые можно получить в электронной форме на сайте Европейского суда. Заявитель указывает свои анкетные данные (имя, адрес регистрации, адрес пребывания), контактные данные, а также существо и предмет жалобы. Если ранее, до 2014 г., в ЕСПЧ допускалось заявление жалобы в произвольной форме (предварительная жалоба), то после 2014 г. подача предварительной жалобы стала невозможной.

Текст жалобы первоначально может быть представлен на родном языке заявителя. например можно направлять жалобу в отношении России на русском языке. При первичном попадании жалобы в Секретариат ЕСПЧ переписка с заявителем будет вестись на русском языке. Однако официальными языками ЕСПЧ являются английский и французский, поэтому, после того, как к участию в деле привлекается государство-ответчик, переписка с заявителем ведется на одном из официальных языков ЕСПЧ.

При рассмотрении жалобы суд учитывает ее приемлемость, что является самым главным критерием рассмотрения жалоб, поданных в ЕСПЧ. Как отмечается в работе А. И. Семерниковой, более половины жалоб, поданных в ЕСПЧ, отклоняются из-за недостатка фактических обстоятельств или неправильно составленной формы заявления. Автор отмечает, что в ЕСПЧ ежегодно поступает более 50 000 новых жалоб, что привело к разработке нового метода рассмотрения таких обращений судом. Так, в случае выявления «однородных или однотипных» нарушений норм Конвенции, совершенных одним и тем же государством, ЕСПЧ призывает государство-ответчика привести национальное законодательство в соответствие с Конвенцией, предусматривая общие меры по устранению данного нарушения. При этом более половины поступающих жалоб связаны с нарушениями права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Европейской конвенции) и права на защиту собственности (ст. 1 Протокола № 1) [1, с. 123–124]

Приемлемость жалобы предусматривается нормами ст. 35 Европейской конвенции по правам человека. Жалоба является приемлемой, если за предмет нарушения, изложенный в жалобе, несет ответственность государство, а не частное лицо или организация, заявителю жалобы должен быть нанесен ущерб, причем значительность и существенность этого ущерба должны соответствовать установленным нормам. Это означает, что должны быть существенно нарушены права и свободы человека, предусмотренные Конвенцией.

Согласно ч. 1 ст. 35 Европейской конвенции суд может принимать к рассмотрению жалобу, поданную не позднее 6 месяцев после исчерпания всех внутригосударственных средств и способов защиты. Это означает, как правило, что заявителем были пройдены все судебные инстанции, которые существуют в рамках судебной системы государства-ответчика, и доводы заявителя нигде не были удовлетворены. Согласно ранее существовавшей практике, для обращения в ЕСПЧ необходимо было пройти все стадии обжалования судебного дела, включая Верховный Суд РФ, однако на настоящий момент данная практика изменилась, и обращение в ЕСПЧ возможно уже после судебного кассационного рассмотрения без обязательного прохождения надзорной стадии, что многократно облегчило и упростило процедуру подачи жалоб в ЕСПЧ [2, с. 11–12].

Анонимность жалобы, а также наличие вопросов, ранее рассмотренных ЕСПЧ либо находящихся на рассмотрении другого межгосударственного органа защиты прав и свобод, являются еще одним критерием неприемлемости жалобы. Если жалоба несовместима с положениями Европейской конвенции, явно необоснованна и направлена на злоупотребление правом на подачу индивидуальной жалобы, ЕСПЧ принимает решение о ее неприемлемости и возвращает заявителю. ЕСПЧ может принять решение о неприемлемости жалобы на любой стадии судебного разбирательства и вернуть ее заявителю. В таком случае суд прекращает производство по делу. При рассмотрении жалобы в ЕСПЧ установлены стадии судебного делопроизводства. На первой стадии рассмотрения жалоба попадает в Секретариат ЕСПЧ, где осуществляется ее первичный анализ: устанавливается наличие аргументации жалобы, проверяется ее соответствие установленной форме подачи, а также наличие факта нарушения прав и свобод человека, предусмотренных нормами Конвенции. Если в Секретариате принимается решение о несоответствии жалобы хотя бы одному из критериев, жалоба передается судье ЕСПЧ, который единолично выносит решение о признании ее неприемлемой. Если жалоба отвечает минимальным и необходимым требованиям приемлемости, она включается в список жалоб, подлежащих рассмотрению, о чем уведомляется заявитель. На данном этапе государству-ответчику направляется предложение предоставить возражения по жалобе,

которые направляются заявителю. Заявитель может направить свои замечания по возражениям стороны ответчика. Данная стадия судопроизводства осуществляется, как правило, уже на английском языке.

Далее жалоба закрепляется за судьей-докладчиком (внесудебным докладчиком), который определяет, кем будет рассматриваться дело по существу: Комитетом из трех судей или Палатой суда из семи (либо пяти) судей.

Если дело не удастся разрешить в рамках процедуры мирового соглашения (а в большинстве случаев так и происходит), суд предлагает сторонам подать окончательные письменные замечания, дополнительные доказательства и письменные объяснения, в том числе касающиеся всех требований заявителя о «справедливой компенсации», и принять участие в судебных слушаниях по вопросам существа дела. К участию в деле могут привлекаться третьи стороны.

Окончательная позиция сторон по делу излагается в меморандуме, в который не включаются вопросы, признанные неприемлемыми. Еще одна особенность связана с окончательными требованиями истца в суде. Если заявитель не подаст требование о справедливой компенсации, суд не сочтет необходимым присуждать ее по собственной инициативе.

Решения Большой палаты оглашаются в сокращенном виде на открытом заседании Председателем Большой палаты или судьей, делегированным председателем.

Важной особенностью решений ЕСПЧ является то, что они не отменяют вынесенных ранее решений по делу, а лишь присуждают справедливую компенсацию заявителю, если будет установлено безусловное нарушение права, предусмотренного Конвенцией, произошедшее по вине ответчика. Удовлетворение обращения в ЕСПЧ может не повлиять на законность судебного решения внутри государства-ответчика. Более того, российская правоохранительная система «подстраховалась» на случай вынесения ЕСПЧ решений по наиболее «неудобным» делам, приняв законопроект о возможности неисполнения или частичного неисполнения решения ЕСПЧ. Так произошло с делом ЮКОСА, решение по которому Российская Федерация отказалась исполнять.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод, что процесс рассмотрения жалоб в ЕСПЧ является многоступенчатым и долговременным. Кроме того, ЕСПЧ не может рассматриваться как вышестоящая инстанция над национальными судами. Он не обеспечивает восстановление справедливости в полном смысле слова, но лишь направлен на восстановление нарушенных прав человека, предусмотренных Европейской конвенцией, в каждом конкретном деле. Решение ЕСПЧ не обязательно влечет за собой отмену решений, вынесенных судами государства-ответчика.

Библиографический список

[1] Семерникова А. И. Европейский суд по правам человека и Россия // Вестн. Томск. гос. ун-та. — 2013. — № 373. — С. 123–126.

[2] Терешина А. Н. Условия приемлемости жалобы в Европейском суде по правам человека (проблемы теории и практики) // Пробелы в российском законодательстве. — 2010. — № 1. — С. 11–12.

УДК 349.2

*Гвоздева Екатерина Алексеевна,
студентка Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

К вопросу о проблемах трудового аспекта банкротства

Больше четверти века Россия развивается под эгидой рыночных отношений, неотъемлемой частью которых является институт несостоятельности (банкротства). Несмотря на положительный эффект финансового оздоровления предприятия, в контексте трудового права банкротство влечет массовые увольнения и увеличение уровня безработицы.

Согласно данным статистического бюллетеня Единого федерального реестра сведений о банкротстве, количество дел о банкротстве с участием работников возрастает, что объясняет необходимость совершенствования правового регулирования вопроса.

Несмотря на специфичность увольнения работников вследствие банкротства работодателя, в трудовом законодательстве нет отдельной нормы, регулирующей этот процесс. Наиболее частыми основаниями являются увольнение по инициативе работодателя в связи с ликвидацией организации или сокращением численности работников.

В деле о банкротстве, как правило, за конкурсным производством следует ликвидация организации, что объясняет применение п. 1 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.; далее: ТК РФ) для увольнения работников. Работникам гарантируются выходное пособие в размере среднего месячного заработка и средний месячный заработок на период трудоустройства (не свыше двух, в особых случаях — трех месяцев) при условии обращения уволенного работника в орган занятости и последующего нетрудоустройства (ст. 180 ТК РФ).

© Гвоздева Е. А., 2019

Но на стадии конкурсного производства теоретически возможно возвращение предприятия к нормальной хозяйственной деятельности либо заключение мирового соглашения с кредиторами. Как следует из судебной практики (см., например, апелляционное определение Московского городского суда от 18 января 2016 г. по делу № 33-956/2016), уволенные по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ бывшие работники через суд могут восстановиться на работе, потребовав компенсацию за время вынужденного прогула.

В ТК РФ есть единственное упоминание банкротства в качестве основания увольнения, вписываемого в трудовую книжку. Согласно п. 1 ст. 278 ТК РФ трудовой договор с руководителем организации прекращается в связи с отстранением его от должности в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве). Согласно сложившейся судебной практике (см., например, апелляционное определение Московского городского суда от 6 июня 2017 г. по делу № 33-21771/2017), указанные правила касаются и других сотрудников органов управления банкротящейся компании, например, членов правления, совета директоров, президента.

С учетом особой правовой природы банкротства уместно внести в ТК РФ в виде пп. 1 п. 1 ст. 81 дополнительное основание увольнения: «банкротство организации или индивидуального предпринимателя».

Согласно ст. 130 ТК РФ, одной из государственных гарантий по оплате труда работников является обеспечение получения работником заработной платы в случае прекращения деятельности работодателя и его неплатежеспособности. В первую очередь это отражается в привилегированности положения работников в очередности погашения требований кредиторов. И в реестровых, и в текущих платежах удовлетворение требований об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, требований о выплате выходных пособий относятся ко второй очереди (п. 2, 4 ст. 134 федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»; далее: Закон о банкротстве). Существенная проблема состоит в том, что денежных средств в конкурсной массе чаще всего не хватает даже для покрытия текущих расходов. До выплаты заработной платы и выходных пособий очередь не доходит, и привилегии, предоставленные работникам, являются формальными [1, с. 171].

Такой способ удовлетворения требований работников выбран не случайно. В ст. 3 конвенции № 173 Международной организации труда «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» (принята в г. Женеве 23 июня 1992 г. на 79-й сессии Генеральной конференции МОТ; далее: Конвенция) предусмотрены модели защиты прав трудящихся при банкротстве работодателя: посредством привилегии, с помощью гарантийных учреждений или модель, объединяющая оба способа. При ратификации Российской

Федерацией Конвенции выбор пал на модель привилегий, т. е. право приоритетного удовлетворения требований работников в очередности кредиторов должника. Способ эффективен лишь при достаточности средств у должника для погашения требований хотя бы двух первых очередей, что является редкой ситуацией. Одним из решений проблемы представляется создание резервных фондов, средства которых использовались бы для выплаты задолженности по заработной плате работникам организаций, признанных банкротами и не имеющих средств для погашения задолженности [2, с. 93].

В ряде стран (в частности, в странах Западной Европы, Японии, Израиле) проблема защиты прав работников реализуется именно посредством системы гарантийных учреждений. Основные принципы деятельности таких учреждений определяются в ст. 8 рекомендации № 180 Международной организации труда «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» (принята в г. Женеве 23 июня 1992 г. на 79-й сессии Генеральной конференции МОТ): независимость от предпринимателя; финансирование при участии предпринимателя или за счет полного государственного обеспечения; принцип субсидиарной ответственности по обязательствам неплатежеспособных предпринимателей и возможности реализации суброгации в части предъявления от своего имени требований трудящихся, которым они выплатили причитающиеся суммы.

И этот способ нельзя идеализировать из-за возрастающей финансовой нагрузки на предприятие. Если гарантийное учреждение полностью находится на обеспечении государства, вынужденные расходы покроются за счет налогового бремени, ложащегося на предпринимателей, однако наличие неприкосновенного резерва денежных средств при кризисе предприятия отвечает социальным интересам работников.

В 2013 г. со стороны Минтруда предпринимались безуспешные попытки ввести аналог гарантийных фондов. Был подготовлен проект федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай утраты заработка вследствие несостоятельности (банкротства) работодателя» (далее: проект). В качестве страховщика в проекте предполагался Фонд социального страхования РФ, а страховым случаем признавался факт наличия невыплаченного страхователем (работодателем-банкротом) застрахованному лицу (работнику) заработка на дату окончания расчетов со всеми кредиторами второй очереди в ходе конкурсного производства [3, с. 174]. Недостатками проекта являются: страхование только «чистой» заработной платы, без учета дополнительных видов компенсаций; одновременность, ограничение и затрудненность процесса получения компенсации.

Наиболее неблагоприятным последствием отсутствия активов у работодателя-должника является то, что требования кредиторов, в

частности по выплате заработной платы и выходных пособий работникам, не удовлетворенные по причине недостаточности имущества должника, считаются погашенными (абз. 3 п. 9 ст. 142 Закона о банкротстве).

Ввиду формальности привилегированного положения работников в очередности удовлетворения требований кредиторов работодателя-банкрота остро назрела необходимость законодательного закрепления проанализированного механизма удовлетворения требований работников в виде создания системы гарантийных фондов для реализации конституционного принципа социального государства с точки зрения защиты трудовых прав работников при несостоятельности работодателя.

Библиографический список

[1] *Васильева Ю. В., Жукова Т. М.* Особенности правового положения работников в деле о банкротстве // Вестн. Пермск. ун-та. — 2014. — № 2 (24). — С. 168–174.

[2] *Веселков Е. П.* К вопросу о защите прав работников в случае несостоятельности (банкротства) работодателя // Бизнес, менеджмент и право. — 2012. — № 2 (26). — С. 91–95. — URL: http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat=899 (дата обращения: 21.01.2019)

[3] *Игнатенко А. С.* Защита требований работников при несостоятельности работодателя: анализ мирового опыта и его возможное использование в России // Бизнес в законе. — 2015. — № 3. — С. 171–175.

УДК 340.1

***Жемеров Владислав Владимирович,
студент Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия***

Проблемы правового регулирования цифровых прав человека в России

Информационное право как наука и самостоятельная отрасль (или подотрасль) права уже стало реальностью. Вместе с тем в общей теории информационного права еще существуют плохо разработанные или вовсе неразработанные проблемы правового регулирования.

© Жемеров В. В., 2019

В российском законодательстве также выделяют ряд проблем реализации цифровых прав.

1. Отсутствие законодательного определения цифровых прав.

На данный момент большинство специальных нормативных правовых актов содержат словосочетание «цифровые права», но в них отсутствует нормативное определение этого термина. Как следствие возникает заблуждение, которое приводит к тому, что любые права, переходящие в цифровой вариант реализации, именуются цифровыми. Возникающая путаница не позволяет разграничить непосредственно цифровые права и цифровую форму реализации иных прав.

На данную проблему уже обратил внимание президентский Совет по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства: в законопроекте № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» не только дается определение цифровых прав, но и частично регулируются цифровые правоотношения. В ст. 141¹ «Цифровые права» содержится их легальная дефиниция.

Данное законодательное предложение заслуживает внимания, поскольку оно даст возможность сформировать у субъектов юридической практики лучшее понимание сущности и содержания цифровых прав. Кроме того, участники цифровых правоотношений смогут обеспечить себе более эффективную защиту нарушенных цифровых прав. Законопроект также предусматривает регламентацию оборота цифровых денег, нормативно закрепляет их определения и создает условия для реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» путем расширения списка объектов финансового оборота [1, с. 112–115].

Однако в данном законопроекте отсутствует точное определение цифровых прав. Законодатель в данном случае предлагает нам весьма абстрактную дефиницию, смысл которой размыт. Возникают вопросы. Причиной отмеченного недочета, возможно, служит гражданско-правовой профиль предлагаемой нормы, который не позволяет применить данное определение в других отраслях права. Необходимо разработать точную дефиницию, которая могла бы использоваться в межотраслевой правовой коммуникации, и закрепить ее в отдельной главе информационного кодекса или в новом нормативном правовом акте. Это позволило бы вывести цифровые права на более высокий межотраслевой уровень, определить их место в российском законодательстве, а также прояснить природу и суть цифровых прав.

2. Отсутствие системной законодательной регламентации цифровых прав, механизмов их практической реализации и юридической защиты.

Российский законодатель непоследовательно отражает нормы о цифровых правах, разбрасывая их по разным нормативным правовым актам. Цифровые права упоминаются в них в связи с регулированием других вопросов. Наглядным примером служит действующий Модельный информационный кодекс для государств — участников СНГ от 3 апреля 2008 г. № 30-6, который закрепляет принципы, гарантии и основные информационные права и регулирует отношения в информационной среде, а также действие информационного законодательства. Самым важным в данном законе является разд. IV: «Правовой режим информации». В соответствии с ним закрепляется установленный законодательством порядок создания, распространения, использования, хранения и уничтожения (утилизации) информации, а также порядок отнесения информации к категории информации с ограниченным доступом (ст. 47). Указанный кодекс законодательно определяет правовой статус информации, а значит, регулирует и цифровые права, объектом которых является информация.

В 2014 г. известные праведы под руководством И. Л. Бачило разработали и представили Концепцию Информационного кодекса РФ. Данная разработка дает полную характеристику действующего законодательства в области информационного права, определяла статус информации и механизм правового регулирования информационных отношений. Предлагается концепция внесения изменений в отраслевые правовые акты, что способствует окончательному установлению информационных правоотношений в современной России. Особенно ярко авторы выделяют проблему безопасности информации, которая занимает важное место в жизнедеятельности информационного общества.

Модельный информационный кодекс 2008 г. и проект Информационного кодекса РФ представляются перспективными и могут изменить в целом подход к данной правовой отрасли. Они уместны и нужны в законодательстве Российской Федерации и СНГ, поскольку закрепляют основные постулаты межгосударственного взаимодействия в области закрепления информационных прав и их национального регулирования. Однако данные кодексы не содержат норм, закрепляющих или упоминающих цифровые права. Вследствие этого необходимо внести в Модельный информационный кодекс и проект Информационного кодекса статью, содержащую отсылку к специальному нормативному правовому акту, или раздел, который мог бы служить основным источником цифровых прав для других отраслей российского права.

3. Отсутствие юридических механизмов реализации и защиты фактически существующих цифровых отношений и связанных с ними возможностей субъектов.

Многие сложившиеся в современном российском обществе институты, отношения и процессы находятся, по сути, «вне закона». С юридической точки зрения они не существуют. Например, финансовые операции с криптовалютой до сих пор не имеют правового статуса, а сами криптовалюты не признаются платежными средствами.

Министерство финансов РФ подготовило законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», который в 2018 г. уже принят в первом чтении Государственной Думой. Данный законопроект дополняет ранее упомянутый законопроект № 424632-7 в сфере признания и регулирования криптовалюты как легальной финансовой единицы денежного оборота. Криптовалюта в законопроекте Минфина РФ определяется как нематериальный объект, а значит, по классификации гражданского права относится к иному имуществу. Документ раскрывает сущность и содержание криптовалюты, а также содержит нормы, которые регулируют операции с ней через призму гражданских правоотношений. Тенденция оценивается положительно, поскольку нормативное закрепление механизмов регулирования данных отношений позволит контролировать оборот цифровых финансовых активов и создаст возможность совершать новые легальные экономические операции на международном уровне.

4. Особенности природы цифровых прав, их «нематериальный характер» создает трудности с привлечением к юридической ответственности за их нарушение. В соответствии с современным законодательством исполнительные органы в лице ОВД не имеют оснований для привлечения к ответственности за нарушение цифровых прав, поскольку отсутствует конкретный объект преступления или правонарушения. В качестве примера можно привести дело № 2-160/2017, рассмотренное Рязским районным судом (Рязанская область). У истца в собственности находился криптокошелек (программа, которая содержит публичные и приватные криптографические ключи), содержащий криптовалюту. Истец перевел криптовалюту на кошелек «онлайн-обменника» с целью обмена криптовалюты на рубли по указанному на сайте «онлайн-обменника» курсу. Рубли должны были быть переведены безналичным образом на счет истца. Однако сумма поступила не в полном объеме. Истец, согласившись с условиями предоставления сервисом услуг обмена электронных валют, принял на себя риск несения любой финансовой потери и/или ущерба (убытка), которые могли быть причинены ему в результате задержки или невозможности осуществления электронных переводов [2]. При таких обстоятельствах доводы истца о нарушении ответчиком его прав суд счел несостоятельными.

Решением указанного пробела в праве будет качественная разработка и принятие специального закона с внесением поправок в другие действующие нормативные правовые акты, определяющего

сущность, статус, круг субъектов и возможные разрешенные варианты их поведения в правоотношениях с криптовалютой и ее производными.

Библиографический список

[1] Криминология цифрового мира : учебник для магистратуры / В. С. Овчинский // М.: Норма: ИНФРА. — 2018. — 352 с.

[2] *Рохлин А. А.* Криптовалюту признали имуществом [Электронный ресурс] // «Право.ру — 300»: сайт. — Москва. — 2017. — URL: <https://pravo.ru/opinion/202883> (дата обращения: 12.01.2019).

УДК 341

*Мирошниченко Анна Сергеевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Перспективы совершенствования миграционного законодательства Европейского союза

В 2014–2015 гг. страны Европейского союза столкнулись с серьезнейшим миграционным кризисом, возникшим в мире за последние десятилетия. Основной поток нелегальных мигрантов шел из государств Африки и Ближнего Востока. Наибольшее число беженцев прибывали из Сирии и Афганистана, значительную долю составили выходцы из Ирака и Ливии. Приблизительно 25% мигрантов прибыли из африканских стран (Судан, Южный Судан, ДР Конго, Сомали, Мавритания, Марокко, Алжир, Тунис, Мали, Нигерия, Камерун, Габон).

Согласно статистическим данным Международной организации по миграции, если в 2000–2010 гг. в Европу нелегально приезжали по 20–25 тыс. человек в год, то в 2014 г. их число составило 900 тыс., в 2015 году — 1,048 млн. Еврокомиссия признала данный миграционный кризис крупнейшим со времен Второй мировой войны. Его особенность заключается в объединении сразу нескольких миграционных потоков: легальной и нелегальной экономической миграции и беженцев [1].

Несомненно, основной причиной является непрекращающийся конфликт в Сирии. Переполнение лагерей беженцев на территории

© Мирошниченко А. С., 2019

стран Ближнего Востока привело к вынужденной экономии на их содержании. Данную причину стоит отнести к внешним факторам, имеющим место за пределами Европейского союза. Европа давно привлекает мигрантов, поскольку, согласно Шенгенскому соглашению, на внутренних границах ЕС отсутствует пограничный контроль. Достаточно попасть в любую из стран ЕС, чтобы затем свободно перемещаться по всей его территории. Развитая социальная политика предоставления пособий и рабочих мест стала стимулирующим фактором для миграционных потоков. Согласно Дублинскому соглашению, наибольшая ответственность за беженцев возлагается на страны, в которые они попадают первоначально, т. е. на пограничные государства Евросоюза: Италию, Грецию и Венгрию.

Все это явилось предпосылками кризиса. Во-первых, между членами Европейского союза не было солидарности в принятии совместных правил решения проблемы расселения беженцев, что привело к чрезмерной нагрузке на миграционные службы отдельных стран.

Во-вторых, Европа не была готова экономически. Совокупная первоначальная квота на беженцев составляла около 66 тыс. человек. В отличие от Ближнего Востока, где в силу мягкого климата жильем могут служить палатки в лагерях, Европе приходится представлять отопляемое жилье.

В-третьих, миграционные процессы вышли из-под контроля, приобретая ли характер стихийности. Поток эмигрантов никак не сдерживается и странами постоянного проживания граждан, где существует крайне неблагоприятная обстановка. Также со временем растет стремление родственников перебраться в страны, в которых уже обновились члены семьи.

Миграционный кризис 2014–2016 гг. и активная мусульманская иммиграция существенно изменили этнокультурный «ландшафт» и этнодемографическую структуру населения европейских стран, а кроме того, повлекли за собой значительные социально-экономические и политические последствия, привели к нестабильности и напряженности как внутри стран ЕС, так и в отношениях между ними [2, с. 56].

Рост численности радикальных мусульман, в последнее время закономерно привел к росту насилия, экстремизма и терроризма в Европе. По данным расследования журналистов британской газеты «Sunday Express», более четырех тысяч боевиков радикальной группировки «Исламское государство» (запрещенной в России), попали в Европу под видом беженцев [2, с. 57].

В ходе последних событий, связанных с ростом преступлений, совершенных мигрантами, а также с происходящими на территории Европейского союза террористическими актами, граждане Евросоюза проводят митинги и акции против миграционной политики.

Миграционный кризис может поставить под угрозу существование Шенгенской зоны. Европейский союз должен настойчивее претворять в жизнь принципы своей миграционной политики, восстановить контроль внешних границ, иначе под угрозой окажется судьба Шенгенского соглашения. Закрытие границ внутри Европейского союза может иметь серьезные экономические последствия и в итоге поставит под вопрос существование евро как единой валюты.

В ноябре 2015-го и марте 2016 г. Европейский союз достиг соглашения по проблемам мигрантов с Турцией, где скапливается основной поток направляющихся в Европу беженцев. Соглашение предусматривает обмен нелегальных мигрантов на сирийских беженцев, получивших статус в Турции, по принципу один на одного: нелегальные мигранты будут возвращены в Турцию, а легальные сирийские беженцы будут переселены в ЕС.

В соответствии с договоренностями Европейский союз пообещал Турции 6 млрд. евро (двумя частями по 3 млрд. евро) финансовой помощи и активизацию переговоров о вступлении в ЕС. В середине июня 2017 г. еврокомиссар по миграции, внутренним делам и гражданству Димитрис Аврамопулос заявил, что Брюссель в полном объеме выполняет свои обязательства перед Анкарой. На территории Турции в настоящее время находятся более 3,5 млн беженцев [4].

В ответ на кризис правительства практически всех европейских стран ужесточили миграционные нормы: сократили сроки пребывания кандидатов на получение статуса беженцев, снизили размеры пособий, усилили карательные механизмы по выдворению нелегальных иммигрантов за пределы единых европейских границ [5].

В связи с обострением миграционной обстановки в 2015–2016 гг. контроль на отдельных границах временно вводили восемь стран: Германия, Австрия, Словения, Венгрия, Швеция, Норвегия, Дания, Бельгия. В марте 2016 г. Словения и Хорватия в координации с Сербией и Македонией (не входят в ЕС) закрыли для беженцев проходящий через их территории балканский маршрут. Ранее власти этих государств неоднократно объявляли о сокращении квот на предоставление убежища [6].

Установление стабильности в ближневосточном регионе, введение квот на въезд, равное участие всех стран — участниц ЕС в поиске общего решения проблемы и сокращение социальных гарантий может привести к окончанию миграционного кризиса и успешной интеграции мигрантов в культуру принимающей страны [3, с. 78]. Но, поскольку выбранный сценарий развития не является полностью положительным, может возникнуть угроза роста нелегальной иммиграции, проникновения террористов и давления на инокультурные общины. Подводя итог, следует отметить, что на

сегодняшний день каждая страна Европейского союза ориентирована на урегулирование только собственных миграционных проблем внутри страны.

Реализация универсальной миграционной политики потребует применения всех мер, перечисленных в предложенной Еврокомиссией в 2015 г. повестке по вопросам миграции. В частности, необходимо организовать поддержку лиц, претендующих на получение убежища. Полномочное агентство по делам беженцев наведет порядок в выделении мигрантам пособий и льгот. Следует усилить пограничный контроль и оптимизировать визовый режим, постепенно внедрять подход к легальной миграции, учитывающий уже имеющийся опыт, например выдавать рабочие визы, в том числе и для привлечения квалифицированной рабочей силы.

Необходимо подчеркнуть, что Европейский союз способен самостоятельно справиться с ситуацией, в случае если все его государства-члены объединятся и будут солидарны в поиске путей разрешения кризиса. Евросоюз может разработать механизмы, с помощью которых возможно равномерно расселить вынужденных мигрантов и наладить работу определенных структур по распределению беженцев. Сплотившись, страны Европейского Союза смогут вместе преодолеть миграционный кризис с наименьшими потерями и подтвердить свой авторитет и дееспособность на международной арене.

Библиографический список

[1] *Капица Л. М.* Миграционный цунами в Европейском союзе [Электронный ресурс] // МГИМО. — URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/migratsionnyu-tsunami-v-nbsp-evropeyskom-soyuze/> (дата обращения: 03.03.2019).

[2] Миграционный кризис и формирование мусульманских общин в Европе: тенденции и последствия. — М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2016. — 116 с.

[3] Миграционный кризис в Европе / под ред. А. П. Кошкина. — М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2016. — Вып. 6. — 92 с.

[4] Миграционный кризис — у ЕС нет решения [Электронный ресурс] // ТАСС. — URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-ranogama/2275152> (дата обращения: 03.03.2019).

[5] Проблема беженцев: ООН бьет тревогу [Электронный ресурс] // ТАСС. — URL: <http://tass.ru/spec/refugee> (дата обращения: 03.03.2019).

[6] *Потемкина О. Ю.* Актуальные проблемы иммиграционной политики Европейского союза: аналитическая записка [Электронный ресурс] // Институт Европы РАН. — 2015. — № 15 // <http://www.instituteofeurope.ru/publications/analytics> (дата обращения: 03.03.2019).

Проблемы исполнения медиативного соглашения

Медиация, что в переводе с латинского языка означает посредничество (это можно трактовать в прямом смысле), представляет нам альтернативу разрешения спора. Медиация с участием беспристрастной, нейтральной стороны — посредника-медиатора, который помогает лицам в разрешении конфликтного вопроса, служит интересам обеих сторон. В споре стороны участвуют по доброй воле и в непринужденной обстановке. Главной целью медиации является возможность взаимовыгодного решения вопроса при взаимном уважении, с учетом права каждого на защиту своих интересов в данном вопросе.

В законодательстве Российской Федерации медиация — одна из согласительных (мировых) процедур, которая применяется к гражданским, семейным и трудовым спорам (за исключением коллективных), если эти споры не затрагивают публичные интересы, а также права и законные интересы третьих лиц.

Главная отличительная особенность такого процесса состоит в участии нейтральной третьей стороны — посредника-медиатора, помогающего разрешить разногласия в споре и прийти к мирному соглашению, найти компромисс, учитывая интересы обеих сторон. По сути, посредник является негласным «судьей» в деле. В случае урегулирования спора с его участием можно говорить о заключении специального договора, являющегося сигналом о завершении прений участников. Договор при этом не должен нарушать права обеих сторон и не может быть заключен без согласия одной из них [1, с. 16].

В соответствии со ст. 12 федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре разрешения спора с участием медиатора (процедура медиации)». Стоит заметить, что если институт мирового соглашения в арбитражном и гражданском процессе активен, постоянно практикуется и детально изучен в правовом аспекте юридической наукой, то внесудебное посредничество, т. е. медиация, для системы права Российской Федерации явление если не новое, то хорошо забытое.

На этапе подготовки дела к рассмотрению судья в соответствии с п. 5 ст. 150 ГПК РФ принимает меры к заключению сторонами мирового соглашения.

Сам процесс медиации разъясняется судами:

— посредством публикации необходимой информации в сети «Интернет» и на стендах судебных учреждений и судебных секций мировых судей;

— в определениях о подготовке дела к слушанию, направляемых сторонам;

— при рассмотрении дела.

В п. 2 ст. 12 ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре разрешения споров с участием медиатора (процедура медиации)» указано, что «медиативное соглашение подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон». Это показывает, что сама идея медиации полностью соответствует положению об участии посредника в разрешении споров на добровольной основе в целях достижения «взаимоприемлемых решений».

В связи с этим ставится другой вопрос: обязательно ли решение медиатора для исполнения и влечет ли оно какие-либо юридические последствия?

Посредническое соглашение имеет две формы. Посредническое соглашение, которое согласовано и одобрено судом в качестве мирового соглашения, создает соответствующие права и обязанности сторон, предусмотренные ГПК РФ в мировом соглашении, и подлежит принудительному исполнению в необходимых случаях.

В случае заключения посреднического соглашения сторон, не утвержденного судом как мировое соглашение, целесообразен вопрос: какие механизмы его обеспечивают?

Из анализа практики посредничества можно сделать вывод, что медиаторы часто помогают кредитору добиться исполнения внесудебного соглашения о посредничестве с должником, утверждая, что должник может быть привлечен к юридической ответственности за неисполнение соглашения, что кредитор может обратиться к судебным приставам с этим соглашением и должник понесет значительные расходы, т. е. обманет должника. Помимо этики указанного поведения посредников следует отметить, что при таком подходе правовая неграмотность должника является предпосылкой для обеспечения соблюдения соглашения о посредничестве [2, с. 22–26].

В соответствии с п. 4 ст. 12 ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре разрешения споров с участием посредника (процедура медиации)» соглашение о посредничестве создает «лазейку» для недобросовестных контрагентов. Представим ситуацию: первое лицо (кредитор) предъявляет требования к второму лицу (должнику) для взыскания штрафных санкций и задолженности. В процессе посредничества главным аргументом становится время, т. е. то, что судебные приставы медлят. Сторона должника убеждает кредитора отказаться от части требований, при условии что должник оплатит часть задолженности немедленно, и стороны заключают посредни-

ческое соглашение на этих условиях. Однако, если соглашение о посредничестве не одобрено судом в качестве глобального соглашения, должник может не выполнять условия соглашения (негласного договора) о посредничестве, поскольку оно осуществляется добровольно (непринужденно). Кредитор все так же вынужден обращаться в суд, но появляется новая проблема: поскольку произошло обновление условий сделки, он потерял право подать иск о взыскании задолженности и неустойки в первоначальном виде суммы [4, с. 23–30].

В такой ситуации обращение к процедуре медиации становится бессмысленным и напрямую противоречит целям введенного посредничества, а главное — вредит частным интересам граждан. И если принять во внимание сроки процедуры медиации (максимально 180 дней), при условии что спор не был передан в суд или арбитражный суд и пока не был рассмотрен, спор подлежит рассмотрению, стороны активно сотрудничают через посредника.

При этом прямая ответственность за невыполнение соглашения будет нецелесообразна, поскольку будет нарушать саму суть медиации. Доктор юридических наук Е. А. Борисова отмечает, что и в процессе судебного разбирательства, и в медиации используются разные методы:

- урегулирование спорного вопроса;
- его разрешение [3, с. 8–10].

В федеральном законе достаточно точно определена процедура посредничества: «метод разрешения споров с помощью посредника на основе добровольного согласия сторон для достижения взаимоприемлемого решения». Обратим внимание также на п. 2 ст. 12 ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре разрешения спора с участием посредника (процедура медиации)», где указано, что «медиаторное соглашение подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон». Таким образом, посредническое соглашение основывается на принципе добровольности, является взаимовыгодным для обеих сторон, учитывает их интересы. Однако отсутствие ответственности за неисполнение посреднического соглашения и механизма его исполнения затрудняет его широкое использование.

В п. 4 ст. 12 федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативном порядке разрешения споров с участием посредника (процедура медиации)» говорится, что стороны могут либо лично и самостоятельно, либо по предложению медиатора предусмотреть в посредническом соглашении ответственность (штраф, неустойку), которую сторона будет нести, если попытается уклониться от исполнения.

В качестве решения проблемы можно указать, что посредническое соглашение по своему правовому происхождению является граждан-

ско-правовой письменной сделкой, — следовательно, сторона вправе ходатайствовать о выдаче судебного приказа, поскольку требования, основанные на сделке, выполнены в простой письменной форме. Однако подобные действия основаны на толковании, и в правоприменительной практике может возникнуть иной подход. В связи с чем можно признать целесообразным добавление абзаца 3 ст. 122 ГПК РФ со словами «в том числе требование, основанное на посредническом договоре».

Более радикальным и эффективным способом решения этой проблемы было бы принятие поправки к федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ, гласящей, что посредническое соглашение подлежит проверке и утверждению в судебном порядке, а в необходимых случаях и неукоснительному исполнению.

В то же время может быть использован зарубежный опыт наших соседей в Польше: «Если мировое соглашение заключено до вмешательства посредника (даже при посредничестве на договорной основе, когда посредничество осуществляется до начала судебного разбирательства), тогда суд по требованию одной из сторон должен немедленно провести судебное разбирательство, направленное на утверждение мирового соглашения, достигнутого перед посредником» (пункт 1 статьи 183 (14)). Если урегулирование должно быть достигнуто путем суда, он должен утвердить его печатью, в противном случае мировое соглашение утверждается решением суда в зале суда (п. 2 ст. 183 ГПК Польши). В этом случае мировое соглашение, заключенное перед посредником и утвержденное судом, имеет тот же правовой статус, что и мировое соглашение, заключенное в суде (ст. 183 (15) Гражданского процессуального кодекса Польши).

Также для достижения этой цели можно использовать отечественный опыт, представив в отдельной главе ГПК РФ процедуру признания и обращения к принудительному распространению внесудебных соглашений в мировой сети, используя в качестве ориентира уже существующие институты в гл. 45, 47 ГПК РФ.

Внесение этих изменений позволит сторонам в более легком порядке добиваться исполнения соглашения через посредника, создаст возможности для их исполнения, что будет способствовать дальнейшей популяризации посредничества и в итоге уменьшить нагрузку на суды.

Библиографический список

[1] *Аллахвердова О. В., Иванова Е. Н.* История развития медиации // Вестн. СПб ун-та. Сер. 6, вып. 2, ч. 2. — СПб., 2007. — С. 16.

[2] *Карелин А. А.* Большая энциклопедия психологических тестов // М.: Эксмо. — 2007. — 416 с.

[4] Емельянов Е. М. Практикум по конфликтологии // Е. М. Емельянов. — СПб. — 2000. — 420 с.

[5] Чалдини Р. Психология влияния // Издательство «Э». — СПб. — 2008. — 519 с.

УДК 341

*Лопаква Алёна Эдуардовна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Мошенническая торговля в преддверии несостоятельности в Великобритании

В настоящий момент в Великобритании рассматриваемый институт является как гражданским, так и уголовным преступлением.

Основной целью мошеннической торговли является намерение обмануть кредиторов для увеличения собственной выгоды.

Наиболее частыми случаями проявления описываемого института являются: совершение сделок, в рамках которых цена договора явно не соответствует рыночной цене; расхождения в подаваемых декларациях с фактическими обстоятельствами; необоснованная недостаточность имущества при проведении аудита и пр.

В период финансовых трудностей директора должны принять во внимание интересы кредиторов. Учитывая влияние принципа ограниченной ответственности, необходимо нивелировать между возможной перспективой причинения убытков кредиторов и проявления заинтересованности в урегулировании возникающих конфликтов.

Учитывая специфику проведения процедур несостоятельности и лица, сопровождающего соответствующую процедуру, первоначально требование о мошеннической торговле могло быть предъявлено только ликвидатором, однако уголовное положение, введенное законом о компаниях 2006 г., установило, что требование может быть вынесено за пределы ликвидации, и администраторы также могут теперь предъявлять такие требования.

Тип вопросов, которые будут приняты во внимание в этих случаях, включают в себя следующие элементы: вовлеченные суммы денег; способ совершения мошенничества; как долго оно продолжалось; проиграли ли представители общественности; какое злоупотребление доверием было совершено; личная выгода, полученная преступником.

© Лопаква А. Э., 2019

Закон о компаниях 2006 г. предусматривает наказание для лиц, умышленно принимающих участие в ведении бизнеса компании с намерением обмануть кредиторов. Наказание за преступление было увеличено с семи лет лишения свободы и штрафа в соответствии со старым законом до десяти лет лишения свободы и штрафа. Закон о компаниях 1985 г. также выделял в качестве уголовно-наказуемого деяния мошенническую торговлю.

Мошенническое торговое требование предъявляется в соответствии с параграфом 213 закона о несостоятельности 1986 г.

Положения данного параграфа также распространяются на случаи единичной транзакции и при совершении описанных ранее действий в отношении единичного кредитора.

Кредиторы, которые добровольно вступают в отношения с корпорацией, называются добровольными или консенсусными. Они включают торговых кредиторов, институциональных кредиторов, работников и держателей долговых обязательств. Банки являются наиболее важной группой институциональных кредиторов.

В ходе ликвидации компании необходимо доказать, что директор заведомо участвовал в осуществлении сделок с намерением обмануть кредиторов. Так, о намерении обмануть свидетельствует получение человеком кредита, когда он знает, что средства для оплаты долга едва ли будут доступны. Тем не менее, должны быть доказательства, подтверждающие фактическую нечестность.

Истец должен доказать намерение обмануть вне разумных сомнений. Доказывание нелегкое бремя, и управляющие, как правило, используют более упрощенные доказательства мошеннической торговли.

Тем не менее существует разница при применении институтов мошеннической и неправомерной торговли, выражающаяся в том, что для подачи успешного заявления о неправомерной торговле управляющий должен будет доказать, что компания была неплатежеспособной, но ему не нужно доказывать несостоятельность на определенную дату, чтобы предъявить мошенническое требование о торговле [2].

Указанный закон расширяет полномочия администратора для принятия мер против директоров за мошенническую торговлю (которые ранее были только доступны ликвидатору). Так, в случае если при нахождении компании в процедуре управления выясняется, что какой-либо бизнес компании осуществляется с целью обмана кредиторов компании или кредиторов любого другого лица либо для мошеннических целей, суд по заявлению администратора может заявить, что вышеуказанные лица несут ответственность по взносу в активы компании денежных средств.

Уголовная ответственность за мошенническую торговлю оправдана, ибо мошенничество необходимо сдерживать. Мошеннические

торговые положения защищают кредиторов от злоупотребления принципом ограниченной ответственности. Гражданская ответственность за мошенническую торговлю не служит сдерживающим фактором и тем самым превентивная цель в виде запрета мошеннической торговли существенно уменьшает собственное значение [3].

Основным ограничением в отношении наложения гражданской ответственности на директоров за мошенническую торговлю является то, что ответственность несут только директора ликвидированных компаний. Дисквалификация также не является эффективным сдерживающим средством в предотвращении мошеннической торговли.

Обвинение должно доказать, что обвиняемый принимал активное участие в ведении дела. По английскому закону каждый человек, участвующий в ведении бизнеса компании, обязан избегать мошеннической торговли. Понятие участника в данном случае охватывает руководителей и должностных лиц компании, имеющих управленческие полномочия, и любое другое лицо, вовлеченное в мошеннические действия. При этом подразумеваются активные действия участника [1].

В соответствии с положениями о мошеннической торговле мошенничество или мошенническая цель были истолкованы как означающие фактическую нечестность с точки зрения честной торговли.

Намерение обмануть кредиторов является важным элементом мошеннической торговли. О намерении обмануть кредиторов могут свидетельствовать желание и активные действия по противоречию текущим представлениям честной торговли.

Анализ положений о рассматриваемом правовом явлении в Великобритании показывает, что на обвинение ложится тяжелое бремя, чтобы доказать мошенничество и нечестность в призма стандарта доказывания, требуемого уголовным законодательством.

Заявления о мошеннической торговле требуют много времени для их составления и очень дороги для их реализации в Великобритании. У управляющих часто нет достаточных ресурсов для выполнения действий и не всегда можно оправдать такие расходы. Однако в некоторых обстоятельствах Служба неплатежеспособности Великобритании может быть готова вмешаться и помочь финансировать дело.

Следовательно, пока незаконная торговля защищает только кредиторов компании в целом, конкретные кредиторы, которые являлись контрагентами компании по причине несостоятельности, скорее всего, понесут убытки гораздо большие, чем кредиторы, которые стали ими раньше. Примечательно, что эта идея изначально подразумевалась как в незаконной, так и в мошеннической торговле, но позже была изменена законодательной властью и судами в той форме, которая существует в настоящее время.

Библиографический список

[1] *Conway Lorraine*. Company insolvency: potential liabilities of directors. [Электронный ресурс] // Commons Library Briefing, 2017. — 18 с. — URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7936/CBP-7936.pdf>. (дата обращения: 01.03.2019).

[2] *Konstantinov Dmitry*. Wrongful Trading: Comparative Approach (England and Wales, Russia and the USA) [Электронный ресурс] // BRICS Law Journal. — 2015. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/wrongful-trading-comparative-approach-england-and-wales-russia-and-the-usa> (дата обращения: 01.03.2019).

[3] The Fraud Landscape Insolvency and the fight against fraud [Электронный ресурс] // Fraud Landscape Paper, 2015/ — 9 с. — URL: // https://www.r3.org.uk/media/documents/policy/policy_papers/Fraud/R3_Fraud_Landscape_Paper.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

УДК 336.2

*Богданова Дарья Станиславовна,
студентка Санкт-Петербургского
государственного университета*

*Локотко Анастасия Александровна,
студентка Санкт-Петербургского
государственного университета*

Проблема реализации права налогоплательщика на представление возражений на акт налоговой проверки

Само право налогоплательщиков представлять свои письменные возражения по акту налоговой проверки следует из положений пп. 7 п. 1 ст. 21 Налогового кодекса РФ (далее: НК РФ): налогоплательщики имеют право представлять налоговым органам и их должностным лицам пояснения по исчислению и уплате налогов, а также по актам проведенных налоговых проверок. В актах Федеральной налоговой службы под понятием «возражение» понимается письменное обращение в налоговый орган, содержащее несогласие налогоплательщика с актом налоговой проверки (п. 6 ст. 100 НК РФ), с результатами дополнительных мероприятий налогового контроля (п. 6.1 ст. 101 НК РФ) [3]. Стоит отметить, что само по себе право на возражение развива-

© Богданова Д. С., Локотко А. А., 2019

ется. Так, в 2018 г. в п. 6.2 ст. 101 НК РФ было законодательно закреплено право налогоплательщика представлять возражения по итогам дополнительных мероприятий налогового контроля.

Суть права налогоплательщика на представление возражений раскрывает история возникновения данного права. В 1937 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР, устанавливавшее порядок предварительного судебного контроля над действиями административных органов по изъятию имущества. Данное постановление позволило налогоплательщикам представлять свои возражения во время судебного заседания, рассматривающего вопрос по изъятию имущества. Сейчас возражения на акт проверки представляются до привлечения к юридической ответственности или применения иных мер юридического принуждения [1].

Сегодня одной из актуальных проблем является то, что закон не предусматривает безусловную отмену решения в случае непредоставления налогоплательщику возможности возразить [5]. Практика подтверждает, что однозначную отмену решения по итогам проверки данное нарушение не повлечет. Например, в постановлении ФАС Западно-Сибирского округа от 30 апреля 2008 г. № Ф04-2731/2008(4438-А27-29) по делу №А27-7753/2007-2 суд указал, что налогоплательщик не оспаривает в суде наличие обязанности по уплате налога в бюджет, поэтому нерассмотрение инспекцией направленных налогоплательщиком возражений не является существенным нарушением норм ст. 101 НК РФ и не влечет отмену решения, вынесенного по результатам проверки.

Однако есть судебная практика, которая защищает право налогоплательщика на представление возражений от недобросовестного поведения налоговых органов. Так, в постановлении ФАС Московского округа от 23 января 2009 г. № КА-А41/12979-08 суд установил, что решение налогового органа должно было быть вынесено не ранее 3 октября 2007 г., учитывая шесть дней (считая с 12 сентября 2007 г.), отведенных законодателем на доставку корреспонденции налогоплательщику, а также 15-дневный срок, установленный п. 6 ст. 100 НК РФ на представление возражений на акт проверки. Фактически же оно было вынесено 28 сентября 2007 г., т. е. Инспекцией нарушено право налогоплательщика на представление в налоговый орган письменных возражений по акту налоговой проверки в целом или по его отдельным положениям, а соответственно, и право на урегулирование спора во внесудебном порядке. В связи с этим суд признал решение налогового органа незаконным.

Таким образом, как показывает судебная практика, суды подчеркивают, что нарушение требований к представлению возражений налогоплательщиком на акт налоговой проверки напрямую ведет к признанию решения, вынесенного налоговым органом, незаконным.

М. В. Гордон и Е. В. Голева указывают, что, «несмотря на то что сам по себе акт налоговой проверки не порождает изменений в правах и обязанностях налогоплательщика, не содержит обязательных предписаний, а отсутствие возражений не свидетельствует о согласии с начислениями по акту», обязательно надо представлять «развернутые и обоснованные возражения в письменном виде» [2]. Таким образом, налогоплательщикам недвусмысленно указывается на необходимость реализации данного права.

Судебная практика также свидетельствует о тенденции превращения процедуры представления возражений из права налогоплательщика в его обязанность. Так, в постановлениях ФАС Восточно-Сибирского округа от 25 ноября 2010 г. по делу № А33-17278/2009 и от 10 сентября 2010 г. по делу № А33-17361/2009 мы видим обязательность составления возражений на акт проверки: «Таким образом, не только полное отражение в акте налоговой проверки выявленных нарушений, но и последующее изучение и составление налогоплательщиком возражений на него являются обязательным условием осуществления налоговым органом дальнейшей процедуры привлечения налогоплательщика к ответственности». Абсолютно такая же формулировка обязательности составления налогоплательщиком возражений на акт проверки содержится и в следующих решениях судов (решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 12 мая 2016 г. по делу № А71-1999/2016; решение Арбитражного суда Тюменской области от 26 февраля 2016 г. по делу № А70-13996/2015; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 мая 2015 г. по делу № А40-48447/2014). Суды не просто пишут об обязательности представления налогоплательщиком возражений, но даже используют идентичные формулировки.

Существует еще одна проблема, связанная с представлением возражений в налоговый орган. Налогоплательщик, представляя возражения в налоговый орган, ставит его в известность относительно своей позиции по конкретному вопросу. Налоговый орган может принять меры к усилению собственной позиции и, например, назначить проведение дополнительных мероприятий налогового контроля по п. 6 ст. 101 НК РФ [4].

Таким образом, проблемы реализации права налогоплательщика на представление возражений на акт налоговой проверки заключаются в следующем. Во-первых, бывают случаи, когда налоговые органы не рассматривают возражения налогоплательщика или не дают ему возможности подать возражения. Есть основания полагать, что п. 14 ст. 101 НК РФ следует сделать императивной нормой, согласно которой нарушение должностными лицами налоговых органов права налогоплательщика на представление возражений является основанием для отмены решения налогового органа вышестоящим налоговым

органом или судом. В настоящий момент в данной норме установлена дискреция в отношении того, признавать это основанием для отмены решения или нет. Во-вторых, при представлении возражений существует риск, что налогоплательщик усиливает позицию налогового органа, поскольку ставит его в известность по поводу своей позиции по конкретному вопросу. Однако возражения на акт налоговой проверки нужны не только налогоплательщику, но и налоговому органу. Для налогоплательщика они необходимы для доказательства своей невиновности в том или ином налоговом правонарушении. А налоговый орган на основе представленных налогоплательщиком возражений понимает, как дальше выстраивать свои «взаимоотношения» с последним, чтобы ускорить процесс рассмотрения данного дела. Поэтому эта проблема решается тогда, когда соблюдается баланс публично-правовых интересов. В-третьих, для того чтобы в отношении налогоплательщика не наступили неблагоприятные последствия, ему необходимо «обезопасить» себя путем принесения возражений в налоговый орган, а это и придает данному праву оттенок обязанности. На практике возникают ситуации, когда без принесения возражений позицию налогоплательщика игнорируют. Таким образом, для того чтобы позицию налогоплательщика восприняли, он должен предоставить свои возражения в налоговый орган. Иными словами, приобретается оттенок обязанности, что недопустимо в отношении права. Поскольку это право, его реализация должна быть оставлена исключительно на усмотрение налогоплательщика, и ни налоговые органы, ни суд не имеют право заставлять налогоплательщика вносить возражения. Также невнесение возражений не должно влиять на дальнейшую возможность налогоплательщика отстаивать свою позицию как в налоговых органах, так и в суде.

Библиографический список

[1] *Березин М. Ю.* Рассмотрение возражений на акт проверки // Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система. — 2018. — С. 216–219.

[2] *Гордон М. В., Голева Е. В.* Особенности стадии представления возражений на акт налоговой проверки применительно к сделкам с «проблемными контрагентами» // *Налоги.* — 2016. — № 4. — С. 21–25.

[3] Подача возражений на акты налоговых проверок: информация ФНС России // *Нормативные акты для бухгалтера.* — 2018. — № 9.

[4] *Тютин Д. В.* Налоговый контроль, ответственность и защита прав налогоплательщиков. — М.: КОНТРАКТ, 2014. — 216 с.

[5] *Тютин Д. В.* Налоговое право: курс лекций. — М.: ГроссМедиа, 2018. — 1672 с.

Использование механизма субвенции органами местного самоуправления в Российской Федерации

Местное самоуправление играет ключевую роль в организации жизни общества всех развитых стран. В России оно имеет ряд особенностей и одной из них является активное использования механизма субвенции.

Стоит сразу оговориться, что сам по себе механизм субвенции — это просто финансовый и бюджетный инструмент, и все его недостатки и достоинства проистекают в большей степени от способа его использования, чем от него самого.

Субвенции в российской системе бюджетного федерализма выступают одним из основных видов межбюджетных трансфертов. В соответствии со ст. 133 Бюджетного кодекса РФ субвенции из федерального бюджета в бюджеты субъектов Российской Федерации и муниципалитетов предоставляются в целях финансового обеспечения расходных обязательств субъектов Российской Федерации и (или) муниципальных образований, возникающих при выполнении переданных на нижестоящий уровень бюджетной системы полномочий Российской Федерации. Таким образом, субвенции используются в качестве инструмента финансирования делегированных полномочий.

По данным Министерства финансов РФ, в 2016–2018 гг. доля субвенций не сокращалась и колебалась в диапазоне 20–22% от всех доходов муниципалитетов. Это свидетельствует о нескольких неприятных особенностях, которые указывают на недоработки в вопросе эффективности местного самоуправления. И самое очевидное — это проблемы с распределением приоритетности финансирования и выполнения задач внутри муниципалитета, поскольку около четверти (а в зависимости от региона вплоть до двух третей) средств муниципалитетов должно идти на выполнение не их основных функций.

Теперь следует сказать о несколько менее очевидной проблеме субвенций: о дублировании полномочий. Дело в том, что зачастую на практике при формальной передаче полномочий в реальности они остаются у субъектов [3, с. 53]. Причина этого весьма проста. Решение о распределении полномочий и предоставлении субвенций принимают органы исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов, и они несут полную политическую ответственность

за действия муниципалитетов. При этом сами органы местного самоуправления они прямо не контролируют, поэтому предоставлять предусмотренные субвенциями реальные полномочия им максимально невыгодно. Как правило, сохранение реального контроля происходит путем предоставления субвенции с сохранением аппарата для исполнения полномочий на федеральном уровне и уровне субъекта, что приводит к пересечению полномочий и падению эффективности, при фактически двойном финансировании [1, с. 19].

Из вышесказанного вытекает новая проблема: трудность привлечения муниципалитетов к ответственности. При этом реализация переданных полномочий не является для них первоочередной задачей, поскольку структура большинства органов местного самоуправления предполагает, что глава муниципалитета зависит от представительного органа, а тот, в свою очередь, зависит от выборов, на результаты которых в значительной степени влияет реализация органами местного самоуправления их базовых задач. Это приводит к ситуации, когда вынудить органы местного самоуправления реализовать переданные полномочия крайне сложно, поскольку им не всегда выгодно делать это в первую очередь и с надлежащей эффективностью.

Более того, в последнее время пересмотр разграничения полномочий между уровнями бюджетной системы происходит практически ежегодно, что снижает предсказуемость основных параметров бюджетной системы для региональных и местных властей и негативно сказывается на качестве управления государственными и муниципальными финансами [2, с. 122].

Резюмируя вышесказанное, можно признать использование механизма субвенции чрезмерным и малоэффективным относительно затраченных средств. Впрочем, ситуация безнадежна, и проблемы вызваны в основном неполным разделением полномочий и не всегда верным распределением уже четко разграниченных. Собственно говоря, если около 20% доходов муниципалитетов на протяжении ряда лет представляют собой субвенции на переданные полномочия, возникает логичный вопрос: а почему эти полномочия еще не закреплены за муниципалитетом с соответствующим изменением структуры налогообложения? Подобная передача полномочий позволит решить большинство проблем и сделать субвенцию тем, чем она раз и должна являться: крайне узкоспециализированным инструментом, который используется в исключительных случаях и на протяжении небольшого периода времени для решения конкретной, возможно неожиданной, задачи. В результате это приведет к улучшению системы управления в целом и позволит как органам местного самоуправления, так и органам государственной власти более эффективно исполнять свои обязанности.

Библиографический список

[1] Карчевская С. А. Развитие финансовой самостоятельности местного самоуправления на современном этапе // Финансы. — 2009. — № 8. — С. 16–24.

[2] Назаров В., Мамедов А., Силуанов А., Зарубин А. Проблемы межбюджетных отношений в России. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012.

[3] Юшков А. О., Одинг Н. Ю., Савулькин Л. И. Роль субвенций в российской системе бюджетного федерализма // Вопросы экономики. — 2016. — № 10. — С. 49–64.

УДК 34.01

*Кичкинёв Владислав Николаевич,
студент Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

Правовые принципы как основа существования правопорядка на примере либертарно-юридической теории права

Правопорядок представляет собой в первую очередь явление социальное. Это общественный порядок в правовой оболочке. Следовательно, его природа социально обусловлена. Основой любого общества является господствующее представление о ценностях и идеалах, на основании которых строится целостная система общественных отношений.

Основу правовой системы составляют принципы права, которые различны для каждой правовой системы и в ее рамках тоже могут дифференцироваться через призму общественных ценностей. Правопорядок базируется на правовых принципах, которые реализуются в поведении людей и преломляются в их деятельности, а также находят свое выражение в нормах и институтах права.

В юридической литературе существует значительное количество подходов к определению дефиниции «принципы права». Все они сводятся к тому, что под принципами права следует понимать основополагающие правовые ценности, господствующие в данном обществе и определяющие конструирование правовой системы.

© Кичкинёв В. Н., 2019

Если правовые принципы всегда обусловлены господствующими в том или ином обществе ценностями, то возникает вопрос: существуют ли универсальные правовые принципы, способные урегулировать общественные отношения в любом обществе?

Представители либертарно-юридической теории права пытаются утвердительно ответить на данный вопрос. Зародившаяся в России в трудах В. С. Нерсисянца теория нашла развитие в трудах его учеников: Н. В. Варламовой, В. В. Лапаевой, В. А. Четвернина и др.

В качестве базовых правовых принципов либертарно-юридическая школа называет правовую свободу и формальное равенство.

Как пишет В. Н. Варламова, «правовая свобода — это просто и только формальная свобода выбора варианта поведения в отсутствие внешнего принуждения без каких-либо гарантий достижения намеченных целей и предоставления для этого необходимых ресурсов. Ей противостоит, в корне от нее отличаясь, так называемая реальная свобода, предполагающая реальную возможность совершения определенных действий» [1, с. 48].

Так, «свобода в своем собственном смысле, значении и ценности предполагает лишь формальную, абстрактную, не обусловленную внешним принуждением возможность выбора своего поведения, способа распоряжения собственными (психофизическими) ресурсами, присвоения иных ресурсов и распоряжения ими. Свобода возможна только в сфере формального. Реально, фактически человек всегда не свободен (выбор доступных ему альтернатив ограничен), и все люди фактически свободны (или несвободны) в разной мере» [1, с. 50].

Выходит, что для В. Н. Варламовой формальная свобода фактически соответствует несвободе. Сторонники либертарно-юридического правопонимания осознают невозможность абсолютной свободы.

Основополагающим же принципом правового регулирования представителям либертарно-юридической теории видится формальное равенство, «понимаемое как равенство в свободе, обеспечение и защита равной меры свободы всех участников социального взаимодействия» [2, с. 48]. Принцип, который выражает специфическое содержание права как особого, отличного от всех иных, социального регулятора. Его универсальность проявляется в том, что он комплексно и всесторонне определяет правопорядок, воплощает в себе требования как к содержанию позитивного права, так и к формам и способам его установления и защиты. Принцип формального равенства отличается «операциональностью»: применительно к той или иной ситуации (отношению) он может быть конкретизирован и «развернут» в непротиворечивую систему формально определенных правил поведения — позитивных правовых предписаний [2, с. 49].

Но как определить меру свободы в каждом конкретном случае? Также отметим, что в конкретных жизненных ситуациях люди не ищут какой-то определенной меры поведения, а следуют уже сложившимся в процессе социализации типам (моделям) поведения.

Несколько иной подход к пониманию формального равенства как меры свободы предлагает В. А. Четвернин. Так, «свободой (и правом как необходимым институтом или необходимой формой свободы) признается такой порядок социальных интеракций, при котором действует (и обеспечивается организованным принуждением) всеобщий запрет агрессивного насилия <...> В либертарном понимании правовой регуляцией признается только обеспечение равенства в свободе, т. е. такая сопряженная с принуждением регуляция поведения» свободных индивидов, когда отклоняющимся поведением признается только агрессивное насилие [3, с. 228–229].

Как верно отмечает И. Л. Честнов, «в таком случае все публичное право (если оно не охватывает так называемое «запретительное или охранительное право», которое можно считать разновидностью публичного) выпадает из “правового поля”, так как любое отклонение от установленной процедуры, в соответствии с принципом “все, что не разрешено, запрещено”, автоматически является незаконным» [4, с. 565].

Таким образом, можно признать, что либертарно-юридической теории не удастся сформировать универсальные правовые принципы. Все же стоит признать, что правовые принципы должны быть обусловлены устоями общества, в рамках которого они существуют.

Свобода и формальное равенство могут быть признаны основополагающими правовыми принципами для обществ западного типа с развитой рыночной экономикой и соответствующей системой господствующих в данном обществе ценностей.

Библиографический список

[1] *Варламова Н. В.* Понимание свободы, равенства и справедливости в контексте либертарной концепции права // Российский ежегодник теории права. — 2008. — № 1. — С. 43–66.

[2] Принцип формального равенства и взаимное признание: колл. моногр. / под общей ред. В. В. Лапаевой, А. В. Полякова, В. В. Денисенко. — М.: Проспект, 2016. — 208 с.

[3] *Четвернин В. А., Яковлев А. В.* Институциональная теория и юридический либертаризм // Ежегодник либертарно-юридической теории. — 2009. — Вып. 2. — С. 215–237.

[4] *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права: моногр. — СПб.: Алеф-Пресс, 2012. — 650 с.

Виды международных коммерческих арбитражей

В настоящее время, с учетом изменений внесенных Федеральным законом от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», на территории Российской Федерации под арбитражем (третейским разбирательством) понимается процесс разрешения спора и принятия решения третейским судом (арбитражного решения).

Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 382) разделяет внутренние и международные арбитражи, возлагая правовое регулирование последней категории на Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (далее — Закон).

Согласно п. 3 ст. 1 Закона на разрешение в международный коммерческий арбитраж могут передаваться гражданско-правовые споры, возникающие при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, а также споры, связанные с иностранными инвестициями.

Как и ФЗ № 382, так и Закон, выделяют два основных вида арбитража: администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением (далее — ПДАУ) и третейский суд, образованный сторонами для разрешения конкретного спора. В юридической науке эти виды также известны как институциональный арбитраж и арбитраж «ad hoc» соответственно.

Такой подход, принятый на законодательном уровне, к определению видов коммерческого арбитража соответствует выработанной за годы существования этого института как международной, так и национальной практике его реализации и научной доктрине.

Так, в абзаце 2 статьи 1 «Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений», участниками которой являются более 150 государств мира, включая Российскую Федерацию, признаются «не только арбитражные решения, вынесенные арбитрами, назначенными по каждому отдельному делу, но также и арбитражные решения, вынесенные постоянными арбитражными органами, к которым стороны обратились».

Аналогичная позиция содержится в «Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже», принятом на 18-ой сессии ЮНСИТРАЛ в г. Нью-Йорке 21 июня 1985 года (далее — Типовой Закон), в котором самым определением арбитража подтверждается его существование именно в этих видах: ««арбитраж» означает любой арбитраж, независимо от того, осуществляется ли он постоянным арбитражным учреждением или нет».

Сравнивая международный коммерческий арбитраж, администрируемый ПДАУ, и международный коммерческий арбитраж «ad hoc», несложно выделить общие черты, сходства и различия, которые позволяют разделить эти две категории в различные виды.

К сходствам можно отнести следующие черты.

Во-первых, к какому бы виду не относился международный коммерческий арбитраж, он по своей сути остается вне рамок государственного судопроизводства, то есть остается негосударственным институтом разрешения споров.

Во-вторых, поскольку это виды международного коммерческого арбитража, то и сфера подсудных разногласий сторон не меняется при обращении сторон к любому из этих видов альтернативного урегулирования спора.

В-третьих, сам процесс разрешения какого-либо спора в таких арбитражах может быть инициирован сторонами исключительно посредством заключения арбитражного соглашения о передаче спора в соответствующий международный коммерческий арбитраж. Иного основания для возбуждения международного коммерческого третейского разбирательства на данный момент не существует, поскольку лишь стороны заинтересованы в более удобном для них разрешении их внешнеэкономического спора, а согласование воли сторон возможно посредством обоюдного соглашения.

В-четвертых, общей чертой двух этих видов является единственная инстанция разрешения конкретного спора между сторонами, не предусматривающая обжалования вынесенных решений.

При этом, в-пятых, как институциональный, так и арбитраж «ad hoc», не может обойтись без содействия компетентных судов в определенных вопросах, которые как правило устанавливаются законами того государства, на территории которого находится этот арбитраж. Именно компетентные суды уполномочены признавать или, наоборот, отменять решения международных коммерческих арбитражей.

В противовес, говоря об основаниях выделения институционального арбитража и арбитража «ad hoc» в отдельные разновидности (то есть об их различиях), нельзя не отметить следующее.

Пожалуй, самым явным и основным различием является срок действия такого арбитража: арбитраж, администрируемый ПДАУ,

действует как до, так и после разрешения разногласий между спорящими сторонами, в то время как арбитраж «ad hoc» распространяет свое действие исключительно для рассмотрения и разрешения конкретного спора, возникшего между сторонами, и прекращается после вынесения решения.

Помимо этого разница между двумя видами международного коммерческого арбитража проявляется также в степени вовлеченности сторон в процедурные аспекты международного коммерческого арбитража, его организацию.

Естественно, что институциональный арбитраж направлен на минимизацию вовлеченности сторон в процедуру организации международного коммерческого арбитража, поскольку функцию организации международного коммерческого арбитража берет на себя соответствующее учреждение (по сути, третья сторона), в то время как при арбитраже «ad hoc» самим сторонам приходится брать на себя решение вопросов организации такого мероприятия.

Поскольку арбитражи «ad hoc» являются относительно краткосрочными, то свести их к какой-то разумной классификации довольно сложно. В связи с этим предлагается делить арбитражи «ad hoc» условно на два подвида: целесообразный и нецелесообразный. При этом критерием оценки отнесения таких арбитражей к тому или иному подвиду служит результат отношения затраченного времени на организацию третейского разбирательства к затраченному времени на урегулирование конфликта, исчисляя с начала его образования. Таким образом, получается, что целесообразным можно будет признать такой арбитраж «ad hoc», время которого на его организацию меньше половины от всего затраченного времени на урегулирование спора между сторонами.

Иначе обстоит дело с арбитражами, администрируемыми ПДАУ: в науке существует классификация этого вида арбитража на подвиды.

В зависимости от объема компетенции (круга, категорий споров, которые могут рассматриваться согласно положению и регламенту) выделяют следующие постоянно действующие третейские суды: общей и специальной компетенции.

Учитывая относительную историческую молодость института международного коммерческого арбитража и относительную устойчивость выделения и в теории, и на практике арбитражей, администрируемых ПДАУ, и арбитражей «ad hoc», все же имеются основания утверждать, что классификацию арбитражей нельзя считать законченной, а вопрос видов международных коммерческих арбитражей закрытым. При этом стоит признать, что указанная выше классификация прошла проверку временем и крепко укоренилась в представлении человечества о видах международного коммерческого арбитража.

Библиографический список

[1] *Абитов Э. Н.* Третейское судопроизводство как элемент системы альтернативного разрешения цивилистических споров // Арбитражный и гражданский процесс. — 2017. — № 8. — С. 33–37.

[2] *Комаров А. С.* Третейское разбирательство (международный арбитраж) как фактор интеграции России в процесс экономической глобализации / под науч. ред. А. И. Муранова, О. Н. Зименковой, А. А. Костина. — М.: Статут, 2017. — С. 612–627.

[3] Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: Сборник статей к 80-летию Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации / под ред. А.А. Костина; МКАС при ТПП РФ. — М.: Статут, 2012. — 399 с.

[4] *Николюкин С. В.* Международный гражданский процесс и международный коммерческий арбитраж: учебник / С. В. Николюкин. — Москва: ЮСТИЦИЯ, 2017.

[5] Новые горизонты международного арбитража: Сборник статей выступающих на конференции «Российский арбитражный день — 2018» / С. Н. Алехин, А. В. Асосков, А. В. Грищенко и др.; под науч. ред. А. В. Асоскова, А. И. Муранова, Р. М. Ходыкина. — М.: Ассоциация исследователей международного частного и сравнительного права, 2018. — 349 с.

[6] *Носырева Е. И.* Правовая природа и особенности производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. — 2017. — № 4. — С. 79–100.

УДК 349.23

*Кальшова Анастасия Антоновна,
студентка Уральского государственного
юридического университета*

Проблемы перехода к электронному документообороту в трудовых отношениях

Тенденции современного общества таковы, что все больше и больше информации содержится на цифровых носителях. Информатизация затронула практически все сферы жизни и деятельности

общества. Отрасль трудового права не стала исключением, ведь «во многом от того, насколько своевременно, достоверно и в полном объеме будет представлена работником и работодателем информация, будет зависеть законность отношений, возникших между ними, а также отсутствие конфликтных ситуаций» [1, с. 119]. В настоящее время Министерство труда и социальной защиты РФ занимается разработкой законопроектов, посвященных ведению документов, предусмотренных трудовым законодательством, связанных с работой, в электронном виде. В связи с этим возникает необходимость проанализировать все положительные и отрицательные последствия таких нововведений.

В соответствии с действующим трудовым законодательством данные в цифровом виде используются только в нескольких случаях, например при правовом регулировании труда дистанционных работников (гл. 49.1 ТК РФ); при передаче результатов проведения специальной оценки условий труда в Федеральную государственную информационную систему учета результатов проведения специальной оценки условий труда в форме электронного документа, подписанного квалифицированной электронной подписью (ст. 18 федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда»).

Правоприменительная практика в определенных ситуациях признает законными и иные случаи ведения обязательной документации в электронной форме в рамках конкретного работодателя (решения Ново-Савиновского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 16 января 2014 г. № 2-1091/14; определение Московского областного суда от 21 апреля 2014 г. № 33-8606/2014), однако в основном «в сложившейся ситуации правовой неопределенности суды пытаются разрешать споры, исходя из общих положений трудового законодательства, что может привести к негативным материальным и процессуальным последствиям» [3, с. 92].

26 марта 2018 г. Минтруд РФ издал приказ № 194 «О проведении эксперимента по переводу в электронную форму документов и сведений о работнике по вопросам трудовых отношений», в соответствии с которым ряд организаций будут осуществлять апробацию системы электронного ведения документации на этапах заключения трудового договора, оформления служебных командировок, ознакомления работников с некоторыми локальными нормативными актами, графиками учета рабочего времени и отпусков в период до 1 октября 2018 г. К концу 2018 г. участники эксперимента совместно с Минтрудом РФ озвучили определенные выводы по его результатам, среди которых были обозначены необходимость модернизации информационной сферы (включая информационную безопасность при передаче данных), снижение стоимости приобретения и использования электрон-

ной подписи, принятие решений по архивному хранению данных, а также определение юридической значимости электронных документов, в том числе в судебных спорах.

В феврале 2019 г. Минтруд РФ обозначил следующий этап в рамках реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: на официальном сайте проектов нормативных документов опубликовал проект федерального закона, который вводит электронный кадровый документооборот, однако пока только в качестве следующего эксперимента на период с 1 января 2020-го по 31 декабря 2022 г. у отдельных работодателей и только с их согласия. Данный законопроект в некоторой степени решает проблемы, выявленные в ходе предыдущей апробации в 2018 г.:

— однозначно возлагает на работодателей все расходы по обеспечению работников цифровой подписью (п. 6 ст. 3 законопроекта);

— дает право выбора вида электронной подписи при ведении документов работодателям, но приводит перечень документации, для подтверждения которой требуется усиленная квалифицированная электронная подпись (при заключении трудового либо ученического договора, договора о материальной ответственности и внесении в них изменений; п. 3 ст. 3 законопроекта);

— обеспечивает право работника на самостоятельный выбор способа выдачи документации (в электронном или бумажном виде), связанной с работой, по его заявлению (п. 4 ст. 3 законопроекта);

— предоставляет работодателю возможность хранения документации только на электронных носителях, без их дублирования на бумаге (п. 2 ст. 4 законопроекта);

— предоставляет работодателю самостоятельно выбирать способ выдачи необходимых документов при запросе их уполномоченными на проведение государственного контроля органами (п. 3 ст. 4 законопроекта).

Однако в случае одобрения законопроекта в представленном варианте не удастся избежать ряда трудностей, которые могут возникнуть из-за игнорирования или недостаточной освещенности ряда вопросов.

1. Проект федерального закона не регламентирует правила создания информационных систем в рамках конкретных организаций, обозначая только их наличие, что может существенно замедлить процесс перехода к электронным средствам передачи, хранения и использования данных.

2. Абстрактно оговаривается перечень документации, доступ к которой можно будет получить с использованием цифровой подписи.

3. По общему правилу работодатель самостоятельно устанавливает вид электронной подписи, применяемый при ведении документов, связанных с работой. Однако, по мнению Е. М. Офман, «в

целях соблюдения принципа системного применения норм ТК РФ, предотвращения рассогласованности отдельных положений ТК РФ пока еще в законопроекте необходимо сформулировать правило о необходимости использования именно усиленной квалифицированной электронной подписи при осуществлении кадрового документооборота в электронной форме» [2, с. 56].

4. Проект ФЗ не затрагивает «незащищенные» группы работников (пенсионеры, инвалиды, несовершеннолетние), которые ввиду их возраста, физических особенностей либо иных причин могут быть ограничены в своих возможностях при пользовании ЭВМ.

5. Поскольку применение электронной подписи как способа закрепления факта ознакомления граждан с теми или иными документами требует наличия определенных знаний и умений, необходимо обозначить возможность обучения таким навыкам.

Стоит, однако, отметить и благоприятные последствия ведения системы электронного документооборота:

— систематизация данных о работнике, о его предыдущих местах работы (путем перехода на электронные трудовые книжки), о всех действиях, совершаемых сторонами трудовых отношений;

— появление возможности хранения данных только в цифровом виде, без дублирования печатными экземплярами, что позволит уменьшить объем работ, выполняемых кадровым отделом организаций, и повысит их эффективность;

— удобство в применении большинством граждан, которые смогут беспрепятственно осуществлять некоторые трудовые права при удаленном доступе, например находясь в служебной командировке; работодатели, в свою очередь, получают возможность унифицировать систему оповещения работников (доносить информацию о графике отпусков, их планировании, об учете фактически отработанного времени, о принимаемых локальных нормативных актах);

— значительное уменьшение возможности фальсификации документов при их приведении в единообразную электронную форму со стороны как работников, так и работодателей;

— появление большего объема компетенций у государственной инспекции труда, профсоюзов относительно реализации контроля над соблюдением организациями законодательства, возможность проведения проверок документации при удаленном доступе.

Подводя итог, необходимо отметить, что перевод организаций на кадровый электронный документооборот и внедрение в трудовые отношения информационной составляющей — закономерный процесс, происходящий во всем мире и ожидаемый в России в ближайшем будущем. Однако при его осуществлении необходим переходный период, который предоставит сторонам трудовых отношений возможность адаптироваться к новым требованиям, учесть все особенности тех

или иных категорий работников и минимизировать какой-либо ущерб. Минтруд РФ и другие разработчики проекта это понимают и в настоящее время ищут компромисс, что вполне целесообразно. В связи с этим изменения в трудовое законодательство должны быть внесены после подведения однозначных итогов проводимых экспериментов в рамках нескольких организаций. Необходимо также решить все существующие проблемы в информационной сфере — не исключено, что с помощью применения отечественных информационных технологий.

Библиографический список

[1] *Кучина Ю. А.* О некоторых проблемах реализации права сторон трудового договора на получение информации // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». — 2009. — № 3 (20). — С. 119–122.

[2] *Офман Е. М.* Электронный документооборот в трудовых отношениях: проблемы и перспективы // Вестн. Южн.-Уральск. гос. ун-та. Сер. «Право». — 2018. — № 4. — С. 53–57.

[3] *Туманов А. А.* Электронное взаимодействие сторон трудовых отношений // Электрон. прил. к «Российскому юридическому журналу». — 2016. — № 4 (36). — С. 93–100.

УДК 347

*Мухина Анна Михайловна,
студентка Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

Исковая давность как необходимое условие защиты прокурором публичных интересов в сфере пользования и распоряжения государственной и муниципальной собственностью в арбитражном процессе

Собственность публично-правовых образований (Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований) признается и защищается на конституционном уровне ввиду ее особой значимости в деле функционирования государственных и муниципальных органов власти при выполнении ими установленных законом задач.

Несмотря на постоянную работу контролирующих органов, большое количество ежегодно выявляемых правонарушений в сфе-

© Мухина А. М., 2019

ре управления государственной и муниципальной собственностью свидетельствует об уязвимости публичных интересов в указанной сфере.

Именно поэтому обеспечение законности в сфере пользования и распоряжения государственной и муниципальной собственностью — одно из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры России.

Как эффективное средство прокурорского реагирования, направленное на предупреждение, реальное устранение нарушений, полное возмещение ущерба публичным интересам в сфере пользования и распоряжения государственной и муниципальной собственностью, зарекомендовало себя обращение прокурора в арбитражный суд. Полномочие прокурора по защите публичных интересов в сфере пользования и распоряжения государственной и муниципальной собственностью в судебном порядке предусмотрено ст. 35 ФЗ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которой прокурор участвует в рассмотрении дел судами в соответствии с процессуальным законодательством. Кроме процессуальных норм на прокурора распространяют действие и нормы Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) об исковой давности, соблюдение сроков которой является необходимым условием для принятия судом положительных решений по заявлениям прокурора.

Нарушенные права собственника (публично-правового образования) подлежат судебной защите в пределах срока исковой давности (ст. 195 ГК РФ). В соответствии со ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности равен трем годам. Но интереснее здесь тот факт, что момент начала течения срока исковой давности начинается со дня, когда лицо (собственник) узнало или должно было узнать о нарушении своего права; изъятия из этого правила устанавливаются данным кодексом и иными законами (п. 1 ст. 200 ГК РФ). Что касается публично-правовых образований, то в п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности» дается разъяснение, из смысла которого следует, что в случае обращения в суд прокурора в защиту публичных интересов давность исчисляется с момента, когда о нарушении узнал или должен был узнать уполномоченный орган, который является формальным носителем публичного интереса.

В порядке исключения из общего правила применительно к требованиям, связанным с недействительностью ничтожных сделок, в п. 1 ст. 181 ГК РФ предусмотрена специальная норма, в соответствии с которой срок исковой давности по требованию о применении последствий недействительности ничтожной сделки составляет один год. Течение срока исковой давности по указанному требованию начинается со дня, когда началось исполнение этой сделки. В п. 32 по-

становления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ» разъяснено, что сроки, установленные п. 1 ст. 181 ГК РФ, применяются и к требованиям о признании недействительной ничтожной сделки.

Как известно, в АПК РФ и ГК РФ для прокурора не предусмотрено специальных сроков исковой давности при оспаривании сделок. Начало течения данных сроков определяется точно так же, как если бы в суд обращалось само лицо, чье право нарушено.

На деле же прокурор зачастую в силу причин, не зависящих от воли работников прокуратуры, не располагает оперативными и актуальными данными о нарушениях публичных интересов в сфере пользования и распоряжения государственной и муниципальной собственностью, поскольку органы государственной власти и местного самоуправления по халатности либо умышленно скрывают факты совершения не соответствующих закону сделок.

В соответствии с п. 2 ст. 199 ГК РФ пропуск срока исковой давности является основанием к вынесению судом решения об отказе в удовлетворении иска, т. е. принудительная (судебная) защита публичных интересов невозможна. И такая практика сегодня, к сожалению весьма распространена.

Так, решением Арбитражного суда Республики Хакасия от 1 февраля 2018 г. по делу № А74-14955/2017 прокурору было отказано в удовлетворении заявленного требования о признании недействительным договора аренды земельного участка между администрацией и ГУП РХ «Орджоникидзевское ДРСУ» от 23 января 2013 г. как нарушающего публичные интересы.

Из материалов дела следует, что о нарушении стало известно по результатам проведенной прокуратурой 11 июля 2017 г. проверки совместно с Министерством природных ресурсов и экологии Республики Хакасия. Однако тот факт, что до момента подачи данного искового заявления в арбитражный суд полномочия администрации района на распоряжение спорным земельным участком оспорены не были, был учтен судом при определении срока исковой давности, момент начала которого определялся началом исполнения договорных обязательств — соответственно 23 января 2013 г. Обращение в суд датировано 9 октября 2017 г., т. е. по истечении срока исковой давности.

Судом апелляционной и кассационной инстанции решение суда первой инстанции оставлено без изменений, а жалобы — без удовлетворения [3].

При пропуске срока по уважительным причинам (в их числе несвоевременное выявление правонарушений) прокурор вправе ходатайствовать суду о его восстановлении. Но и эта причина судам не кажется убедительной и соответствующей закону, что на практике

влечет отказ в восстановлении пропущенного срока исковой давности [4].

В некоторых случаях пропуск срока исковой давности прокурором связан с тем, что прокурор в силу предписаний ведомственных актов обязан исчерпать все предусмотренные законом меры устранения правонарушений в досудебном порядке (например, путем направления в адрес правонарушителя представления), и только если восстановить законность не удалось, обращаться за защитой публичных интересов в суд.

Кроме исковой работы законность в сфере управления собственностью публично-правовых образований обеспечивается путем оспаривания ненормативных правовых актов на основании ст. 198 АПК РФ. Там нет сроков исковой давности, но срок на обращение в суд также ограничен и составляет три месяца со дня издания такого акта. Пропущенный по уважительным причинам срок обращения в суд может быть (право, а не обязанность) восстановлен судом по ходатайству обратившегося в суд лица, в том числе прокурора. Практика показывает, что единственным доказательством уважительности пропуска прокурором срока исковой давности является факт принятия прокурором до истечения установленного срока иных мер прокурорского реагирования для устранения выявленного нарушения в досудебном порядке (п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012 г. № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе»). Этот факт прокурор указывает в ходатайстве о восстановлении пропущенного срока.

Таким образом, результативность защиты прокурором публичных интересов в сфере пользования и распоряжения государственной и муниципальной собственностью в арбитражном процессе поставлены в зависимость от соблюдения сроков исковой давности.

Возможно, повышению эффективности могло бы способствовать применение аналогии: наделение суда дискреционными полномочиями, не нарушающими конституционных положений, определение момента начала течения срока с учетом всех объективных обстоятельств дела в части момента возникновения у лица, обратившегося в суд, реальной возможности защищать публичные интересы в судебном порядке [2, с. 6]. Ведь законодательное исключение прокурора из числа лиц, для которых обязателен досудебный порядок регулирования споров, по своему смыслу отвечает тем же целям.

Есть и противоположная точка зрения [1, с. 1]. В доказательство ее справедливости автор ссылается на принцип правовой определенности и стабильность гражданского оборота, которым по своей правовой природе служит институт исковой давности (постановление КС РФ от 20 июля 2011 г. № 21-П). Но стоит заметить, что такая стабильность существует в рамках законности гражданского обо-

рота, а публичные интересы в сфере управления государственной и муниципальной собственностью, как уже отмечено, подвержены повсеместным нарушениям действующего законодательства со стороны органов государственной и муниципальной власти [2, с. 7], что и вызывает острую необходимость пересмотреть вопрос об особенностях течения сроков исковой давности для прокурора при защите публичных интересов.

Библиографический список

[1] *Берлин А.* Толкование взвешенное и корректное // *ЭЖ-Юрист*. — 2015. — № 40. — С. 1, 3.

[2] *Бессчастный С. А., Бобылева О. А.* Применение исковой давности при судебной защите прокурором публичных интересов // *Законность*. — 2017. — № 8. — С. 3–7.

[3] Постановление ФАС ВСО от 5 сент. 2018 г. по делу № А74-14955/2017 // *СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ* // <http://sudact.ru> (дата обращения: 03.03.2019).

[4] Решение АС Ивановской области от 6 апр. 2012 г. по делу № А17-9764/2011 // *СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ* // <http://sudact.ru> (дата обращения: 03.03.2019).

УДК 342.9

*Османов Расул Нуреддинович,
студент Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Административно-правовой статус лиц без определенного места жительства

Бездомность — проблема мирового масштаба, характерная как для развитых, так и для развивающихся стран. В настоящее время в нашей стране эта проблема, к сожалению, остается нерешенной. Прежде всего, это связано с неразвитостью российского законодательства и его противоречивостью. Немаловажным аспектом является отсутствие у данных лиц постоянного места жительства и регистрации.

Одна из острых проблем современной России — большое количество лиц без определенного места жительства. По данным Росстата,

© Османов Р. Н., 2019

на сегодняшний день в стране насчитывается около 5 млн бездомных. Это явление оскорбительно для самого государства, ведь данный факт говорит о том, что государство не имеет возможности или желания решить эту социальную проблему.

Корни проблемы уходят в тот экономический и социальный кризис, который последовал за распадом советского государства. Бездомность — продукт постсоветской эпохи, тех процессов, которые происходили в нашей стране в 1990-х гг. [1].

подавляющее число бездомных — граждане России, а значит, они обладают всеми правами и свободами, упомянутыми в Конституции РФ. Но реализация прав и свобод напрямую зависит от регистрации и наличия документа, удостоверяющего личность. К сожалению, такие документы у данной категории лиц почти всегда отсутствуют. Государство и общество стремятся «не замечать» этих людей, хотя многих из них можно вернуть к нормальному образу жизни, если своевременно оказать им поддержку.

«Лицо без определенного места жительства» — это человек, находящийся в трудной жизненной ситуации, при которой он не имеет права пользования жилым помещением по предусмотренным законодательством основаниям либо не может реализовать это право по независящим от него причинам, а также не имеющий средств к существованию.

«Лицо без определенного места жительства» — это понятие, отражающее социальный статус человека — в данном случае отсутствие регистрации и постоянного места жительства. Эти два значимых для гражданина любого государства элемента взаимосвязаны при реализации прав и обязанностей.

Так, федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» определено, что гражданин Российской Федерации при заключении контракта должен иметь паспорт и свидетельство о постановке на учет по месту постоянного жительства. Как видим, право на государственную гражданскую службу напрямую связано с наличием регистрации.

В соответствии с Трудовым кодексом РФ устроиться на работу вправе каждый, даже при отсутствии регистрации. Однако обязательным документом для приема на работу является идентификационный номер налогоплательщика, который возможно получить по месту регистрации.

Так же обстоят дела и с другими социальными гарантиями, которые предоставляются лицам без определенного места жительства. Например, медицинское обслуживание. В отсутствие страхового медицинского полиса, который также возможно получить только при наличии паспорта, ни одна поликлиника не оказывает своевременную

медицинскую помощь, вследствие чего большинство лиц без определенного места жительства страдают многочисленными хроническими заболеваниями.

Бездомность напрямую влияет и на уровень преступности в стране. Полностью деградируя, бездомные не брезгают совершать различные преступления: кражи, убийства, разбойные нападения и т. п. Не имея средств к существованию, они вынуждены таким образом удовлетворять свои потребности.

На данный момент не существует закона, регулирующего порядок оказания помощи бездомным, хотя попыток принять его было множество. В частности, это федеральный законопроект «Об ограничении бродяжничества, социальной поддержке бездомных граждан и ресоциализации лиц, занимающихся бродяжничеством». Данный законопроект вводил обязательный регистрационный учет граждан, занимающихся бродяжничеством, и обязательный медицинский осмотр. За отказ проходить регистрацию и медицинскую проверку предусматривалось административное наказание в виде лишения свободы до 1 года. Законопроект также устанавливал меры по социальной поддержке. Принудительная социализация и медицинские осмотры не смогли бы решить саму проблему бездомности, поскольку не были бы устранены основные причины, вынудившие людей оказаться на улице. Скорее всего, по этой причине законопроект не был принят [2].

В основном помощь лицам без определенного места жительства оказывают благотворительные организации («Ночлежка», «Помощник и покровитель», «Дом друзей», «Справедливая помощь», «Помощь бездомным» и т. д.), которые помогают выжить в сложных ситуациях, но не вернуться к нормальной жизни. В их задачи входят предоставление ночлега и питания, создание среды, способствующей ресоциализации, оказание психологической и первичной медицинской помощи.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что лица без определенного места жительства являются самой незащищенной категорией лиц в России. Да, существуют специальные учреждения полустационарного типа: дома ночного пребывания, социальные приюты, центры социальной адаптации и т.п., однако они функционируют крайне неэффективно [3].

В Европейских странах уже давно действует выработанная система оказания помощи бездомным. Например, в Швеции уделяется большое внимание уровню образованности населения. В частности, законодательная система устроена так, что ни при каких обстоятельствах человек не может быть лишен минимальных жизненных благ и доходов, включая жилье или средства на его аренду. Если же человек оказался не в состоянии обеспечить себя сам (из-за болезни,

пожара, потери всех источников существования), социальная защита обеспечит его необходимым минимумом, в том числе и жильем. Стать бездомным в благополучной Швеции можно только по собственному желанию.

В США существуют специальные программы, которые предоставляют консультирование и психологическую помощь молодым людям, большинство из которых — бездомные. Программа сотрудничает с клиниками и молодежными организациями, в которых молодые люди могут проводить время.

Для решения проблем, вызванных бездомностью необходимо:

1) прежде всего, признать существование бездомных — это должно побудить власть к выполнению своих конституционных обязанностей;

2) создать закон, предупреждающий возникновение бездомности, регулирующий порядок оказания помощи таким лицам и предоставляющий привилегии при реализации прав;

3) в максимально короткие сроки усовершенствовать систему регистрационного учета граждан по месту жительства и по месту пребывания, в частности ускорить процесс регистрации, а также сделать механизмы реализации прав и свобод человека независимыми от наличия или отсутствия у него права собственности на жилье;

4) трудоустроить данную категорию лиц и предоставить временное жилье;

5) построить центры медико-социального ухода для временного размещения бездомных, страдающих различными заболеваниями.

В заключение следует сказать, что полностью устранить бездомность сегодня невозможно, но снизить ее до приемлемого уровня вполне реально — нужна лишь заинтересованность со стороны государства и продуманная стратегия оказания социальной помощи таким лицам. Только при соблюдении этих условий обеспечение и защита прав бездомных может стать реальностью, а значит, мы станем на один шаг ближе к построению развитого правового государства.

Библиографический список

[1] *Акутина К. И.* Бездомность: основные проблемы и пути решения // Гуманитарные научные исследования. — 2013. — № 6. — С. 20–23.

[2] *Малинин М. В., Ширяева И. С.* Анализ правового положения бездомных // Молодежный научный вестник. — 2018. — № 4. — С. 55–60.

[3] *Школяренко Е. А.* Статус бездомных и лиц без определенного места жительства: необходимо четкое правовое регулирование // Журнал российского права. — 2004. — № 5. — С. 63–70.

*Новикова Юлия Олеговна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Розыск должников и их имущества по законодательству иностранного государства

Системе принудительного исполнения присущ национальный характер. Она имеет определенную индивидуальность и обладает своими отличительными чертами, поскольку в каждой стране развивается под влиянием неких внутренних факторов. Хотя между всеми системами принудительного исполнения можно найти общее, например пути формирования зависят от источников финансирования. Можно выделить три возможных вида системы принудительного исполнения: это государственная, частная и смешанная.

На уровне закона понятие системы принудительного исполнения не закреплено, но в российской юридической науке она характеризуется как «совокупность правовых норм, регулирующих порядок выдачи, предъявления и исполнения исполнительных документов, а также ответственность за их неисполнение». Поэтому можно сказать, что система принудительного исполнения относится к отдельной отрасли права — исполнительному праву.

Систему организации исполнительного производства можно разделить на три вида. Одним из видов является публично-правовой, при котором судебный пристав-исполнитель занимает должность государственного служащего, т. е. полностью подконтролен государству. Частноправовой вид принудительного исполнения юрисдикционных актов характеризуется тем, что судебный пристав-исполнитель сам несет ответственность за свою деятельность. И наконец, смешанный вид сочетает в себе элементы публично-правового и частноправового.

Для начала рассмотрим страны англосаксонской правовой семьи, например Соединенные Штаты Америки и Великобританию. Во главе американской системы принудительного исполнения стоит Федеральная служба маршалов (англ. United States Marshals Service). Поскольку каждый штат имеет свои специфические структурные подразделения, нельзя говорить о каких-то детальных функциях и механизмах. Однако общая структура во всей стране одна. Федеральная служба включает в себя девятью четырех маршалов, в подчинении у каждого находится небольшой отдел. Территория их действия ограничивается федеральным судебным округом.

Помимо Федеральной службы маршалов розыском должников и их имущества занимаются частные коллекторские агентства. Они имеют разрешение на такого рода деятельность и занимаются в основном мел-

кими делами, а более крупные достаются государственному сектору. Агентства имеют государственную финансовую поддержку. В разных штатах работа коллекторских агентств в целом одинакова, поскольку весь порядок их деятельности закреплён на федеральном уровне.

Великобритания имеет похожую систему исполнительного производства. Помимо государственных приставов-исполнителей услуги в сфере исполнения решений оказывают частные организации. Причем для частного сектора государство предусмотрело все права и обязанности, а также специальные полномочия, чтобы обеспечить необходимыми условиями для работы. Частный работник при осуществлении своей деятельности может без особых разрешений обратиться за содействием в органы полиции или при необходимости самостоятельно осуществлять некоторые полномочия сотрудника органа полиции в рамках исполнительного производства. В Великобритании чтят традиции, а потому критерии для задержания должников, а также для изъятия и реализации их имущества не менялись с 1604 г.

Переходя к романо-германской правовой семье, нужно отметить, что здесь система розыска имеет иную структуру. Система исполнительного производства во Франции помимо судебных исполнителей включает ряд иных судебных органов, органов правопорядка и прочих. При этом судебные исполнители играют главенствующую роль. В одной должности сочетаются характеристики и государственного служащего, и частного независимого практикующего лица. В случае исполнения судебных решений осуществляются его правоприменительные функции как государственного служащего.

Законодательство Франции предъявляет весьма высокие требования к судебному исполнителю. Кроме обычного юридического образования он должен пройти стажировку и по ее окончании сдать квалификационный экзамен.

Что касается Германии, то там весь период обучения длится пять лет. Обучение сочетается с непосредственной практикой, после которой сдается обязательный экзамен. Одной из специфических черт исполнительской системы Германии является наличие такого органа, как Ведомство земельного кадастра. Оно занимается ведением земельного кадастра, который содержит в себе сведения о принудительной ипотеке, аресте ипотеки или переводе ее в качестве оплаты, а также об ипотечном и рентном долге.

На данный момент в Российской Федерации законом «О судебных приставах» установлены требования, которые должны быть обязательно соблюдены при назначении на должность судебного пристава. В этот перечень входит обязательное российское гражданство, достижение возраста двадцати одного года и наличие среднего профессионального образования. Однако главным судебным приставом

Российской Федерации к этому списку могут быть добавлены и иные требования, например стаж работы.

В некоторых зарубежных странах в исполнительное производство входят офицеры-исполнители, выполняющие часть функций судебных приставов. В качестве заработной платы они получают процент от той суммы, которую смогли собрать с должников, т. е. их заработок напрямую зависит от эффективности работы. В этом есть плюсы и для государства: доход идет в его бюджет.

В 2012 г. было проведено исследование по проценту арестованного имущества в Российской Федерации и зарубежных странах, где используется система награждения в виде процента от собранного имущества. Разница составила почти 30%, что явно говорит о преимуществе такой должности [2].

В Российской Федерации нереализованное имущество передается (по желанию) взыскателю ниже установленной оценщиком цены, причем законодательство предусматривает, что если эта цена больше полагающейся ему от должника, то он может оставить это имущество себе при условии выплаты разницы на счет судебных приставов.

Если рассматривать ситуацию с точки зрения должника, то дела обстоят не лучше. Как только имущество изъято все права на него у должника пропадают. Например, если это акции какой-либо компании, то они автоматически переходят в другие руки. Должник при этом теряет свой источник дохода, с помощью которого он, возможно, мог бы выплатить долг через некоторое время.

Рассмотренные ранее системы Германии, Франции и Соединенных Штатов Америки заслуживают отдельного внимания. Все они имеют строгие требования к квалификации судебных приставов, прежде всего требования к образованию кандидатов.

Во Франции, например, является обязательным прохождение стажировки в течение двух лет, а также специальные курсы профессионального обучения. По окончании обучения человек становится высококвалифицированным специалистом в нескольких сферах: помимо обычных полномочий судебного пристава, он может, в частности, выполнять функции оценщика имущества. Такой расширенный список полномочий может сыграть большую роль при реализации имущества. Специалист будет стремиться реализовать имущество по наиболее выгодной цене и подвергать конфискации только то имущество, которое будет иметь более высокую цену и спрос одновременно.

В России тот же судебный пристав при прохождении повышения квалификации получает от десяти до двенадцати часов лекций об оценке стоимости. Этого, конечно, недостаточно для выполнения функций оценщика, поэтому приходится обращаться к специалисту в этом вопросе, который не имеет никакого интереса в реализации имущества. Имущество выставляется на торги по рыночной цене, что невыгодно для покупателя.

В 2009 г. в одной из областей Российской Федерации проводилась практика понижения стоимости имущества примерно на двадцать процентов [1]. Имущество с такой оценкой было продано уже на первом этапе реализации. Однако оценщики посчитали такой метод невозможным из-за плавающих рыночных цен.

Тем не менее при более тщательном формировании методов оценки имущества через законодательство можно прийти к более выгодным ценам для всех сторон.

В некоторых странах существуют и внесудебные способы нахождения имущества должника. К таким способам можно отнести различные агентства по взысканию, как в Соединенных Штатах Америки, или агентства по кредитным сведениям. Агентства по взысканию выполняют сходные с коллекторскими функции. Должнику в письменной форме сообщают, что в случае невозврата долга против него будут начаты правовые действия. Различие состоит в том, что такие агентства работают только по лицензии.

В Соединенных Штатах Америки за неуплату долга могут лишить водительских прав. В Российской Федерации подобное наказание установлено в ст. 67.1 закона «Об исполнительном производстве». Однако в США за задолженность могут лишить не только водительских прав, но и лицензии на какой-либо другой вид деятельности.

Одной из основных мер борьбы с должниками в исполнительном производстве является включение их в общий реестр должников. Это общедоступный источник, в котором содержится информация о задолженностях лиц.

Однако в этой системе есть свои недостатки. Например, содержащаяся там информация может быть неполной и не всегда достоверна, поскольку выкладывается в этот реестр без судебного решения, а значит, не может быть обжалована. Такая мера лишь частично предупреждает административные правонарушения в рамках задолженностей.

Проблема нехватки квалифицированных кадров стоит далеко не на последнем месте. Для ее решения необходим комплексный подход. В законодательстве Российской Федерации говорится, что судебным приставом может стать любой гражданин со средним профессиональным образованием, достигший возраста двадцати одного года. Все остальные требования отданы на усмотрение главного судебного пристава Российской Федерации. Наличие среднего профессионального образования представляется недостаточным для осуществления такого рода деятельности. Приняв во внимание зарубежный опыт, можно организовать дополнительные курсы для подготовки судебных приставов, которые впоследствии могли бы исполнять функции специалиста-оценщика. Возможно, необходимо будет выдавать лицензию на занятие такой деятельностью.

В заключение хотелось бы отметить, что Федеральная служба судебных приставов РФ имеет достаточно широкий и весьма действенный механизм работы и исполнительный розыск является ее неотъемлемой частью. Однако введение в систему розыска частной практики как альтернативы государственной системе с более широким техническим оснащением и возможностями для осуществления эффективного розыска могло бы оказать положительное влияние на результаты основной деятельности исполнительного производства в целом.

Библиографический список

[1] *Бакулина А. А.* Анализ отечественной практики оценки арестованного имущества // Транспортное дело России. — 2013. — № 6. — С. 17–19.

[2] *Бакулина А. А.* Возможности применения в Российской практике исполнительного производства действий зарубежных судебных приставов-исполнителей // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2013. — №6. — С.149–152.

[3] *Давтян А. Г.* Гражданское процессуальное право Германии. // М.: Городец-издат, 2000. — 320 с.

[4] *Долгополов О. А.* Служба судебных приставов: опыт России и зарубежных стран // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 3. — С. 203–207.

[5] *Михин А. В.* Преимущества исполнительного розыска должника-гражданина в рамках исполнительного производства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — №2. — С. 186–190.

УДК 342.4

***Игитов Александр Михайлович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)***

Скандинавская конституционно-правовая система

Скандинавские страны всегда находились в активных правовых взаимоотношениях друг с другом. Основаниями полагать, что такие государства, как Швеция, Норвегия и Дания, образовали прочный и независимый от континентальных стран альянс, служат исторические документы, подтверждающие наличие связей. Так, например,

© Игитов А. М., 2019

Шведско-норвежская уния [1] показывает, что развитие этих стран проходило в неразрывной взаимосвязи. Исходя из этого, можно предположить, что Конституции этих государств формировались в прямой зависимости друг от друга. В то же время практика становления независимых государств позволяет утверждать, что Конституции стран не могут иметь единый прообраз. Статья призвана подтвердить или опровергнуть эти позиции при анализе Конституций скандинавских стран. В юридической науке к странам скандинавской правовой системы принято относить не только Швецию, Норвегию и Данию, но и Финляндию и Исландию. В этой связи целесообразным будет исследовать страны, географически расположенные на одном полуострове: Норвегию, Швецию и Финляндию.

Главным законом Финляндии является Конституция, принятая на заседании парламента 11 июня 1999 г., с внесенными в нее поправками от 1 марта 2012 г. Согласно Конституции, одной из особенностей Финляндии стал сложный процесс принятия в гражданство. Согласно параграфу 35 Конституции [3], гражданство Финляндии можно получить либо по рождению, либо на основании гражданства одного из родителей. Законодательство предусматривает и другие пути вступления в гражданство, однако в Конституции об этом прямо не указано. В качестве дополнительного отличия Конституции Финляндии и ее правовой базы можно выделить позиционирование детей как полностью автономных и полноценных участников правоотношений, несмотря на то что они являются несовершеннолетними. Так, например, в параграфе 6 сказано, что «дети — равноправные личности и они должны иметь возможность влиять соответственно уровню их развития на дела, затрагивающие их самих» [3]. Для обеспечения гармоничного развития личности ребенка в параграфе 12 указано, что свобода слова в Финляндии может нарушаться в отношении иллюстрированных материалов, предназначенных для демонстрации детям. Вопросы национальной идентификации в Финляндии стоят остро: в стране существуют два национальных языка: финский и шведский. Больше ни на каких языках документация не ведется и в разговоре иные языки не используются. Финляндия является членом Европейского Союза с 1995 г. и, соответственно, в Конституции 1999 г. есть статьи, указывающие на это. Так, например, в стране регулярно проводятся выборы представителей в Европейский парламент. Это право гарантируется не только финнам, но и всем гражданам стран — членом Европейского Союза. В Конституции прямо не оговаривается форма государственно-территориального устройства Финляндии. На основании параграфа 121 можно предположить, что Финляндия — унитарная республика. Об этом свидетельствует отсутствие сложного деления государства на субъекты конституционных правоотношений. В тексте Конституции упоминается лишь о делении страны на коммуны, которые имеют собственный аппарат управления.

Норвегия — одна из наиболее ортодоксальных и патриархальных стран Северной Европы. На протяжении долгого времени эта страна входила в состав Швеции. Несмотря на это, Конституция в стране появилась рано: в 1905 г. Об ортодоксальности Норвегии свидетельствуют первые статьи Конституции. Норвегия — ограниченная монархия. Король в Норвегии не имеет права законодательной инициативы. Эта функция принадлежит парламенту, который в Норвегии именуется Стorting. В некоторых источниках указано, что Стorting — однопалатный орган, однако, согласно параграфу 49 Конституции, палаты две: Одельстинг и Лагтинг [2]. Выборы в этой стране проводятся только в парламент. Установлена пропорциональная избирательная система. Без согласия Стортинга в государстве не может быть принято ни одно решение. Король возглавляет исполнительную власть в стране, за ним также остается право председательства в Государственном суде и право назначать или увольнять с должности большинство должностных лиц. Согласно п. 5 Конституции, король не может быть подвергнут обвинениям или осуждению [1]. Судебная власть в Норвегии представлена Государственным судом, Верховным судом и судами общей юрисдикции. В соответствии с п. 86 Конституции Государственный суд — суд первой и второй инстанций по делам, возбужденным Одельстингом против должностных лиц [1]. Верховный суд является судом последней инстанции, его решения не могут быть обжалованы. В пользу того, что Норвегия — ортодоксальная страна говорит и п. 2 Конституции, в котором прописано, что государственной религией в стране признана евангелическо-лютеранская церковь [1]. На лиц, исповедующих другую религию, накладываются ограничения, например запрет на занятие определенных государственных должностей (п. 27 Конституции) [2].

Конституция Швеции представляет особый интерес для изучения. До определенного момента она не была кодифицирована и состояла из 4 актов: Акта о престолонаследии, Акта о свободе печати, Акта о форме правления и Акта о свободе выражения взглядов [3]. В настоящее время акты объединены в кодифицированную Конституцию. Стоит отметить, что Конституция Швеции носит более комплексный характер, чем Конституции Норвегии и Финляндии. К концептуальным отличиям Конституции Швеции можно отнести и упоминание народа как главного источника власти. В Швеции установлена ограниченная монархия. Парламент, он же Риксдаг, имеет широкий спектр полномочий: контроль за деятельностью правительства, избрание премьер-министра из состава Риксдага и ряд других. Король в Швеции не подлежит ответственности. Согласно ст. 4 гл. 2 Конституции, в Швеции запрещена смертная казнь [3]. Кроме того, Швеция единственная скандинавская страна, в Конституции которой прямо прописано о поощрении разных меньшинств (ст. 2 гл. 1) [3]. В ст. 23 гл. 2 закрепляется главенство международных нормативных правовых ак-

тов. Конституцией Швеции четко разграничено, какие вопросы могут регулироваться только законами, издаваемыми Риксдагом, а по каким вопросам правительство может издавать свои нормативные акты. На основании анализа Конституций создана сравнительная таблица конституционно-правовых систем рассмотренных стран.

Таблица 1

<i>Критерии сравнения</i>	<i>Финляндия</i>	<i>Норвегия</i>	<i>Швеция</i>
Форма правления	Республика	Конституционная монархия	Парламентская монархия
Избирательная система	Пропорциональная		Пропорциональная (с возможностью голоса за конкретного кандидата)
Вопрос о получении гражданства	Принцип гражданственности родителей	Дает только парламент (Стортинг)	Отдельный регулирующий НПА
Особый правовой статус некоторых субъектов права	Дети до 18 лет	—	Меньшинства
Государственная религия	—	Евангелическо-лютеранская церковь	—
Ветвь власти, возглавляемая Главой государства	Исполнительная		Находится вне системы разделения властей
Вопросы организации МСУ	Прописаны в Конституции	—	Отдельный закон Риксдага
Органы судебной власти	Верховный суд, суды общей юрисдикции		
	Высший административный суд	Государственный суд	Высший административный суд

Проанализировав Конституции Швеции, Финляндии и Норвегии, можно сделать вывод о том, что каждая Конституция имеет свои концептуальные отличия в разных правоотношениях. К общим положениям следует отнести обязательное наличие принципа разделения властей, а также многоуровневую и вариативную судебную систему. Характерные отличия отмечаются по вопросам религиозных отношений, а также правосубъектности некоторых участников правоотношений. Таким образом, статья опровергает позицию о том, что Конституции стран скандинавской правовой системы имеют общий правовой базис.

Библиографический список

[1] Norges grunnlov [Электронный ресурс] // Grunnloven Av Norge. — 2018. — URL: <https://www.stortinget.no/en/In-English/About-the-Storting/The-Constitution> (дата обращения: 12.02.2019).

[2] Suomen perustuslaki [Электронный ресурс] // Suomen perustuslaki. — URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731> (дата обращения: 22.02.2019).

[3] *Sveriges Konstitution* [Электронный ресурс] // The Constitution of Sweden. — URL: <https://wipo.lex.wipo.int/ru/text/463721> (дата обращения: 22.02.2019).

УДК 341

*Будаева Ирина Павловна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Вопросы гражданства детей в международно-правовом пространстве

Правовую связь физического лица со страной, в которой он постоянно проживает, притом что у обеих сторон есть права, а также определенные обязательства по отношению друг к другу, принято называть понятием гражданства. Согласно нормам межнационального договора, международно-правовые вопросы гражданства подразумевают обеспечение со стороны конкретного государства.

Как отмечает О. Н. Трифионов, «вопрос о гражданстве является острым вопросом, поскольку гражданство является проявлением при-

надлежасти к какой-либо стране и самоидентификации. Поэтому неудивительно, что разногласия по вопросам гражданства часто могут привести и приводят к напряженным ситуациям и конфликтам как внутри государств, так и между ними» [5, с. 154].

Важно отметить, что для международного частного права отношения гражданства являются объективно «закрытыми», но при этом «в основании развития международно-правового регулирования лежат субъективные причины (в частности, желание и воля государств)» [4, с. 260]. Международно-правовые вопросы гражданства включают в себя обязанность любой страны защищать своих граждан в период их пребывания на территории другой страны.

Так, например, ст. 2 федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» регламентировано, что «вопросы гражданства Российской Федерации регулируются Конституцией Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, а также принимаемыми в соответствии с ними другими нормативными правовыми актами Российской Федерации». При этом в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ содержится норма, в соответствии с которой «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы, и <...> если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора».

В данном случае можно согласиться с позицией Т. Д. Матвеевой в том, что «признание принципа соблюдения прав человека универсальным принципом международного права, провозглашение Конституцией РФ приоритета норм международного права, предоставление конституционного права на подачу индивидуальных жалоб в межгосударственные органы отразили отказ в нашей стране от традиционных воззрений на проблему прав человека как на проблему лишь внутрисоциального права» [2, с. 8].

В целом вопрос о наличии гражданства подпадает под внутреннее законодательство каждого из государств мира. Однако внутренние решения государства могут быть ограничены действиями со стороны других государств или международным правом. Международно-правовое регулирование института гражданства в первую очередь выражено в целом ряде международных конвенций, договоров и соглашений, которые регулируют правоотношения гражданства как прямо, так и косвенно.

Согласно ст. 15 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.), «каждый имеет право на гражданство. Никто не должен произвольно лишаться своего гражданства или права на его изменение». Данное право основывается на существовании соответствующей связи между лицом и государством.

Международным судом дано определение гражданства и связи с государством в деле Ноттебома 1955 г.: «...в соответствии с практикой государств, арбитражными и судебными постановлениями, а также мнением авторов гражданство — это правовая связь, основанная на социальном факте привязанности, подлинной связи существования, интересов и чувств с определенным государством, а также на обоюдных правах и обязанностях». Данная связь, дающая право на гражданство, очевидна по факту рождения, проживания и/или происхождения, и на сегодняшний день она отражена в положениях законодательных актов большинства государств, а также в недавно созданных международных гражданских инструментах, таких как Европейская конвенция о гражданстве 1997 г. (ETS № 166; заключена в г. Страсбурге 6 ноября 1997 г.).

Право каждого ребенка на приобретение гражданства было прописано в ст. 24 Международного пакта о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН): «Каждый ребенок независимо от его расовой принадлежности, цвета кожи, пола, языка, религии, национальной или социальной принадлежности имеет право на защиту, положенную ему по статусу несовершеннолетнего ребенка, со стороны его семьи, общества и государства. Каждый ребенок должен быть зарегистрирован немедленно после своего рождения, и ему должно быть дано имя. Каждый ребенок имеет право на получение гражданства».

Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.), подписанная почти всеми государствами мира, содержит две важные статьи, касающиеся гражданства.

Статья 7: «Каждый ребенок должен быть зарегистрирован немедленно после рождения и должен с рождения иметь право на имя, получение гражданства и, насколько это возможно, право знать своих родителей и находиться под их опекой».

Статья 8(1): «Государства-участники обязуются уважать право ребенка на сохранение своей индивидуальности, включая гражданство, имя и семейные связи, как предусматривается законом, не допуская противозаконного вмешательства».

Статья 29 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (заключена 18 декабря 1990 г.) гласит, что «каждый ребенок трудящегося-мигранта имеет право на имя, регистрацию рождения и гражданство».

Современные региональные инструменты усиливают правовую базу документов, касающихся права на гражданство. Так, ст. 20 Американской конвенции по правам человека (заключена в г. Сан-Хосе 22 ноября 1969 г.) не только напрямую обращается к праву на гражданство, но и включает в себя основные гарантии защиты детей от безгражданства при рождении: «...у каждого человека есть право на

получение гражданства. У каждого человека есть право на получение гражданства государства, на территории которого он родился, в случае если у него нет права на получение гражданства какого-либо другого государства. Никто не может быть произвольно лишен гражданства или права на его изменение».

Так, в международном праве общепризнанной является норма, что каждый ребенок, который только родился на свет, имеет право стать гражданином той или иной страны, в связи с чем в целях борьбы с безгражданством многие государства дают право называться гражданами детям, которые родились на их территории.

С юридической позиции приобретение гражданства по рождению возможно на основании двух принципов:

- по так называемому праву почвы — присваивается независимо от статуса родителей;
- по праву крови — можно получить на основании гражданства родителей, без привязки к месту рождения; при этом, если родители являются представителями разных держав, вопрос гражданства своего ребенка они решают по обоюдному согласию [3].

На практике большинство стран используют комбинацию обоих принципов. В чистом виде право крови применяется в Скандинавии. Здесь по почвенному признаку получить гражданство можно только в том случае, если о родителях ребенка ничего не известно. Отличительной чертой гражданства по праву рождения можно назвать тот факт, что его приобретение никак не выражает волеизъявление самого кандидата. К тому же никакие процедуры, которые бы подтверждали его готовность вступить в гражданскую принадлежность, не требуются.

На территории Российской Федерации вполне гармонично сосуществуют оба принципа. Российское гражданство ребенка по рождению имеет место в случаях:

- 1) когда оба родителя (или один из них, если о месте пребывания второго ничего не известно), россияне; страна, где родился ребенок, значения не имеет;
- 2) когда один из родителей имеет российское гражданство, а о втором нет никаких данных; также без привязки к стране рождения;
- 3) когда родители имеют разную гражданственность (один из них россиянин); при этом ребенок должен родиться именно в Российской Федерации, поскольку при рождении на территории другой страны он будет считаться лицом без гражданства;
- 4) если родители — иностранцы, но местом рождения ребенка стала Российская Федерация, а страна его семьи правом крови не руководствуется; ребенок может стать россиянином по праву рождения.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что правовое регулирование института гражданства является внутринациональной проблемой,

но при этом, если между государствами заключен межнациональный договор в рассматриваемой сфере, данные вопросы переходят из исключительно внутренних в международную сферу регулирования, т. е. в область международного права.

Библиографический список

[1] *Архипов С. И.* Индивид в глобальном правовом мире // Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект: мат. III Всерос. научн.-практ. конф. с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. — Симферополь, 2018. — С. 35–39.

[2] *Матвеева Т. Д., Шуткина В. В.* Защита прав человека в России: взаимосвязь международного и внутригосударственного права. — М.: Каталог, 2002. — С. 8–9.

[3] *Смирнова Е. С.* Проблемы миграции и натурализации в период кардинальных изменений геополитических отношений в мире: столетняя практика и попытки оформления de iure // Евразийский юридический журнал. 2017. №2(105). С.118-122

[4] *Сульженко А. А.* Особенности международно-правового статуса лиц без гражданства // Право, общество, государство: история, современные тенденции и перспективы развития: сб. научн. тр. по мат. Междунар. заочн. студ. научн.-практ. конф. — М., 2017. — С. 259–263.

[5] *Трифонов О. Н.* Историко-правовые аспекты становления и развития административно-правового статуса граждан в Европе // Крымск. акад. вестн. — 2017. — № 2. — С. 153–156.

УДК 349.2

*Монгуш Валерия Анатольевна,
студентка Уральского государственного
юридического университета*

Дискриминация по возрастному признаку в условиях пенсионной реформы

Запрещение дискриминации в сфере труда является одним из основных принципов трудового права, вытекающих из международно-правовых норм и принципов, закрепленных в Декларации МОТ об

основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизме ее реализации (1998 г.), Конвенции МОТ № 111 «Относительно дискриминации в области труда и занятий (1958 г.) и др. Он нашел отражение в Конституции РФ и Трудовом кодексе РФ.

Дискриминацией являются как ограничение в трудовых правах, так и получение предпочтения по каким-либо признакам, не связанным с деловыми качествами работника. Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», деловые качества не зависят напрямую от возраста и ограничение трудовых прав по этому основанию незаконно.

В нашем обществе дискриминация по возрасту преимущественно затрагивает две возрастные категории работников и соискателей: молодых специалистов и специалистов предпенсионного и пенсионного возраста. Как отмечает З. А. Хоткина, «молодые работники дискриминируются на рынке труда из-за отсутствия опыта работы, а пожилые в связи с тем, что, по мнению работодателей, их знания и опыт устарели» [5].

Дискриминация молодых работников также во многом связана с законодательно закрепленной обязанностью работодателей предоставлять таким сотрудникам серию льгот, таких как сокращенная продолжительность рабочего времени, более продолжительный ежегодный оплачиваемый отпуск и др. К тому же данная категория часто совмещает рабочую деятельность с получением образования, поэтому работодатели не заинтересованы в том, чтобы подстраиваться под условия и индивидуальный график молодого соискателя.

В 2009 г. Европейский суд по правам человека обратил внимание на то, что в Российской Федерации отсутствуют эффективные механизмы защиты работников от дискриминации, и рекомендовал их работодать (постановление Европейского суда по правам человека от 30 июля 2009 г. по делу «Даниленков и другие против России», жалоба № 67336/01). В результате был принят законодательный запрет на публикацию объявлений, содержащих дискриминационные требования, в том числе указывающих на конкретный возраст или возрастной предел (п. 6 ст. 25 закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»). За его нарушение работодатель может быть привлечен к административной ответственности (постановление Самарского областного суда от 17 февраля 2015 г. по делу № 4а-147/2015).

В настоящее время также вносится ряд изменений в законодательство: дополнительные гарантии социальной поддержки для граждан предпенсионного возраста, а также уголовная ответственность за отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста, и пр. [2].

Достижение предпенсионного возраста не является основанием для ограничения права работника на труд. Пенсионный возраст нельзя считать верхним пределом трудоспособности. Лицо, достигшее пенсионного возраста, может продолжать работу, а выход на пенсию — это право работника, а не его обязанность. Назначение гражданину пенсии порождает единственное ограничение в реализации его прав, связанных с трудоустройством: невозможность признания его безработным (апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 16 марта 2015 г. по делу № 33-666). Таким образом, достижение пенсионного возраста не приводит к автоматическому прекращению трудовых отношений [3, с. 211], как это было предусмотрено ранее в ст. 33 Кодекса законов о труде РСФСР 1971 г. Так, одним из оснований расторжения трудового договора по инициативе администрации являлось достижение пенсионного возраста при наличии права на полную пенсию по старости.

Существует несколько мнений относительно того, как пенсионная реформа повлияет на проблему дискриминации по возрастному признаку.

Закреплено, что, согласно п. 1 ст. 8 федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», мужчины отправляются на заслуженный отдых в 65 лет, а женщины — в 60 лет. В зависимости от сферы труда, в которой занят работник, пенсионный возраст варьируется. Также в силу п. 1.2 ст. 8 данного закона снижается пенсионный возраст в зависимости от страхового стажа работника. Для женщин в зависимости от количества детей возраст выхода на отдых соответственно снижается (ст. 32 закона).

Необходимость совершенствования пенсионной системы заключается в негативной демографической ситуации, проявляющейся, в частности, в «старении» населения и увеличении доли пенсионеров по отношению к трудоспособному населению. По прогнозам Росстата, к 2030 г. на 1000 трудоспособных граждан будет приходиться 864 нетрудоспособных: детей и лиц старше трудоспособного возраста [4, с. 261]. Председатель коллегии АНО «Центр исследований и развития Евразийства» Ю. С. Самонкин указывает: «Политика борьбы с возрастной дискриминацией — эта такая тема, которая до сегодняшнего дня плохо прорабатывалась и освещалась в России. Этот вопрос так громко поднялся лишь после объявления пенсионной реформы <...> Одной из главных проблем является трудоустройство людей пожилого возраста» [1].

В самом деле, трудоустроиться гражданину, возраст которого достиг, например, 45 лет, в нашей стране крайне трудно. Это связано с устоявшимися стереотипами относительно консервативности пожилых людей, низкого уровня приспособляемости к новым веяниям в трудовом секторе.

Отраслевая сегрегация, установившаяся между молодыми специалистами и работниками пожилого возраста, существенно нивелирует проблему в некоторых отраслях. Так, если молодежь больше ориентирована, например, на IT-технологии и бизнес, то среди работников предпенсионного и пенсионного возраста преобладают специалисты в промышленности, сельском хозяйстве и медицине.

Также существует справедливое мнение, что высококвалифицированные работники предпенсионного и пенсионного возраста становятся тормозом социального лифта для молодежи, а менее квалифицированные специалисты сталкиваются с проблемой трудоустройства [4, с. 265].

Таким образом, очевидно, что затрагивается одна из главных и фундаментальных проблем современного российского общества: решение какого-либо вопроса происходит односторонне, без комплексного и системного взгляда. Для устранения дискриминации всех видов мало создания направленной против нее законодательной базы.

Решением проблемы могло бы, например, послужить создание специализированного внесудебного органа по рассмотрению вопросов дискриминации. В частности, при внесении соответствующих изменений в законодательство такими проблемами могла бы заниматься Государственная инспекция труда. В настоящее время рассмотрение вопросов о дискриминации в сфере труда относится исключительно к прерогативе судов (ч. 3 ст. 391 Трудового кодекса РФ). Обращение в прокуратуру также не может гарантировать полноценную защиту прав дискриминируемого лица, поскольку для признания факта нарушения требуются соответствующие основания для возбуждения уголовного дела по ст. 136 Уголовного кодекса РФ «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина».

На лицо, получившее отказ в заключении трудового договора, возлагается обязанность доказать, что в отношении него была допущена дискриминация, причем именно по основаниям, носящим дискриминационный характер, ему было отказано в заключении трудового договора на вакантную должность, на которую это лицо претендовало (апелляционное определение Ростовского областного суда от 3 июня 2013 г. по делу № 33-6785). Доказать тот факт, что отказ в приеме на работу был основан на дискриминационных требованиях, почти невозможно. Можно сделать вывод, что механизмы выявления факта дискриминации требуют серьезной доработки.

Несмотря на то что ряд экспертов видят в повышении пенсионного возраста облегчение ситуации с дискриминацией по возрастному признаку, сама по себе пенсионная реформа и принимаемые в связи с ней законы не являются решением проблемы. Данный вопрос требует комплексного подхода и эффективных мер.

Библиографический список

[1] *Игнатьев С.* Власти объявили войну возрастной дискриминации: эксперт оценил дорожную карту пенсионной реформы [Электронный ресурс] : сайт // ПолитРоссия. — URL: <https://politros.com/127048-vlasti-obyavili-voinu-voznrastnoi-diskriminacii-ekspert-ocenil-dorozhnyuyu-kartu-pensionnoi-reformy> (дата обращения: 04.03.2019).

[2] Пенсионная реформа: что изменится с 2019 года [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. — URL: <http://www.consultant.ru/law/doc/pr230718> (дата обращения: 04.03.2019).

[3] *Рожко Г. Б.* К вопросу о дискриминации по возрасту в современном трудовом законодательстве // Взаимодействие науки правотворчества и практики в сфере труда и социального обеспечения: сб. докл. — М.: РГ-Пресс, 2018. — С. 210–213.

[4] *Соловьев А. К.* Пенсионный кризис в России: причины и условия преодоления // Взаимодействие науки правотворчества и практики в сфере труда и социального обеспечения: сб. докл. — М.: РГ-Пресс, 2018. — С. 261–266.

[5] *Хоткина З. А.* «Нормальный трудовой потенциал» и дискриминация по возрасту [Электронный ресурс] // Народонаселение. — 2013. — № 3 (61). — С. 27–37. — <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0709/analit01.php> (дата обращения: 04.03.2019).

УДК 343

*Михайленко Николай Николаевич,
студент Сочинского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Некоторые аспекты способа совершения компьютерных преступлений

Как видим, в науке уголовного права есть два подхода к определению способа совершения преступления в структуре объективной стороны состава преступления. Согласно первому подходу, способ совершения преступления присущ всем без исключения преступлениям независимо от того, указан он в диспозиции статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ (УК РФ) или нет. Сторонники другого подхода считают, что о способе совершения преступления можно говорить

только в случае, если он непосредственно указан в тексте уголовного закона и может быть отграничен от основного деяния. Стоит отметить, что справедливой представляется последняя точка зрения, поскольку в противном случае происходит слияние двух понятий — деяния и способа совершения преступления — в одно, что недопустимо. Уже немало исследований так или иначе затрагивали проблемы способов совершения преступлений против собственности, личности, общественной безопасности и общественного порядка и других, в то время как применительно к компьютерным преступлениям категория способа совершения преступления проработана пока недостаточно. Проблему способа совершения преступления в компьютерных преступлениях можно представить в разных аспектах:

1) это проблема определения способов совершения компьютерных преступлений, т. е. преступлений, предусмотренных ст. 272–274 УК РФ;

2) это проблема использования компьютерных технологий и компьютерных устройств как самостоятельного способа совершения преступления, т. е. кража (тайное хищение чужого имущества, интеллектуальной собственности, причиняющее вполне реальный ущерб);

3) это проблема в определении термина «доступ» в Уголовном кодексе РФ, где понятие не раскрывается; в то же время в ст. 2 федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под «доступом к информации» понимается «возможность получения информации и ее использования»; ст. 8 того же закона устанавливает ограничение на право доступа к информации в целях соблюдения требований, установленных настоящим федеральным законом и другими федеральными законами.

Во всех статьях гл. 28 УК РФ упоминается только один способ совершения преступления: «использование служебного положения», причем только в виде квалифицирующего признака ч. 1 ст. 285 УК РФ. Что касается так называемых «основных составов» преступлений, то в ч. 1 ст. 272–274 УК РФ не указываются никакие другие способы совершения преступления. Для ч. 1 ст. 272 УК РФ этот вывод очевиден: объективная сторона преступления представлена в виде деяния («неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации») и общественно опасных последствий («уничтожение, блокирование, модификация либо копирование компьютерной информации»). Как указывает ч. 1 ст. 274 УК РФ есть деяния («нарушение правил эксплуатации <...> а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям»), последствия которых могут быть в виде «блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации», которая принесла крупный ущерб. Перечисленные в ч. 1 ст. 273 «создание, распространение или использование» компьютерных программ должны определяться не как способы, а как аль-

тернативные действия, поскольку способ всегда может принадлежать некоему основному действию, отдельно от которого он функционировать не может. Вместе с тем разработка и введение в уголовный закон способов совершения компьютерных преступлений с учетом специфики рассматриваемой сферы отношений послужили бы конкретизации и дифференциации уголовной ответственности, а также более удобной квалификации данных преступлений. Это становится еще более трудной задачей в условиях несовершенства диспозиций ст. 272–274 УК РФ. Таким образом, при большом проявлении компьютерных преступлений в спектре применяемых технических средств уголовно-правовое регулирование данной сферы остается на минимальном уровне. Даже в работах специалистов в сфере уголовного права и криминалистики можно найти очень мало общего по вопросу о способах совершения киберпреступлений. Так, ученый-правовед Н. И. Шумилов предлагает разделять способы совершения компьютерных преступлений на три самостоятельные группы: незаконное изъятие носителей информации; несанкционированное получение информации; неправомерное манипулирование информацией.

Представленные группы отображают многообразие не способов совершения преступления, а самих преступных деяний. Кроме того, к данным группам можно отнести не все, а только некоторые деяния, предусмотренные ст. 272–274 УК РФ, следовательно, классификация является неполной. Внутреннюю противоречивость придает ей и тот факт, что незаконное изъятие носителя информации есть не что иное, как частный случай ее несанкционированного получения; а неправомерное манипулирование информацией может сводиться, например, к шантажу. Также хотелось бы добавить, что 81% компьютерных преступлений совершались в социальной сети «ВКонтакте» [3, с. 60–72].

Иногда пользователи социальных сетей, совершают ошибки, и их почтовые ящики, аккаунты попадают к мошенникам, что приводит к плачевным последствиям. Необходимо понимать, что на данный момент взломать аккаунты социальных сетей гораздо проще, чем обойти защиту известных сервисов электронной почты и антивирусов. Отметим, что зачастую взлом является следствием банальной невнимательности пользователя, оставившего открытый профиль в Интернет-кафе, на работе либо в иных местах.

Злоумышленники могут получать пароли от аккаунтов, воспользовавшись незакрытыми сессиями в социальных сетях, при передаче данных третьим лицам либо использовании непроверенных сетей Wi-Fi.

В настоящее время профилактика таких преступлений разработана недостаточно, крайне трудно установить и привлечь к ответственности конкретное лицо. Существует немного способов доказать факт взлома: отправить письмо управляющим почтового сервиса или со-

циальной сети с просьбой предоставить список IP адресов, с которых был произведен вход в аккаунт; некоторые социальные сети в настройках позволяют проследить последние активности посещения аккаунта. Если от чьего-либо лица приходит спам другим пользователям, профиль невозможно открыть либо он недоступен и администрация ресурса сообщает, что с данного электронного адреса была произведена рассылка спама, это указывает на взлом аккаунта.

Ответственность за совершение данного деяния предусмотрена ст. 138, 159 и 272–274 УК РФ. Злоумышленникам может грозить лишение свободы на срок до 7 лет либо исправительные работы.

Так, например, как указывает источник в Интернете, 24-летний житель Нижнего Новгорода стал пострадавшим в хищении 70 тыс. руб. при попытке приобрести игровой танк. Личность злоумышленника полицейские установили, когда он попытался перепродать украденный аккаунт за реальные деньги. Выяснилось, что танк «угнал» житель Лысковского района, который ранее уже совершил два преступления в сфере онлайн-игр. Также на его счету два случая мошенничества, связанных с написанием дипломных работ. Законодательство предусматривает ответственность за подобные преступления: ст. 272 УК РФ предполагает штрафные санкции, исправительные работы и даже лишение свободы на срок до двух лет [1].

По сообщению источника Министерства внутренних дел по Республике Калмыкия, полицейскими было возбуждено уголовное дело по факту мошенничества в социальной сети. Жительнице города Элиста со страницы знакомого пришло сообщение о том, что нужно предоставить данные ее банковской карты для перевода денежных средств. В ходе переписки потерпевшая назвала все данные карты и секретный код, и в результате с ее счета были списаны денежные средства в сумме 3 тыс. руб. Знакомый сообщил, что его страница была взломана и указанные сообщения он не отправлял [2].

По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 158 УК РФ «Кража».

Следует понимать, что залогом эффективной борьбы с преступностью в Интернете являются знания специфики совершаемых здесь преступлений, а также понимание сущности характеристик процессов, которое протекают в соответствующей преступной среде. Эти характеристики служат объектом исследований ряда наук, каждая из которых рассматривает их с позиции своего рода предмета и целей с применением присущей ей совокупности понятий, оценок, категорий.

Развитие социальных сетей и технологии, применяемые для работы с ними, требуют от законодателя своевременных изменений, в том числе и в уголовном законодательстве. Необходимо внести дополнительный квалифицирующий признак в ст. 158 УК РФ: «кража аккаунта социальной сети, причинившая имущественный ущерб».

Библиографический список

[1] Полицейскими Калмыкии возбуждено уголовное дело по факту мошенничества в социальной сети [Электронный ресурс] : сайт // МВД по Республике Калмыкия. — URL: <https://08.xn--b1aew.xn--plai/news/item/16103760> (дата обращения: 04.03.2019).

[2] *Соловьев В. С.* Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальск. гос. ун-та права. — 2016. — Т. 10, № 1. — С. 60–72.

[3] У нижегородца «угнали» виртуальный танк за 70 тысяч рублей в игре World of Tanks [Электронный ресурс] : сайт // В городе N. — URL: <https://www.vgoroden.ru/novosti/u-nizhegorodca-ugnali-virtualnyu-tank-za-70-tysyach-rublej-v-igre-world-of-tanks-id256799> (дата обращения: 04.03.2019).

УДК 341

*Лебедев Георгий Николаевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

О некоторых проблемах правового регулирования статуса иностранных граждан в Российской Федерации и государствах — членах ЕС

Современные тенденции развития международных отношений и ежегодное увеличение численности иностранных граждан на территории Российской Федерации диктуют необходимость урегулирования вопросов, связанных с правовым положением иностранных граждан.

Государству принадлежит важная роль в обеспечении правопорядка и режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в России, а также в противодействии незаконной миграции въезда, пребывания и проживания иностранных граждан на территории страны. При этом оно опирается как на национальное законодательство, так и на общепризнанные принципы и нормы международного права.

Находясь за пределами своего государства, иностранный гражданин продолжает подчиняться законам своего государства, пользу-

ется его защитой. Однако он оказывается под влиянием власти того государства, на территории которого находится, а значит, обязан соблюдать законодательство страны пребывания. Правовое положение иностранных граждан определяется как совокупность прав, которые предоставляются данной категории граждан, и определенных обязанностей, которые возлагаются на этих граждан в стране, где они пребывают. Таким образом, иностранные граждане подчиняются одновременно и правопорядку того государства, гражданами которого являются, и правопорядку государства, на территории которого находятся. Индивидуальное положение иностранного гражданина в стране места его пребывания рассматривается как положение отдельного гражданина, как совокупность предоставленных ему прав и возложенных на него обязанностей.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует четкое определение понятия правового режима и разграничение его видов. В юридической литературе выделяют следующие виды правовых режимов, предоставляемых иностранцам: национальный режим, режим наибольшего благоприятствования, специальный режим.

Национальный режим означает приравнивание иностранцев в правах и обязанностях к гражданам страны пребывания. Данный принцип закрепляется в Конституции РФ.

Иностранные граждане могут наследовать, завещать, создавать юридические лица, иметь имущество на праве собственности. Кроме того, иностранные граждане имеют право обращаться за защитой своих прав в российские суды, наравне с российскими гражданами пользоваться гражданскими процессуальными правами, в целях защиты законных интересов и своих нарушенных или оспариваемых прав обращаться в арбитражные суды на территории Российской Федерации.

Режим наибольшего благоприятствования означает предоставление в какой-либо области таких же прав и установление таких же обязанностей иностранцам, какие предусмотрены для граждан любого третьего государства. Основанием предоставления режима наибольшего благоприятствования является заключение договора. Согласно договорному положению, одно государство обязано предоставить другому государству режим наиболее благоприятствуемой нации.

Суть специального режима основывается на том, что гражданам одного государства предоставляются определенные привилегии и преимущества по отношению к гражданам других государств. Данный режим предусматривает установление особых правил для осуществления различных видов деятельности иностранными гражданами [1, с. 93].

Правовое положение иностранцев основано на нормах международного права, международных договоров, на общепризнанных принципах права страны гражданства лица и права страны его пребывания [3, с. 33].

Итак, согласно ст. 3 закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», гражданством является устойчивая правовая связь между лицом, имеющим статус гражданина, и государством его гражданской принадлежности, выраженная в совокупности взаимных прав и обязанностей. По сути, гражданство является степенью глубины взаимоотношений между страной и лицами, находящимися под ее влиянием и юрисдикцией.

Так, государство гарантирует своим гражданам соблюдение их прав и свобод, защиту и покровительство, в обмен, на что граждане обязуются соблюдать Конституцию и другие нормативные предписания, а также исполнять прочие возложенные на них обязательства. Совокупность всего этого определяет правовой статус гражданина, который отличает его от иностранцев и апатридов. Существует несколько способов приобретения такой правовой связи с государством, самые распространенные из них — рождение в России или от россиян, а также натурализация. Независимо от способа приобретения гражданства объем прав, гарантированных гражданам, всегда одинаков.

Согласно той же ст. 3 закона «О гражданстве Российской Федерации», иностранцем считается тот, кто не является россиянином и при этом имеет гражданскую принадлежность к другому государству.

Основополагающим законом в области правового положения иностранных граждан является федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Данный закон регулирует вопросы временного пребывания, временного проживания, постоянного проживания иностранных граждан в Российской Федерации, определяет их отношение к избирательному праву, к государственной или муниципальной службе, к военной службе, к отдельным видам деятельности, условия участия в трудовых отношениях, устанавливает ответственность иностранных граждан, а также регламентирует ряд других вопросов, связанных с нахождением иностранных граждан в России. В соответствии со ст. 2 закона для приобретения статуса иностранца мало просто не иметь российского паспорта — нужно иметь доказательства наличия иного гражданства, например паспорт другой страны.

Конституция РФ, в частности ст. 62, декларирует равенство иностранных и российских граждан, наделяя владельцев обоих статусов равными правами и обязанностями на территории страны. Тем не менее права иностранцев носят ограниченный характер в трудоустройстве или участии в избирательном процессе, не исключена также депортация и т. д. При этом важно понимать, что понятие «иностранец» объединяет в себе множество категорий физических лиц: беженцы, временно пребывающие и постоянно проживающие иностранцы, сотрудники дипломатических ведомств и др.

Согласно ст. 2 закона № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», апатриды, или лица без гражданства, представляют собой группу лиц, не являющихся россиянами и не имеющих паспорта и гражданства какой-либо другой страны. Несмотря на такое принципиальное отличие от иностранных граждан, в своем правовом положении апатриды приравнены к иностранцам [4, с. 68].

Каждая страна самостоятельно определяет правовой статус иностранцев и апатридов на своей территории. Однако принципы, которые должны содержаться в национальном законодательстве, закреплены международным законодательством. Что касается таких понятий, как «апатриды» и «бипатриды», в международном праве эти статусы не тождественны. Термин «бипатрид» обозначает лицо, имеющее гражданство двух или более стран. Источники его возникновения могут быть разными, при этом специфика статуса одинакова: государство, гражданин которого имеет также иностранное гражданство, рассматривает его исключительно как своего гражданина со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями.

Проблема совместной выработки политики в отношении иностранных граждан остро стоит перед государствами — членами ЕС относительно недавно.

На начальных этапах интеграции в учредительных договорах только закреплялась свобода передвижения рабочей силы в рамках единого европейского рынка. Подписание Договора о создании Европейского союза значительно расширило нормативно-правовую базу по совместным мерам регулирования миграции, реагирования на проблемы беженцев, нелегальной миграции и некоторые другие проблемы в этой области.

На уровне права ЕС обязанности иностранцев, являющихся гражданами ЕС, закрепляются в Договоре об учреждении Европейского сообщества [12], Хартии основных прав ЕС [7] и других документах. Однако анализ этих актов ЕС позволяет утверждать, что никаких конкретных обязательств относительно граждан ЕС они не закрепляют, а в основном только декларируют общие положения о том, что граждане ЕС имеют обязанности и права.

Например, в ст. 17 Договора об учреждении Европейского сообщества указано, что «граждане Союза имеют права и обязанности, которые предоставляет этот Договор», однако в тексте ничего не сказано о других обязанностях граждан ЕС. В преамбуле Хартии основных прав ЕС содержится положение, которое определяет, что обладание правами, установленными в Хартии, влечет за собой ответственность и обязанности как в отношении других людей, так и в отношении мирового сообщества и будущих поколений. Однако никаких конкретных обязанностей, возлагаемых на граждан ЕС, Хартия не упоминает.

Иногда указывается на такую обязанность гражданина ЕС, как обязательное голосование на выборах в Европейский парламент, если гражданин ЕС находится в стране, где предусмотрено обязательное голосование [8]. Однако эту обязанность вряд ли можно назвать общей для всех граждан ЕС, поскольку в соответствии с национальным законодательством большинства стран сообщества участие в голосовании является именно правом, а не обязанностью. Законодательство ЕС не определяет участие в голосовании на выборах в Европейский парламент как обязанность.

П. Стасинопулос указывает на то, что обязанности граждан ЕС являются общими для всех людей и не обусловлены гражданством ЕС. Невозможность налагать на своих граждан обязанности является одной из главных характеристик, отличающих ЕС от государств по международному праву [11, с. 78].

Статья 21 Европейской конвенции о гражданстве устанавливает правило, согласно которому лица, имеющие гражданство двух или более государств-участников, должны выполнять свою воинскую обязанность только в одном из них. Лица, которые выполняют (или выполнили до вступления в силу Конвенции) свою воинскую обязанность в одном государстве-участнике по законодательству этого государства-участника, считаются выполнившими свою воинскую обязанность в любом другом государстве-участнике или любых других государствах-участниках, гражданами которых они тоже являются.

Можно констатировать, что институт гражданства ЕС сейчас предоставляет гражданам содружества исключительно дополнительные права и не возлагает на них никаких дополнительных обязанностей. Более того, если сравнить обязанности иностранцев, являющихся гражданами ЕС, и тех, которые не являются таковыми, то на последних возлагается гораздо больше обязанностей на территории ЕС, чем на граждан ЕС. Например, наличие гарантированного законодательством ЕС права свободного передвижения на территории ЕС автоматически освобождает его граждан от обязанности иметь визу при пересечении внешних границ государств — членов ЕС.

Что касается иностранцев, не являющихся гражданами ЕС, то в соответствии с Регламентом №562/2006 Европейского парламента и Совета ЕС об утверждении Кодекса сообщества о режиме передвижения лиц через границы (Шенгенский кодекс о границах) [10] одной из их основных обязанностей является наличие визы при пересечении внешних границ государств — членов ЕС.

Подробный перечень иностранцев, на которых распространяется упомянутая обязанность, и тех, которые освобождаются от нее, определяется Регламентом №539/2001 Совета ЕС об установлении перечня третьих стран, чьи граждане обязаны иметь визу для пересечения

внешних границ государств-членов, и перечня третьих стран, чьи граждане освобождаются от этой обязанности [6].

В Регламенте №810/2009 Европейского парламента и Совета ЕС об утверждении Кодекса сообщества по визовым вопросам (Визовый кодекс) [9] устанавливается обязанность предоставления иностранцами своих биометрических данных, а также приводится перечень лиц, которые освобождаются от этой обязанности.

Стоит отметить, что в странах Европы иностранцы имеют больше прав на участие в управлении государством. Причем это касается не только стран — членов ЕС. Речь идет прежде всего о возможности участия иностранцев в местных выборах.

Так, согласно ст. 6 Конвенции Совета Европы об участии иностранцев в общественной жизни на местном уровне каждая страна, которая ратифицировала эту Конвенцию, обязуется предоставить каждому постоянному жителю-иностранцу право голосовать и выдвигать свою кандидатуру на выборах в органы местного самоуправления, если он соответствует правовым требованиям, предъявляемым гражданам, и на законных основаниях постоянно проживает в соответствующем государстве в течение пяти лет, предшествующих выборам.

Однако в тексте Конвенции есть пункт о том, что во время ратификации любая страна может заявить о том, что она намерена ограничить применение такого права иностранцев только правом голоса.

В некоторых странах ЕС право на участие в муниципальных выборах имеют не только граждане ЕС, но и иностранцы, не являющиеся гражданами стран — членов ЕС. В §5 закона Словакии «О выборах в органы муниципальных общин» отмечено, что в списке избирателей включаются иностранцы, постоянно проживающие на соответствующей территории и отвечающие требованиям, предъявляемым к лицам, имеющим право голоса на муниципальных выборах. Согласно §2 и §7 закона Словакии «О выборах в органы самоуправления регионов и дополнения к Гражданскому процессуальному кодексу» [2, с. 205], предполагается включение в список избирателей иностранцев, имеющих постоянное место жительства в соответствующем регионе и достигших восемнадцатилетнего возраста.

В ряде стран ЕС право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления относится исключительно к гражданам страны и гражданам других стран — членов ЕС. Однако во многих странах такое право предоставляется в равной степени всем иностранцам [5, с. 57].

Конституция Испании предусматривает, что определенными договорами или законом иностранцам на муниципальных выборах может быть предоставлено активное избирательное право. На выборах в органы местного самоуправления Германии иностранцы, постоянно

проживающие на ее территории и при этом не являющиеся официальными представителями международных организаций или иностранных государств, все чаще получают право голоса, а иногда и пассивное избирательное право.

Библиографический список

[1] *Гаврилов В. В.* Международное частное право. — М.: Норма-Инфра-М, 2000. — С. 93.

[2] *Жемчужников А. А.* Конституционный статус иностранцев в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительно-правовой анализ: дис. <...> канд. юр. наук. — Волгоград, 2011. — С. 205.

[3] *Иванова Т. А.* Правовые аспекты статуса иностранных граждан на территории Российской Федерации // Образование и право. — 2018. — № 7. — С. 33.

[4] *Сарангова М. П.* О правовом статусе иностранных граждан в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. — 2018. — Т. 8, № 1А. — С. 68.

[5] *Яковлева Е. В.* Особенности конституционно-правового статуса иностранных граждан в Российской Федерации и странах англо-саксонской системы права: дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2008. — С. 57.

[6] Council Regulation (EC) №539/2001 of 15 March 2001 listing the third countries whose nationals must be in possession of visas when crossing the external borders and those whose nationals are exempt from that requirement // Official Journal. — 2001. — L. 81. — P. 1–7.

[7] EU Charter of Fundamental Rights / European Commission // URL: http://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

[8] EU citizenship // URL: https://europa.eu/european-union/topics/eu-citizenship_en (дата обращения: 05.03.2019).

[9] Regulation (EC) №810/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 establishing a Community Code on Visas (Visa Code) // Official Journal of the European Union. — 2009. — L. 243. — P. 1–58.

[10] Regulation (EC) №562/2006 of the European Parliament and of the Council of 15 March 2006 establishing a Community Code on the rules governing the movement of persons across borders (Schengen Borders Code) // Official Journal of the European Union. — 2006. — L. 105. — P. 1–32.

[11] *Stasinopoulos P.* EU Citizenship as a Battle of the Concepts: Travailleur v Citoyen / P. Stasinopoulos II European Journal of Legal Studies. — 2011. — Vol. 4. — P. 78.

[12] The TFEU originated as the treaty establishing the European Economic Community (the EEC treaty), signed in Rome on 25 March 1957 // URL: https://ec.europa.eu/romania/sites/romania/files/tratatul_de_la_roma.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

Меры административного принуждения, применяемые для новых видов пользования автомобилями

Актуальность проблемы мер административного принуждения, применяемых для целей урегулирования и унификации новых видов пользования автомобилями (каршеринг и райдшеринг), связана с тем, что сейчас в России мало нормативных документов по каршерингу и райдшерингу и не наработана обширная судебная практика, что повлекло злоупотребление правом пользования новым видом услуг, а это, в свою очередь, создает возможность одним лицам обогащаться за счет других [3, с. 32]. В последние годы стремительно набирает обороты совместное потребление, или *sharing economy*, что связано с тем, что они позволяют повысить коэффициент использования благ и снизить издержки [1, с. 10]. Целесообразно поэтому рассмотреть каршеринг и райдшеринг как новые виды услуг, определить проблемы обеспечения транспортной безопасности и определить меры административного наказания за совершаемые правонарушения.

Каршеринг (от *англ.* *car* — автомобиль и *share* — делить) представляет собой вид услуг, заключающихся в пользовании транспортным средством, где одна из сторон не является его владельцем [6, с. 66]. На данный момент привлекательность и особенность каршеринга состоит, во-первых, в том, что пункты выдачи и возврата открыты 24 часа в сутки семь дней в неделю; во-вторых, бронирование, взятие и возврат машины автоматизированы; в-третьих, машины могут быть арендованы по минутам, часам или дням, все клиенты должны иметь членские карты и быть предварительно допущены к вождению; в-четвертых, большое количество пунктов выдачи и возврата авто в городе, как правило, расположено около метро и остановок другого общественного транспорта; в-пятых, страховка и ГСМ обычно входят в стоимость аренды [2, с. 76].

Следует, однако, отметить, что в России компании, предоставляющие услугу каршеринга, действуют в первую очередь на основании составленных ими же договоров, которые содержат некоторые положения, не соответствующие российскому законодательству [3, с. 36].

Райдшеринг (от *англ.* *ride* — ехать и *share* — делить) — вид услуг, заключающийся в совместном использовании частного автомобиля с помощью онлайн-сервисов поиска попутчиков, представляет собой нечто среднее между такси и автостопом [6, с. 66]. Суть проста: водитель и пассажир, чьи маршруты совпадают, находят друг друга онлайн и делят расходы между собой. В настоящее время существует

большое количество сервисов для поиска попутчиков по всему миру. Самый популярный из них — «BlaBlaCar» [7, с. 11]. Сейчас в сферу райдшеринга вовлечены миллионы людей: водители, пассажиры, а также компании — владельцы сайтов. При этом не получил закрепления термин «райдшеринг», не урегулированы его правила, а также не определена роль государства [4, с. 11]. Прогнозируется дальнейшее развитие сервисов общего пользования автомобилем, которые удовлетворяют потребности пользователей в осуществлении поездок без личного владения автомобилем и позволяют избежать издержек владения транспортным средством (уплата транспортного налога, затраты на техническое обслуживание, ремонт и др.).

Новые изобретения и инновации стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Скорость их развития и внедрения продолжает увеличиваться [1, с. 6]. К 2030 г. доля легковых автомобилей общего пользования может достичь 9% от общего объема продаж в мире (10 млн автомобилей общего пользования, 115 млн автомобилей всего в 2030 г.) [9, с. 77].

Прежде всего, это необходимо во избежание уже возникающих на практике проблем с каршерингом и райдшерингом, таких, например, как злоупотребление владением автомобилем сервисов общего пользования, влекущее износ и повреждение транспортного средства, а также его неправильная парковка, затрудняющая проезд другим участникам дорожного движения. Вышеперечисленные проблемы проистекают из неурегулированной процедуры сдачи автомобиля по завершении аренды. Указание в договорах каршеринговых компаний на необходимость сдачи автомобиля в технически исправном состоянии не предполагает какого-либо документального подтверждения. Автомобиль остается на парковке до следующей аренды и может быть поврежден, а арендатору, который уже сдал автомобиль, приходится самостоятельно доказывать отсутствие своей вины в суде [3, с. 34].

К числу проблем, возникающих в сфере райдшеринга, следует отнести введение ложных данных автомобиля, намеренное сокрытие недостатков автомобиля, могущих спровоцировать аварию; введение владельца автомобиля или попутчика в заблуждение, использование сервиса для личного обогащения, в ущерб другим пользователям сервиса. Необходимо законодательно уточнить, кто является ответственным за правонарушения такого характера [8]. На данный момент в КоАП имеется норма, согласно которой ответственным за правонарушение является владелец автомобиля. Общее пользование автомобилем не предусматривается законодательством, а упущенная выгода участников данных правоотношений никоим образом не пресекается законом. Высокий динамизм науки административного права и безопасности дорожного движения подтверждает, что отсутствие в законе четких определений, отражающих юридическую природу тех

или иных событий, и наличие множества дефектов вносят путаницу в правосознание участников движения, обуславливают и нередко прямо провоцируют правонарушения [10, с. 18].

Автомобильное законодательство и законы об ответственности должны быть адаптированы к новым системам, поскольку целями обеспечения транспортной безопасности являются устойчивое и безопасное функционирование транспортного комплекса, защита интересов личности, общества и государства в этой сфере [5, с. 43]. Это должно успокоить общественность [9, с. 117]. Нормативное закрепление приведенной системы мер принуждения представляется правильным осуществить путем принятия единого нормативного акта в форме федерального закона. Административно-правовые меры должны быть подвергнуты детальной процессуализации. В нормах федерального закона об административном принуждении необходимо закрепить виды таких мер, предельно ясно и точно определить основания и порядок их применения. Особенности мер принуждения в рамках отдельных видов органов должны регулироваться ведомственными нормативными правовыми актами на основе общих положений [7, с. 221].

Подводя итог вышесказанному, стоит сказать, что меры административного принуждения подлежат реформированию. Прежде всего необходимо законодательно закрепить в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях определения каршеринга, райдшеринга или иного вида совместного пользования автомобилем, а также новые меры принуждения, для того чтобы граждане в данном сервисе общего пользования автомобилем не находили пути обхода законодательства и во избежание путаницы в определении меры административного принуждения за то или иное правонарушение. Это послужит уменьшению количества преступлений данного характера, что приведет к транспортной безопасности и стабильному функционированию сервисов общего пользования автомобилями.

Библиографический список

[1] *Алябьев С., Голощапов Д., Клинцов В.* [и др.]. Инновации в России — неисчерпаемый источник роста // Центр по развитию инноваций McKinsey Innovation Practice. — М., 2018. — 112 с.

[2] *Анищенко А.* Каршеринг или аренда авто? // Практический бухгалтерский учет. — 2017. — № 12. — С. 76–80.

[3] *Бубновская Т. А., Суворов Ю. Б.* К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // Юрист. — 2018. — № 7. — С. 32–36.

[4] *Бубновская Т. А.* Райдшеринг как объект правового регулирования // Транспортное право. — 2017. — № 4. — С. 10–13.

[5] *Васильев Ф. П., Духно Н. А., Корякин В. М.* Современное толкование о транспортной безопасности в России и ее административно-

правовое регулирование // Крымский научный вестник. — 2015. — № 5–3. — С. 19–43.

[6] *Ефанова Н. В.* Оценка перспективы разработки и внедрения веб-сервиса для организации совместных поездок // Наука и общество в современных условиях: мат. III междунар. научн.-практ. конф. / РИО ИЦИПТ. — 2015. — № 1 (3). — С. 66–68.

[7] *Ефанова Н. В., Шролик А. В.* Актуальность разработки Интернет-сервиса поиска попутчиков для междугородных и внутригородских поездок // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанск. гос. аграрного ун-та. — 2016. — № 116. — С. 870–881.

[8] *Ивашкина А. В.* К вопросу о классификации мер административного принуждения // Вестник КГУ. — 2016. — № 4. — С. 218–221.

[9] *Куприяновский В. П., Акимов А. В., Покусаев О. Н.* [и др.]. Интеллектуальная мобильность и мобильность как услуга в умных городах // International Journal of Open Information Technologies. — 2017. — № 12. — P. 77–122.

[10] *Молчанов П. В.* Административная политика в области обеспечения безопасности дорожного движения: направления и тенденции (по результатам социологических исследований) // Административное право и процесс. — 2016. — № 10. — С. 15–21.

УДК 341

*Довбуш Тимофей Николаевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Реализация концепции надгосударственной верховной власти на примере Европейского объединения угля и стали

Попытки создать объединенную Европу предпринимались неоднократно на протяжении столетий. Еще в 1306 г. такую идею высказывал французский юрист П. Дюбуа, в дальнейшем ее озвучивал король Богемии Иржи Подебрад, а после разгрома Наполеона о необходимости единой Европы говорил на Венском конгрессе в 1815 г. российский император Александр I. Однако только на фоне формирования новой системы международных отношений после завершения Второй мировой войны процесс объединения Европы получил фактическую реализацию.

Главной особенностью международных отношений по завершении Второй мировой войны стала консолидация западных стран на

фоне их противостояния с СССР и ускорение по этой причине процессов, направленных на объединение европейских стран.

Политическим процессам, направленным на объединение послевоенной Европы в 50-х гг., препятствовало разное социальное, правовое, экономическое развитие стран, соперничество ряда европейских государств за господство в объединенной Европе, различное понимание происходящих на европейском континенте процессов.

Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), учрежденная в 1948 г. для восстановления Европы от последствий Второй мировой войны и развития европейской промышленности стала той основой на которой реализовались проекты экономической интеграции европейских стран. Однако данная организация не обладала политическими функциями и играла лишь координирующую роль.

В 1949 г. в целях более тесного сотрудничества между европейскими государствами была основана старейшая европейская политическая организация — Совет Европы, решения которого на момент его создания носили рекомендательный характер.

В то же время интеграция европейских стран в экономической сфере продвигалась значительно успешнее. Главным идеологическим вдохновителем экономической интеграции был французский экономист Жан Монне, который в тот период являлся генеральным комиссаром по планированию Французской Республики, а впоследствии стал председателем высшего органа Европейского объединения угля и стали (1952–1955).

В основу европейской экономической интеграции была положена концепция надгосударственной верховной власти, которая предполагала совершенно иной способ объединения европейских государств [1].

Данная концепция появилась как ответ на неудовлетворительную деятельность функционирующих в то время международных европейских организаций. Изучив работу данных организаций, Ж. Монне заявил, что они не достигнут заявленных целей в сфере экономической и политической интеграции, поскольку занимаются простым межгосударственным сотрудничеством. В рамках данного вопроса он неоднократно заявлял, что действия отдельных стран в существующих рамках национального законодательства не будут достаточно эффективными и только создание Западной федерации, включая Англию, позволит в желаемые сроки решить заявленные проблемы [7, с. 334]. По мнению Ж. Монне, достигнуть поставленных целей можно только путем разработки механизма принятия решений, которые со временем можно распространить на другие области [2, с. 149].

Ж. Монне полагал, что начинать интеграцию нужно с экономической области, поскольку политическая интеграция проходит очень

сложно, а эффективная экономическая деятельность обеспечивает установление межгосударственных связей, которые будут создавать общий интерес [8, с. 25]. Таким образом, объединение европейских стран может быть осуществлено только вследствие успешной межгосударственной экономической деятельности

Соответственно, данная концепция утверждала, что объединение европейских государств произойдет в рамках специально созданной организации, наделенной реальными властными полномочиями, которой будет передана часть государственного суверенитета, что приведет к созданию принципиально нового уровня верховной власти, не ограниченной границами одного государства. Ж. Монне утверждал, что сотрудничество между европейскими государствами никак не влияет на интеграцию стран Европы. Необходимо стремиться к объединению интересов европейских народов, а не просто к уравниванию интересов отдельных государств [7, с. 389].

Таким образом, рассматриваемая концепция организации верховной власти предполагала, что объединение европейских государств должно произойти в течение длительного промежутка времени в результате достижения значимых экономических успехов в заявленных сферах сотрудничества и постепенной передачи государственных функций от отдельных государств к созданным межгосударственным органам.

Данная концепция получила свое юридическое оформление в процессе подготовки международных договоров в рамках первых европейских сообществ. Важнейшим таким проектом стало объединение угольной и сталелитейной промышленности европейских стран, реализованное в 1951 г. в форме Европейского объединения угля и стали (ЕОУС).

Создать вышеуказанное объединение для предотвращения военных конфликтов между Германией и Францией впервые предложил в мае 1950 г. Робер Шуман, который в тот период являлся министром иностранных дел Франции. Он утверждал, что при функционировании данного объединения военный конфликт между Францией и Германией станет невозможен по экономическим причинам. Для реализации поставленных целей в рамках Парижского договора было принято решение о создании европейской наднациональной организации, в которую за весьма короткий временной интервал вошли Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Люксембург и Нидерланды. Международный договор между названными европейскими странами послужил основой для создания общеевропейского рынка угля и стали.

В рамках данной организации было учреждено четыре наднациональных органа: Высокий орган, состоящий из независимых лиц, Общенациональная ассамблея, состоящая из национальных парламентариев, Специальный совет в составе министров наций и суда. В

результате последующей реорганизации этих органов были созданы Европейская комиссия, Европейский парламент, Совет Европейского союза, Европейский суд.

Таким образом, можно утверждать, что в целом изучаемая нами концепция была лишь частично реализована европейскими государствами [9]. В результате в 50-е годы XX в. в Европе появились три надгосударственные организации: Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), которому государства Европы передали полномочия по принятию решений в сфере угольной и сталелитейной промышленности; Евроатом, наделенный полномочиями по принятию решений в сфере атомной энергии, и Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), обладающее полномочиями по широкому кругу вопросов, решение которых необходимо для создания таможенного союза [10].

Вместе с тем ряд европейских государств выступили против концентрации всех законодательных и исполнительных полномочий в рамках единого надгосударственного органа и настояли на создании специального органа, представляющего интересы национальных правительств стран-членов, т. е., по сути, классического органа межгосударственного сотрудничества.

Библиографический список

[1] *Бида Д. А.* Концепция наднациональной верховной власти: формирование и правовое оформление в процессе европейской интеграции в 50-е годы XX века // История государства и права. — 2015. — № 16. — С. 42–47.

[2] *Болдырева О. М.* Жан Монне: У истоков единой Европы // Елец: ЕГУ. — 2008. — 264 с.

[3] *Борко Ю. А.* От европейской идеи к единой Европе // М.: Деловая литература, 2003. — 464 с.

[4] *Гриффитс Р. Т.* Основания европейской интеграции // Полис: Политические исследования. — 2002. — № 4. — С. 139–144.

[5] Европейский союз: прошлое, настоящее, будущее: Документы Европейского Союза / под ред. Ю. А. Борко // М.: Право, 1994. — 387 с.

[6] *Мещерякова О. М.* Суверенитет государств — членов ЕС и механизм его защиты: моногр. // М.: МПГУ, 2008. — 159 с.

[7] *Монне Ж.* Реальность и политика: мемуары / пер. с фр. // М.: Моск. шк. полит. иссл. — 2001. — 664 с.

[8] *Фадеева Т. М.* Европейский союз: федералистские концепции европейского строительства // М.: ИНИОН РАН. — 1996. — 76 с.

[9] *Хохлов И. И.* Наднациональность в политике Европейского союза // М.: Междунар. отн-я. — 2007. — 160 с.

[10] *Чубарьян А. О.* Российский европеизм // М.: Олма-Пресс. — 2006. — 416 с.

**Криминологические аспекты сравнительного анализа
некоторых преступлений с максимальной степенью
латентности в России и зарубежных странах**

Ни для кого не секрет, что объем фактической преступности многократно превышает те цифры, которые мы ежегодно можем видеть, оценивая различные показатели преступности, регистрируемой правоохранительными органами на территории Российской Федерации. Разница между фактической и учтенной преступностью и образует тот массив, который принято называть латентной преступностью.

Официальная уголовная статистика уже давно не отражает истинные показатели преступности в стране. Как было отмечено ранее, цифра латентной преступности представляет собой, прежде всего показатель безнаказанности [2].

Так, за последние два года картина учтенной в России преступности выглядит следующим образом: в 2017 г. зарегистрировано 2058,5 тыс. преступлений, в 2018 — 1991,5 тыс., или на 3,3% меньше, чем за аналогичный период прошлого года [5].

Насколько реальны и объективны приведенные цифры? Примерно 2 млн преступлений в стране, население которой, по данным Росстата, на 1 января 2019 г. составляло почти 146 млн. 794 тыс. человек? [4].

Для сравнения обратимся к такой стране, как Франция, с которой в недавно опубликованном рейтинге «Crime Index for Country» Российская Федерация занимает соседнее место [1]. Численность населения Франции составляет чуть более 67 млн. человек, а уровень преступности в этой стране в 2017 г. находился на отметке в 1996,7 тыс. зарегистрированных преступлений [9].

Соотношение показателей уровня преступности в России и в определенных странах мира наводит на мысль о том, что в нашей стране размеры латентной преступности как минимум сопоставимы с размерами зарегистрированной преступности, а как максимум — превосходят ее в несколько раз. При этом очевиден тот факт, что истинные масштабы латентной преступности установить практически невозможно. Почему большинство преступлений остаются в тени? Проблема кроется в жертвах преступлений или в проводимой государством уголовно-правовой политике? Какие преступления обладают максимальной латентностью и почему? Поиск ответов именно на эти вопросы уже на протяжении долгого времени остается главной задачей, которую ставят перед собой ученые и правоприменители в области борьбы с преступностью.

На латентность преступлений влияет ряд факторов, например, нежелание потерпевшего, предать огласке факт совершенного в отношении него преступного проявления, недоверие или неверие со стороны потерпевшей стороны к правоохранительным органам, малозначительность наступивших в результате преступления последствий, которые в совокупности с фактором нежелания потерпевшего «ходить по кабинетам» для участия в процессуальных процедурах образуют одну из значимых причин неучтенной преступности [3].

Популярная в криминологической науке классификация латентности преступности по степени латентности входящих в ее структуру преступлений на преступления с минимальной степенью, средней степенью и максимальной степенью латентности представляется нам наиболее точной с точки зрения исследования латентной преступности как явления. Качественное изменение содержания той группы преступлений, которые обладают максимальной степенью латентности, послужит определенным сдвигом в исследовании характера реальной преступности, а не тех цифр, которые мы видим в сводках официальной статистики.

Анализируя предлагаемые нам официальные статистические показатели преступности и отдельных ее видов в России, трудно оставить без внимания те абсолютные показатели, которые характеризуют преступления с максимальной степенью латентности, к которым, безусловно, следует отнести изнасилование, дачу и получение взятки, мошенничество в самых разнообразных проявлениях предмета его посягательства и ряд других.

Количественные показатели такого преступления, как изнасилование, за последние два года отражены в табл. 1.

Таблица 1

Год	Всего зарегистрировано в РФ преступлений	Всего зарегистрировано в РФ изнасилований (удельный вес от общего кол-ва)
2017	2 058 476	3538 (0,2%)
2018	1 991 532	3374 (0,2%)

Однако, обратившись к цифрам официальной статистики изнасилований, регистрируемых в ряде зарубежных стран, можно наблюдать иную картину (табл. 2) [6, 7, 8, 10].

Таблица 2

Год	США	Германия	Франция
2015	126 134	7022	12 956

2016	132 414	7900	7884
2017	135 755	11 282	32 048

Сопоставление приведенных показателей вызывает вполне резонный вопрос: почему такая разница в количестве зарегистрированных преступлений, посягающих на половую свободу? Почему в таких странах, как Германия и Франция, население которых в количественном выражении далеко от численности населения нашей страны, изнасилование ежегодно регистрируется в показателях, превышающих аналогичные показатели в России в несколько раз, не говоря уже о статистике данного преступления применительно к США, где данный показатель превышает российский в сорокакратном размере?! Возможно, дело заключается в жесткой уголовной политике этих государств, как в назначении уголовного наказания, так и в реализации мер уголовно-процессуальной направленности.

Анализ данных статистической отчетности о преступности в России и показателей, зарегистрированных в 2017 г. в США изнасилований отчетливо демонстрирует, что количество указанных преступлений в последней стране соответствует суммарным показателям целой группы таких регистрируемых в России преступлений против личности, как убийство, в том числе покушение на убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование [5].

Несомненно, что США занимают лидирующие позиции в мире по уровню насильственной преступности в целом, но степень латентности преступлений указанной группы, как наглядно показывают цифры, существенно отличается от аналогичной группы преступных посягательств, выявляемых на территории Российской Федерации. Далеко не в последнюю очередь это продиктовано верой пострадавших от преступлений в эффективность правоохранительной системы собственной страны, а также отсутствием у них такого количества факторов, о которых речь шла выше.

За период 2017–2018 гг. в Российской Федерации всего было зарегистрировано 6687 случаев получения взятки (ст. 290 УК РФ) и 4884 случая дачи взятки (ст. 291 УК РФ). Таким образом, преступления, предусмотренные ст. 290 и 291 УК РФ, несомненно, обладают максимальной степенью латентности в нашей стране. Удельный вес преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, составил всего лишь 0,16% от общего количества зарегистрированных за два последних года преступлений, а аналогичный показатель ст. 291 УК РФ еще меньше — 0,12% [5].

Для сравнения количество зарегистрированных аналогичных проявлений коррупционной направленности в Китае в 2018 г. соста-

вило 59 593 преступления, или 7% от общего количества преступлений [11].

В заключение можно сделать вывод, что для успешной борьбы с преступностью недостаточно оперировать сведениями официальной статистики, необходимо учитывать показатели латентной преступности, которая в Российской Федерации прослеживается слишком очевидно. Для выявления скрытой преступности следует на регулярной основе проводить виктимологические опросы среди населения, которые будут выступать в качестве более объективных критериев при реализации эффективной уголовно-правовой политики в области борьбы с латентной преступностью.

Библиографический список

[1] Индекс преступности для страны 2018 [Электронный ресурс] : сайт // Numbeo. — URL: https://www.numbeo.com/crime/rankings_by_country.jsp?title=2018 (дата обращения: 03.03.2019).

[2] *Инишаков С. М.* Латентная преступность как показатель эффективности уголовной политики // Российский следователь. — 2008. — № 14. — СПС «Консультант Плюс».

[3] Криминология: учебник / под. ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. — М.: Норма, 2009. — С. 97.

[4] Население России: численность, динамика, статистика // URL: <http://www.statdata.ru/russia> (дата обращения: 03.03.2019).

[5] Статистика и аналитика [Электронный ресурс] : сайт // МВД РФ. — URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 03.03.2019).

[6] Статистика преступности в Германии за 2016 год [Электронный ресурс] : сайт // GERMANIA.ONE. — URL: <https://germania.one/statistika-prestupnosti-v-germanii-za-2016-god-chislo-kvartirnyh-krazhznachitelno-snizilos/> (дата обращения: 03.03.2019).

[7] Статистика преступности за 2017 год: насколько криминальна Германия [Электронный ресурс] : сайт // GERMANIA.ONE. — URL: <https://germania.one/statistika-prestupnosti-za-2017-god-naskolko-kriminalna-germanija> (дата обращения: 03.03.2019).

[8] Crime in thw United States [Электронный ресурс] : сайт // FBI. — URL: <https://ucr.fbi.gov/crime-in-the-u.s/2017/crime-in-the-u.s.-2017/tables/table-1> (дата обращения: 03.03.2019).

[9] Justice pénale — données 2017 [Электронный ресурс] : сайт // Ministère de la Justice. — URL: <http://www.justice.gouv.fr/statistiques-10054/references-statistiques-justice-12837/justice-penale-donnees-2017-32044.html> (дата обращения: 03.03.2019).

[10] Le Traitement Judiciaire Des Auteurs D'infractions Penales [Электронный ресурс] // URL: http://www.justice.gouv.fr/art_pix/Stat_

Annuaire_ministere-justice_2016_chapitre6.pdf (дата обращения: 03.03.2019).

[11] The Supreme People's Procuratorate of the People's Republic of China [Электронный ресурс] // URL: <http://www.spp.gov.cn> (дата обращения: 03.03.2019).

УДК 343.1

*Кузина Александра Евгеньевна,
студентка Санкт-Петербургского
государственного университета*

Некоторые проблемы исполнения приговора

Надлежащее уголовно-процессуальное регулирование стадии исполнения приговора имеет существенное значение для успешной уголовно-процессуальной политики государства. Неотвратимость уголовной ответственности и наказания является важнейшим фактором в борьбе с преступностью и ее профилактике. Не только эффективное раскрытие и расследование преступлений, разрешение уголовного дела в суде, но и своевременное приведение приговора в исполнение наряду с законным и обоснованным разрешением вопросов, связанных с его исполнением, способствуют решению задач уголовного судопроизводства, сформулированных в ст. 6 УПК РФ.

В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляются в форме правосудия в открытом судебном заседании. Применительно к реализации осужденными права на судебную защиту уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство не содержит каких-либо изъятий или ограничений и не допускает понижения уровня гарантий права на судебную защиту.

На стадии исполнения приговора в полной мере действуют все принципы уголовного процесса, должна быть гарантирована реализация процессуального статуса участников уголовного судопроизводства.

Одной из процессуальных гарантий соблюдения интересов осужденного на стадии исполнения приговора является его право на личное участие в судебном заседании. На практике вызывает, в частности, вопросы установленная законом процедура отмены су-

дом условного осуждения лица, скрывшегося от контроля уголовно-исполнительной инспекции. В соответствии с ч. 6 ст. 190 УИК РФ лицо признается скрывающимся от контроля, если его нахождение не установлено более тридцати дней. Поскольку осужденный скрылся, суды, рассматривая соответствующий материал и отменяя условное осуждение, не обеспечивают его явку в судебное заседание. В то же время, согласно ч. 2 ст. 399 УПК РФ, участие осужденного в заседании зависит от его волеизъявления. Общие условия проведения судебного разбирательства не подразумевают отсутствие осужденного в судебном заседании, за исключением некоторых случаев, которые в данной ситуации неприменимы. Указанное выше постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» закрепляет положение о том, что отсутствие осужденного в заседании лишает его права на защиту (абз. 2 п. 2). Таким образом, гарантированное право ограничивается в реализации на практике, что недопустимо. Специалисты отмечают, что правоприменительная деятельность в этой части характеризуется вариативностью и многообразием решений, что приводит к правовой неопределенности. Вносятся предложения урегулировать эту проблему на законодательном уровне, в частности вменить суду в обязанность в вышеуказанном случае выносить постановление об отложении рассмотрения представления уголовно-исполнительной инспекции и вынесении постановления о приводе осужденного, что поручается судебному приставу [2, с. 92].

Научным сообществом неоднократно высказывалось мнение о недостаточном законодательном регулировании стадии исполнения приговора, особенно в части уголовно-процессуальных сроков.

Безусловно, положительным фактором является закрепление в гл. 2 УПК РФ необходимости соблюдения разумных сроков при осуществлении уголовного судопроизводства. Это требование актуально для всех стадий уголовного процесса, в том числе и для стадии исполнения приговора.

По мнению А. А. Камардиной, поскольку в уголовно-процессуальном законе не определен срок, в который суд должен рассмотреть и разрешить вопросы, связанные с исполнением приговора, необходимо дополнить ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ следующим положением: «Разумный срок уголовного судопроизводства включает в себя и срок исполнения приговора, то есть период с момента обращения приговора (определения, постановления) суда к исполнению до разрешения всех вопросов, связанных с исполнением приговора». При определении разумности срока должны учитываться вид назначенного наказания, учреждение или орган, на который возложено исполнение наказания, суд, разрешающий вопросы, связанные с исполнением приговора, содержание вопросов, подлежащих разрешению судом

при исполнении приговора, поведение оправданного, осужденного, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика [1, с. 15].

Следует учитывать, что установление на законодательном уровне соответствующих уголовно-процессуальных сроков имеет на стадии исполнения приговоров существенное значение, особенно для осужденных. Например, при замене отбывания обязательных работ на лишение свободы в случае злостного уклонении осужденного от их отбывания возникают проблемы перерасчета сроков. Так, восемь часов обязательных работ соответствуют одному дню лишения свободы (ч. 3 ст. 49 УК РФ). Если осужденный отбыл обязательные работы, не кратные восьми часам, указанные часы невозможно засчитать как неполные дни в срок лишения свободы [2, с. 87]. Это может показаться частностью, но только на первый взгляд. Представляется, что законодательных препятствий для обеспечения интересов осужденного быть не должно.

Важным фактором контроля со стороны суда за процессом обращения приговора к исполнению является обязанность соответствующих учреждений извещать суд о начале исполнения приговора. Однако следует обратить внимание на недостатки законодательного регулирования некоторых процессуальных сроков. Например, в УПК РФ не установлены сроки, в течение которых учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания, должны извещать суд о начале его исполнения и о месте отбывания наказания (ч. 5, 6 ст. 393 УПК РФ). Целесообразно эти сроки установить именно в УПК РФ, а не в УИК РФ.

Необходимо обратить внимание и на неточность некоторых формулировок, содержащихся в ст. 393 УПК РФ. Буквальное толкование ч. 5 и 6 данной статьи позволяет сделать вывод, что в тех случаях, когда осужденный отбывает наказание в виде лишения свободы в следственном изоляторе, администрация следственного изолятора не обязана уведомлять суд о начале исполнения наказания, поскольку изолятор не является исправительным учреждением. Целесообразно изложить ч. 5 и 6 ст. 393 УПК РФ в следующей редакции: «5. Учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания или в котором осужденный отбывает наказание, немедленно извещают суд, постановивший обвинительный приговор, о его исполнении. 6. Учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания или в котором осужденный отбывает наказание, должны извещать суд, постановивший приговор, о месте отбывания наказания осужденным».

Совершенствование законодательства, регулирующего стадию исполнения приговора, позволит сохранять баланс интересов государства и участников уголовного процесса.

Библиографический список

[1] *Камардина А. А.* Реализация принципов уголовного судопроизводства при производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Ростов н/Д., 2012. — 24 с.

[2] *Мальшева О. А.* Уголовно-процессуальные основы исполнения приговора: учебник для магистратуры и аспирантуры. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. — 288 с.

УДК 341

*Лупиш Ксения Сергеевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Признание и приведение в исполнение решений иностранных судов по делам о банкротстве

Понятие трансграничная несостоятельность (трансграничное банкротство) применяется в случае наступления обстоятельств, при которых должник имеет активы или кредиторов более чем в одной стране. Другими словами, трансграничная несостоятельность — это банкротство, возникающее из трансграничной предпринимательской деятельности, в отношении которого подлежит применению или возможно применение законодательства о банкротстве двух или более юрисдикций [4, с. 137].

Вопросы трансграничности раскрываются в российском законодательстве в очень краткой и незавершенной форме. Закон о несостоятельности (банкротстве) Российской Федерации содержит лишь несколько отдельных абзацев и статей, применимых при разрешении вопросов трансграничности в делах о банкротстве.

Установлены лишь два альтернативных условия, при которых судебный акт иностранного суда может быть признан российским судом: наличие международного договора, определяющего возможность такого признания (помимо многосторонних международных договоров данные отношения, как правило, регулируются двусторонними соглашениями о правовой помощи), либо установление фактов взаимности. При этом первое и второе может доказываться сторонами по делу [1, с. 127].

© Лупиш К. С., 2019

Сложность заключается в том, что на сегодняшний день Россия имеет подобные соглашения далеко не со всеми государствами. Кроме того, не все такие соглашения применимы при определении возможности признания и исполнения иностранных судебных решений в делах о банкротстве.

Взаимность как общепризнанный принцип международного права традиционно подразумевает взаимное уважение судами различных государств результатов деятельности друг друга. При этом взаимность можно рассматривать в двух аспектах: как просто закрепления возможности признания решения иностранного суда в национальном законодательстве, так и практической реализации названной идеи посредством вынесения национальными судами положительных решений в рамках производств по этим делам.

Анализ научных рассуждений и судебной практики также дает возможность сформулировать две концепции относительно понимания данного принципа. Первая устанавливает презумпцию наличия взаимности, а вторая определяет необходимость доказывания ее соблюдения заинтересованной стороной в деле [3, с. 5].

Судебная практика России и отдельные прецеденты Германии показывают, что очень часто в делах о признании судебных постановлений участники процесса и суды обращаются как к вопросу о наличии международного договора, так и к вопросу о взаимности.

Практика судов ФРГ по делам о признании российских решений о банкротстве показывает, что зачастую суды не признают наличие значимых международных договоров с Российской Федерацией и обращаются к принципу взаимности. Практика судебных дел в РФ последних лет позволяет сделать вывод, что российские суды склоняются в сторону признания решений судов ФРГ, прибегая к комплексному подходу, когда отдельные специальные договоры между Российской Федерацией и ФРГ трактуются в качестве соблюдения условия наличия международного договора и одновременно в качестве подтверждения взаимности. Правопорядки Германии и России в общей форме допускают возможность признания и исполнения иностранных судебных решений на началах взаимности [5, с. 152].

Примером судебной практики по признанию российских решений в ФРГ может служить решение Земельного суда г. Аугсбурга от 9 июля 2013 г., которым было признано и приведено в исполнение на территории ФРГ решение Арбитражного суда Московской области.

В практике российских арбитражных судов при толковании принципа взаимности можно наблюдать движение в сторону расширенного толкования данного термина.

Примером является дело № А56-56528/2005 рассматриваемое в Арбитражном суде города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по заявлению АО «Компания Калинка Трейд АпС» о признании

на территории Российской Федерации решения Морского и Коммерческого суда Копенгагена от 9 августа 2001 г. о признании заявителя банкротом. Определением суда первой инстанции требование было удовлетворено и далее решение прошло апелляционную, кассационную инстанции без изменений.

Значение приведенного дела заключается в том, что суд дает расширенное толкование принципа взаимности. Для установления взаимности не является обязательным поиск прецедента признания российских решений по аналогичным делам в иностранном судебном органе. Достаточно установить, что законодательство иностранного государства не препятствует признанию и приведению в исполнение российских судебных актов. Иными словами, взаимность трактуется не столько через ожидание действий со стороны иностранных судов и поиск прецедентов, сколько через возможности, предоставляемые иностранным правом. Также в решении приводится расширенное толкование международного договора. Суд посчитал, что под международным договором не обязательно понимается специальное соглашение, регулирующее конкретные правоотношения и взаимную экзекватуру. Под международным договором могут пониматься также любые двусторонние соглашения по общим вопросам, договоры общего характера о правовой помощи и сотрудничеству и др. [2, с. 14].

Определением от 8 ноября 2007 г. по делу № А56-22667/2007 Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области вынес отказ в признании и приведении в исполнение решения суда 1-й инстанции г. Франкфурта-на-Майне по делу о банкротстве, обосновав свое решение одним лишь отсутствием международного договора между Россией и ФРГ без анализа вопроса о взаимности.

В другом деле Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области в определении от 7 мая 2014 г. признал постановление Харьюского уездного суда (г. Таллин, Эстония) об объявлении Данилова Бориса, гражданина Эстонии, банкротом. Определение о признании судебного решения Эстонии интересно тем, что в качестве международного договора суд принял во внимание Конвенцию Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йоркская Конвенция 1958 г.) [5, с. 150].

Можно сказать, что нормы российского права показывают пробел в сфере регулирования трансграничной несостоятельности ввиду того, что в российском праве отсутствует системный подход к вопросу разрешения проблемы трансграничного банкротства, отсутствуют достаточные нормы для регулирования данного вопроса. Российские суды восполняют эти пробелы самостоятельно, дублируя иностранное законодательство, создают свои правовые схемы, по сути подоб-

ные существующим в зарубежных странах, что и приводит к разнообразным судебным решениям по делу о банкротстве.

Библиографический список

[1] *Ануфриева Л. П.* Международное частное право: учебник: в 3 т. — М.: БЕК, 2001. — Т. 3: Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс. — 768 с.

[2] *Брукс С., Бернберг И. Д., Лэнц Р. Д.* Трансграничная несостоятельность — 2016: обновленное руководство по вопросам трансграничного банкротства // Предпринимательское право. — 2016. — № 4. — С. 2–30. — <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8686>.

[3] *Мохова Е. В.* Несостоятельность, осложненная иностранным элементом: вызовы российской судебной практики // Предпринимательское право. — 2013. — № 2. — С. 2–10

[4] *Мохова Е. В.* Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью // Закон. — 2016. — № 5. — С. 137. — <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=7970>.

[5] *Русакомский К. И., Втюрин Л. С.* Регулирование трансграничной несостоятельности (банкротства) в Германии и России: актуальные проблемы // Закон. — 2017. — № 2. — С. 144–155. — <http://prlex.ru/assets/template/files>.

УДК 341.63

*Кудин Антон Андреевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Соотношение международного коммерческого арбитража и государственного судопроизводства

В настоящее время с учетом изменений, внесенных федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона „О саморегулируемых организациях“ в связи с принятием Федерального закона „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Фе-

дерации“» (далее: Закон о внесении изменений), на территории Российской Федерации под арбитражем (третейским разбирательством) понимается процесс разрешения спора и принятия решения третейским судом (арбитражного решения).

При этом Закон о внесении изменений по сути преследовал три взаимосвязанные цели [7]:

1) уменьшить количество «сомнительных третейских судов», используемых лицами для достижения своих интересов и целей, как правило, с нарушением принципа независимого и беспристрастного третейского разбирательства;

2) сформировать правовую среду для комфортного развития и функционирования «настоящих» арбитражей;

3) повысить рейтинг привлекательности международного коммерческого арбитража в Российской Федерации для иностранных лиц.

Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее: ФЗ об арбитраже), пришедший на замену федеральному закону от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», разделяет внутренние и международные арбитражи, возлагая правовое регулирование последней категории на закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (далее: Закон о МКА).

Преамбулой Закона о МКА установлено, что он учитывает положения об арбитраже, содержащиеся в международных договорах Российской Федерации, а также в типовом законе «О международном торговом арбитраже», принятом в 1985 г. Комиссией ООН по праву международной торговли ЮНСИТРАЛ, с изменениями, принятыми в 2006 г.

В соответствии со ст. 6 Закона о МКА международный коммерческий арбитраж в некоторых случаях (когда процедура разрешения спора затрудняется определенными и указанными в Законе обстоятельствами) не уполномочен на осуществление функций, для выхода из сложившейся ситуации.

Такие функции выполняются компетентным судом, под которым в силу ст. 2 Закона о МКА понимается суд Российской Федерации, определенный в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации.

Статьями 9 и 10 Закона о внесении изменений в процессуальное законодательство были внесены изменения, в том числе регулирующие правила производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей.

В частности, были усовершенствованы положения, регулирующие порядок реализации судами функций содействия третейским

судам по формированию их состава, обеспечению доказательств; изменен порядок производства по делам об оспаривании решений третейских судов, признании и приведении в исполнение внутренних и международных арбитражных решений; получили дальнейшее развитие подходы, заложенные в Конвенции 1958 года; появились нормы, определяющие порядок признания иностранных арбитражных решений, не требующих принудительного исполнения.

По мнению Е. В. Ситкаревой, указанная реформа свидетельствует о «разнонаправленности нововведений». В частности, высказана озабоченность тенденцией сближения арбитражей и государственного судопроизводства, воспринимаемой больше «как контроль над деятельностью третейского суда и арбитражного учреждения, которое администрирует соответствующий спор», нежели как плодотворное взаимодействие двух структур [6].

Иначе ситуацию взаимодействия государственных судов и арбитражей воспринимает Е. И. Носырева, полагающая, что «в гражданском судопроизводстве появилась новая категория дел и ее отличие от уже существовавших категорий заключается в том, что суд выполняет не функцию контроля, а функцию содействия в отношении третейского суда» [5].

При всем разнообразии оценок изменений, внесенных Законом о внесении изменений, подавляющее большинство научных деятелей и авторов научных публикаций соглашались с тем, что проблем, возникающих при взаимодействии и соотношении арбитражей, включая международные коммерческие арбитражи, и судов государственной судебной системы, не становится меньше.

Так, в частности, исследователи выделяют проблемы, связанные с арбитрабельностью спора и пределом вмешательства государственных судов [2, 4], с применением обеспечительных мер [3], с формальным определением категории публичного порядка [1, 4], с определением территориальной подсудности [6] и др.

Перечень проблем и недостатков системы отношений международного коммерческого арбитража и государственного судопроизводства остается открытым, несмотря на то что реформа третейского разбирательства, оформленная Законом о внесении изменений, была настолько «существенна, что затрагивала интересы практически всех лиц, тем или иным образом участвующих в третейском разбирательстве» [7].

Анализ действующего законодательства, судебной практики, а также научных воззрений в вопросе взаимодействия государственных судов и арбитражей (третейских разбирательств), включая международный коммерческий арбитраж, позволяет сделать вывод о несомненной актуальности этого соотношения ввиду непрекращающейся борьбы недостатков и проблем с их решениями и преодолениями как

в теории, так и на практике, связанными с попытками установить взаимовыгодные и продуктивные отношения государственной и негосударственной структур.

Библиографический список

[1] *Дегтярев С. Л.* Проверка нарушения публичного порядка в решениях арбитражей (третейских судов) судами общей юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. — 2018. — № 9. — С. 62–65.

[2] *Карабельников Б. Р.* Исполнение и оспаривание решений международных коммерческих арбитражей: Комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и главам 30 и 31 АПК РФ 2002 г. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2008. — 606 с.

[3] *Кобахидзе Д. И.* Некоторые вопросы применения обеспечительных мер в международном коммерческом арбитраже // Международное правосудие. — 2017. — № 1. — С. 108–121.

[4] *Алехин С. Н., Асосков А. В., Грищенкова А. В.* [и др.]. Новые горизонты международного арбитража: сб. ст. выступающих на конф. «Российский арбитражный день — 2018» / под научн. ред. А. В. Асоскова, А. И. Муранова, Р. М. Ходыкина. — М.: Ассоциация исследователей международного частного и сравнительного права, 2018. — Вып. 4. — 349 с.

[5] *Носырева Е. И.* Правовая природа и особенности производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестн. гражданского процесса. — 2017. — № 4. — С. 79–100.

[6] *Ситкарева Е. В.* Содействие и контроль государственных судов в отношении арбитража (третейского разбирательства) // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2017. — № 4. — С. 49–53.

[7] *Хвалей В. В.* Новое законодательство об арбитраже: жить стало лучше, жить стало веселее // Закон. — 2016. — № 5. — С. 87–95.

УДК 342.8

*Мироненко Алина Павловна,
студентка Воронежского экономико-правового института*

Равное и неравное избирательное право

В ст. 19 Конституции Российской Федерации констатируется, что все равны перед законом и судом и что государство гарантирует ра-

венство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к другим объединениям, а также других обстоятельств. Следовательно, запрещаются всевозможные ограничения прав по вышеперечисленным признакам. Возможность ограничения общепризнанных прав и свобод человека и гражданина допускается только федеральными законами и в конституционно оправданных целях (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

В Конституции РФ в числе политических прав закреплено право граждан избирать и быть избранными (ч. 2 ст. 32). Избирательное право в России регулируется рядом федеральных законов: «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», «О выборах в Государственную Думу Федерального Собрания РФ», «О выборах Президента РФ», а также законами субъектов Российской Федерации и другими нормативными актами. Граждане Российской Федерации участвуют в выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Равное избирательное право — это принцип избирательной системы, благодаря которому современное избирательное право России предстает перед нами в том виде, в котором оно существует сегодня. Такой принцип подразумевает, что каждый гражданин нашей страны вправе осуществлять требуемые избирательные действия, сопряженные, например, с выдвижением в качестве кандидата на должность в органы государственной власти и местного самоуправления. Но для этого необходимо выполнить некоторые условия. Первое из было раскрыто ранее: недопустимость деления граждан по имущественному, половому, национальному и иным признакам.

Второе условие — равное количество голосов. Данное условие означает, что у всех избирателей, голосующих по одной избирательной системе, в одном и том же избирательном округе и избирающих один и тот же законодательный (представительный) орган государственной власти и местного самоуправления, одинаковое количество голосов. Однако далеко не всегда можно обеспечить равенство избирательных округов по территории или по числу избирателей. Согласно избирательному законодательству, при создании одномандатных избирательных округов, когда в округе избирается один депутат и соблюдается приблизительное равенство избирательных округов, имеется отклонение в сторону увеличения или уменьшения от средней нормы. Поэтому избирательные округа будут неодинаковыми по числу избирателей.

Последнее условие — равный вес каждого голоса в избирательном процессе — обеспечивается тем, что гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет, заносится в список избирателей на

одном избирательном участке (как правило, по его месту жительства) и он вправе голосовать только один раз. В соответствии с п. 3 ст. 4 федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав» не имеют право избирать и быть избранными, граждане, признанные судом недееспособными или содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

Равное избирательное право касается не только избирателей. Кандидаты также наделены равными правами, несут равные обязанности, подчиняются равным ограничениям, установленным законодательством для всех участников на всех стадиях избирательного процесса [2, с. 58]. Они не имеют права использовать свое служебное или должностное положение, чтобы повлиять на результаты выборов. На практике не обеспечивается в полной мере принцип равноправия в отношении кандидатов с разным социальным статусом. Это, в частности, касается финансирования избирательных кампаний отдельными кандидатами и политическими партиями или преимуществ должностного либо служебного положения. После каждых выборов в СМИ появляются сообщения о том, что в нескольких регионах кандидаты используют должностное положение, нарушая тем самым принцип равенства, чтобы обеспечить себе победу на выборах. Обязанность власти — обеспечивать открытость и честность политической конкуренции, гарантировать реализацию указанного принципа равенства.

Реализация пассивного избирательного права обеспечивается государством в форме участия в выборах в качестве кандидата, но избрание депутатом или на выборную государственную должность может быть осуществлено не каждым участвующим кандидатом. Гарантируются лишь равные возможности, поэтому в законе должна быть более точная формулировка: «право избираться», а не «право быть избранным».

Избирательное право в России претерпевало значительные перемены. Если обратиться к некоторым историческим примерам, то в дореволюционной России существовала система ограничений, связанных с реализацией избирательных прав, т. е. «нормативно закрепленная система квалификаций избирателей, выражаемая в требованиях, которым должно удовлетворять физическое лицо, чтобы обладать активным или пассивным избирательным правом» [1, с. 538]. В списки избирателей включались лица по заявлению и предъявлению ценза недвижимости, имущественного, квартирного, промыслового, пенсионного, военного, по полу, сословного и других цензов. Право на участие в выборах имели лишь лица, внесенные в избирательный список. Так, на основе ценза в выборах в Государственную Думу не участвовали лица женского пола, лица моложе 25 лет, обучающиеся в учебных заведениях, воинские чины армии и флота, состоящие на действительной военной службе. По квартирному цензу лишались из-

бирательных прав «низшие служители»: вахтеры, курьеры, швейцары, дворники [1, с. 539–540].

После прихода к власти коммунистической партии было принято несколько Конституций: 1918-го, 1924-го (первый основной закон СССР), 1936-го (в Конституции 1936 г. были более подробно прописаны основные права и обязанности граждан и избирательная система в целом: с какого возраста можно голосовать, какие лица не имеют права голосовать и т. д.); 1977-го и 1993 гг. (действует по сей день). В разные годы советского периода действовали конституционные принципы лишения избирательных прав значительных категорий населения страны (династийный, религиозный, служебный, классовый, кулацкий, контрреволюционный цензы и др.). Конституция 1936 г. провозглашала, что все граждане равны в своих правах, но некоторые ограничения считались неизбежными в условиях борьбы с классовым врагом. Гражданам трудно было реализовать пассивное избирательное право, поскольку формирование представительных органов власти начало осуществляться на плановой основе. Хотя выборы в СССР объявлялись равными и все граждане могли участвовать в них на равных основаниях, на самом деле, например, половина состава Верховного Совета формировалась на основе квот представительства от союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов. С учетом разной численности населения в них такое положение вряд ли можно считать равноправным. Один округ РСФСР был в десятки раз крупнее по числу избирателей, чем округ в Эстонии или Литве.

С принятием Конституции 1993 г. происходит развитие избирательной системы в соответствии с международными стандартами.

Каждое государство создает свою избирательную модель, опираясь на свою систему цензов для политических прав граждан, опираясь на свои традиции и менталитет народа. Так, в Литве в 1938 г. были отменены прямые выборы, и на их место пришла система корпоративного назначаемого правительства. Демократизированы они были только в 1940 г., что прямо говорит о неэффективности неравного права [3, с. 226]. На современном этапе избирательное право Литвы внешне соответствует международным стандартам. Однако некоторые черты неравного избирательного права сохранились по сей день. Согласно законам Литвы, активным избирательным правом обладают граждане, которые достигли возраста 18 лет, кроме тех лиц, которые были признаны судом недееспособными. Но для того, чтобы гражданин смог избрать депутата Сейма (высшего законодательного органа Литвы), он должен достигнуть возраста 25 лет.

Как показывает исторический опыт, ограничения в реализации как активного, так и пассивного избирательного права не являются раз и навсегда закрепленными в законодательстве России. С измене-

нием законов о выборах круг лиц, имеющих право избирать и право избираться, то сужался, то расширялся. По сравнению с предыдущими периодами в истории России современные принципы всеобщего и равного избирательного права соответствуют международным стандартам и являются наиболее демократичными. Стоит отметить особую ценность, значимость всеобщего равного избирательного права, гарантированного Конституцией. Но граждане далеко не всегда понимают, какая привилегия им дана, чтобы выразить свою гражданскую позицию на выборах. Об этом надо обязательно говорить, особенно с молодежью, проводить различные мероприятия. Что же касается нарушения принципа равенства, то усиление контроля избирательных комиссий, общественных наблюдателей должно служить обеспечению соблюдения этого принципа на всех этапах избирательной кампании.

Библиографический список

- [1] *Белоновский В. Н.* Электоральное право Российской Федерации. — М.: РГГУ, 2010. — 2010 с.
- [2] *Веденеев Ю. А.* Введение в избирательное право: учеб. пособие. — М.: РЦИОТ, 2003. — 208 с.
- [3] *Танин-Львов А. А.* Выборы во всем мире: Электоральная свобода и общественный прогресс. — М.: РОССПЭН, 2001. — 1112 с.

УДК 341

*Панченко Александра Денисовна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Кодификация и унификация (систематизация) законодательства в ЕАЭС

Прежде всего нужно подробнее проанализировать кодификации и унификации действующего законодательства. Процесс кодификации представляет собой деятельность, которая позволяет получить максимально эффективный результат при необходимости систематизации законодательства на сегодняшний день. С этим утверждением согласны многие видные ученые. В частности, по мнению Н. Ю. Ерпылевой и И. В. Гетьман-Павловского, процесс кодификации представляет со-

бой отличающийся максимальным уровнем сложности, но при этом достигший совершенства метод систематизации, который применяется в целях кардинальной трансформации действующего законодательства [2].

Если провести анализ информации, содержащейся по этому вопросу в Толковом словаре по теории права, составленном И. А. Ивановым, можно отметить, что данный словарь определяет кодификацию как максимально сложный и совершенный метод систематизации, выступающий в качестве особого вида деятельности, реализуемой в целях осуществления кардинальной внешней и внутренней переработки действующего законодательства с использованием в этих целях метода подготовки и принятия нового кодифицированного акта [3, с. 37].

Процесс унификации права представляет собой деятельность, при осуществлении которой создаются одинаковые, соответствующие единому стандарту, а значит, унифицированные нормы в рамках структуры внутреннего права различных государств. Здесь можно указать на то, что наднациональный «законодательный» орган, в функции которого входит обязанность по принятию юридических законов, действующих в структуре внутреннего права государств, и при этом институт права относится к сфере исключительной юрисдикции государства, в результате чего можно отметить, что в качестве единственно верного метода для создания норм, отличающихся своей унификацией, выступает процесс, при котором государства наладят взаимоотношения на основе тесного сотрудничества, и соответственно в рамках рассматриваемой ситуации можно говорить о партнерстве и сотрудничестве в ЕАЭС.

Процесс экономической интеграции политически независимых государств требует разработки комплекса единых правил, которые будут регулировать взаимоотношения между государствами, и это предполагает проведение процесса унификации и кодификации действующего в этом государстве законодательства.

Здесь нужно подробнее остановиться на вопросах исторического становления развития и функционирования Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС). Органы ЕАЭС в процессе своего функционирования продемонстрировали высокий уровень эффективности, в частности высоких результатов смогли достичь законодательные органы сообщества, которые за непродолжительный период унифицировали и кодифицировали комплекс правовых норм, направленных на регулирование взаимоотношений в рамках сообщества. Более того, были созданы условия для достижения максимально высокого уровня интеграции — Евразийский союз [1 с. 93].

Следует также обратить внимание на тот факт, что 19 декабря 2012 г. в Москве прошло заседание ЕАЭС, в рамках которого бело-

русскому, казахстанскому и российскому правительствам совместно с ЕЭК поручили провести процесс кодификации международных договоров, выступающих в качестве договорно-правовой фундаментальной основы ТС и ЕЭП. Кроме того, было дано еще одно поручение, связанное с подготовкой к 1 мая 2014 г. проекта Договора о Евразийском экономическом союзе (Договор о ЕАЭС).

В рамках реализации процесса, связанного с образованием единой таможенной территории Таможенного союза, возникла острая необходимость во введении единого регламента, регулирующего порядок осуществления внешнеторговой деятельности. Кроме того, потребовалось унифицировать действующие таможенные процедуры и правила таможенного контроля, а также согласовать таможенную тарифную политику между странами — участницами ТС.

Декларация о евразийской экономической интеграции содержала положение, в котором определялась необходимость реализации заключительной стадии формирования единого экономического пространства, что предполагало осуществление кодификации действующих международных договоров, выступающих в качестве нормативно-правового фундамента, регулирующего деятельность Таможенного союза и единого экономического пространства. В качестве основной деятельности, направленной на кодификацию, выступил Договор о ЕАЭС.

Положения обозначенного договора говорят о том, что кодификация должна быть реализована в рамках двухуровневой системы. В качестве первого уровня выступает внутриотраслевая кодификация, в структурном составе которой содержится комплекс норм, направленных на регулирование отдельных направлений и отраслей экономической интеграции:

- 1) процессы таможенного регулирования;
- 2) процесс регулирования внешнеторговой политики;
- 3) процессы технического регулирования;
- 4) перечень санитарных и иных мер;
- 5) регулирование процесса защиты прав потребителей;
- 6) регулирование порядка ведения макроэкономической политики;
- 7) процесс регулирования валютной политики и т. д.

Второй уровень — процесс межотраслевой кодификации, что предполагает осуществление этой деятельности во всех отраслях, касающихся процесса интеграции.

На сегодняшний день в общей теории права ученых интересует вопрос, касающийся проведения детального анализа сложноструктурированной многокатегорийной кодификации Договора о ЕАЭС. Особое значение в данном случае имеет приоритетный вопрос, касающийся того, как в структуре сложнейшей кодификации реализуется

ся процесс систематизации компонентов, формирующих структуру нижнего уровня. Решение этого вопроса составляет гипотеза, согласно которой в силу наличия сложно структурированной двухуровневой системы межотраслевой кодификации процесс систематизации нижнего уровня может быть реализован путем эффективного сочетания в рамках каждого уровня разнообразных форм проведения этого процесса. В качестве примера можно указать на кодификацию «консолидация—кодификация». Кроме того, может быть проведена кодификация «кодификация—кодификация» [4]. Следует также обратить особое внимание на тот факт, что в силу межотраслевой природы рассматриваемого процесса в отношении разных отраслей, находящихся в структуре процесса кодификации, могут использоваться разнообразные формы. Здесь особое значение на первом структурном уровне имеет сочетание разнообразных форм, в результате чего кодификация в целом будет выступать в качестве системы «(консолидация и кодификация) — кодификация».

Отсюда можно заключить, что в ходе проведения исследования было установлено значение кодификации и унификации законодательства в Евразийском экономическом союзе. Кроме того, был установлен перечень этапов осуществления кодификации, а также ряд наиболее существенных проблем, появляющихся в процессе их использования на сложном уровне.

Следует акцентировать внимание на том, что в качестве одного из приоритетных векторных направлений в процессе кодификации законодательства Евразийского экономического Союза выступает процесс принятия Таможенного кодекса.

В 2017 г. был проведен «круглый стол» на тему «О Таможенном кодексе Евразийского экономического союза». Мероприятие посетило множество участников, в частности депутаты, делегаты от различных министерств и государственных ведомств, представители научных учреждений и профессиональных объединений.

В качестве отличительной черты «круглого стола» можно указать на слова, которые озвучила Татьяна Валова — министр-член Коллегии Евразийской экономической комиссии. Валова отметила, что после принятия Таможенного кодекса следует ожидать высоких результатов [5, абз.7]. Кроме того, министр акцентировала внимание на том, что основная масса международных договоров в настоящее время интегрирована в структуру единого документа, тем самым удалось разработать понятную систему регулирования Таможенных взаимоотношений.

Библиографический список

[1] *Бардина М. П.* Новый этап в правовом регулировании торгово-экономических отношений ЕЭС со странами Восточной Европы

и СССР // Советский журнал международного права. — 1991. — № 2. — 93–110 с.

[2] *Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В.* Проблемы кодификации российского законодательства по международному частному праву // Адвокат. — 2008. — № 1. — 72 с.

[3] *Иванников И. А.* Толковый словарь по теории права. — Ростов н/Д.: Феникс, 2006. — 37 с.

[4] *Пчелкин А. В.* Кодификация норм о техническом регулировании в рамках Договора о Евразийском экономическом союзе // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегородск. акад. МВД России. — 2014. — № 3(27). — С. 145–150.

[5] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза об-сужден на «круглом столе» в Госдуме [Электронный ресурс] // Государственная Дума : сайт. — URL: <http://duma.gov.ru/news/14423/> (дата обращения: 01.03.2019).

УДК 341

*Барашева Дарья Тарасовна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Деятельность организации «Врачи без границ»

Со второй половины XX в. отмечается постоянное повышение роли международных организаций, которые оказывают влияние на решение важнейших проблем человечества. А. С. Гулсарян указывает, что «международные организации со времен Второй мировой войны стали появляться чаще государств и в настоящее время превосходят последних по количеству» [2, с. 11].

«Врачи без границ» (международное название Médecins Sans Frontières; MSF) — негосударственная международная ассоциация, состоящая преимущественно из врачей и работников здравоохранения, а также представителей других профессий, которые могут способствовать достижению целей данной организации.

На протяжении более чем 40 лет организация «Врачи без границ» активно действует и помогает людям в самых отдаленных и опасных уголках планеты. Однако многие до сих пор не знают, что она собой представляет, чем занимается, когда появилась, а зачастую даже не

подозревают о ее существовании. Статья призвана дать ответы на эти и многие другие вопросы, касающиеся MSF.

Начало работы организации «Врачи без границ» началось 20 декабря 1971 г. в Париже. Цель деятельности этой неправительственной и некоммерческой группы профессиональных врачей-волонтеров, состоявшей на тот момент всего из 300 человек, изначально состояла в оказании медицинской и гуманитарной помощи жертвам вооруженных конфликтов на территории Нигерии в Биафре, продолжавшихся с 1967-го по 1970 г. Именно благодаря героической деятельности врачей из MSF в разрушенных городах были спасены тысячи людей, не имевших возможности даже рассчитывать на медицинское обслуживание [3, с. 157].

Организация собирала деньги исключительно от меценатов и по окончании работы в Нигерии быстро нашла множество других опасных точек на планете, где требовалась их помощь. Сотрудники MSF работали в зонах возникновения глобальных природных катаклизмов, разнообразных военных конфликтов, техногенных катастроф, политических репрессий, гражданских волнений и т. д.

Специалисты MSF уделяют внимание всем аспектам возникающих проблем, потому одновременно с физической помощью организуют группы психологической поддержки для людей, переживших катастрофы. В то же время непрофильные сотрудники организации помогают в восстановлении разрушенных домов, создают временные приюты, а состоящие в организации журналисты освещают события по всему миру.

Хартия и принципы деятельности организации «Врачи без границ» представлены на ее официальном сайте. Основные принципы отражены в девизе организации: «Наша помощь независима, нейтральна и беспристрастна».

Двери организации всегда открыты для новых членов, будь то профессиональные врачи или же представители других профессий, способные помочь развитию миссии «Врачей без границ». Все вступившие автоматически соглашаются с несколькими основными правилами организации, среди которых:

- 1) помогать всем нуждающимся людям вне зависимости от их расы, пола, религиозной и политической принадлежности;
- 2) осознавать все возможные угрозы, с которыми волонтерам предстоит столкнуться в самых горячих точках планеты;
- 3) не рассчитывать на финансовую помощь или заработок сверх того, который может предоставить организация, пользуясь своими внутренними активами;
- 4) во всех действиях соблюдать моральные и этические нормы, не допускать влияния на работу политических или социальных сил;
- 5) проводить вакцинацию населения;

б) оказывать помощь тем, кто не может претендовать на нее в тех или иных обстоятельствах (это особенно актуально в США в связи со сложной системой страхования).

С момента своего создания члены организации «Врачи без границ» оказывали помощь тем, кто оказался в зонах практически всех крупных военных и политических конфликтов, а также на местах возникновения природных и техногенных катастроф. Таких результатов им удалось добиться благодаря постоянно расширяющемуся штату сотрудников и растущему числу меценатов, готовых выделять немалые средства для развития движения MSF.

MSF никогда не афиширует своего присутствия, и широкая общественность даже не догадывается о многих ее программах и инициативах. Тем не менее за годы своего существования организация «Врачи без границ» неоднократно удостоивалась различных наград, среди которых премия Нансена за помощь беженцам в 1993 г. и Нобелевская премия мира в 1999-м [4, с. 125].

На данный момент организация имеет 23 крупных объединения по всему миру, действия которых координируются из штаб-квартиры, располагающейся в Швейцарии. Стоит также отметить, что почти 80% получаемых средств поступают от меценатов, число которых превышает 2 млн человек.

Деятельность организации важна и в мирное время. Как показывает практика, представители «Врачей без границ» постоянно работают в различных проблемных регионах, таких, например, как Южная Африка, где медицинские специалисты из MSF упорно сражаются с болезнями, уже давно побежденными в развитых странах.

MSF присутствует во множестве стран и осуществляет программы, которыми не может заниматься местная медицинская система из-за нехватки ресурсов и возможностей. Среди их общих инициатив можно назвать следующие:

- 1) оказание медицинской помощи терпящим бедствие заключенным;
- 2) гуманитарная помощь бездомным, создание приютов;
- 3) работа с беженцами;
- 4) лечение СПИД и ВИЧ самыми современными медицинскими средствами;
- 5) организация поставок разнообразных медикаментов от крупных фармацевтических компаний;
- 6) получение патентов на создание лекарств от различных болезней, таких как гепатит С и др.
- 7) борьба с наркотической зависимостью среди молодых людей.

Еще одним важным направлением работы «Врачей без границ» является так называемое «публичное высказывание». Периодически организация рассказывает миру о разнообразных забытых конфликтах, случаях проявления жестокости и других событиях, которым не

уделяет внимания мировая пресса. Таким образом MSF стремится привлечь как можно больше людей к решению этих проблем.

В международно-правовой литературе справедливо подчеркивается, что международные организации прочно вошли в структуру системы межгосударственных отношений в качестве важного ее элемента, без которого само функционирование всей системы практически невозможно [1, с. 4].

На данный момент «Врачи без границ» является одной из самых могущественных и одновременно независимых гуманитарных организаций, способной осуществить оперативную помощь людям в любой точке земного шара. Организация постоянно расширяет свои возможности и активно развивается благодаря работе тысяч талантливых и смелых врачей по всему миру.

Библиографический список

[1] *Блищенко И. П.* Введение // Право международных организаций / под ред. И. П. Блищенко, А. Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2013. — 597 с.

[2] *Гуласарян А. С.* Международно-правовая имплементация норм об ответственности международных организаций: моногр. / под ред. К. А. Бекашева. — М.: Статут, 2015. — 224 с.

[3] *Гуторова А. Н.* Международные неправительственные организации: понятие, виды и роль в современном мире // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. — 2017. — № 4 (73). — С. 154–164.

[4] *Рукина В. М.* Опыт участия международных неправительственных организаций в развитии здравоохранения в Мексике // Научн. тр. Северо-Западного института управления. — 2018. — Т. 9. — № 2 (34). — С. 121–128.

УДК 341

*Морозова Анна Павловна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Терроризм в глобальном медиапространстве

Контртеррористические стратегии были приняты как на многостороннем (ЕС, 2005), так и на международном (ООН, 2006) уровнях.

© Морозова А. П., 2019

В 2016 г. ООН запустила план действий по предотвращению насильственного экстремизма (далее: ПНЭ) и призвала государства-членов разработать национальные и региональные планы действий по ПНЭ. Эти положения сопровождаются правовыми механизмами, призванными запретить подстрекательство к терроризму, криминализацию финансирования терроризма и судебное преследование иностранных боевиков-террористов [5].

Однако роль «устарелых» СМИ в борьбе с терроризмом (печатные СМИ, кино, радио и телевидение) не была в достаточной мере рассмотрена в комплексе мер по борьбе с терроризмом. Основное внимание уделено новым медиа (Интернет, социальные сети, мобильные приложения, компьютерные игры и т. д.). Посредством анализа этих элементов было обнаружено, что социальные медиа-компании играют большую роль в борьбе с терроризмом. Из этого следует, что существует симбиоз между терроризмом и СМИ. Ниже освещаются три аспекта симбиоза терроризма и средств массовой информации:

- 1) средства массовой информации играют роль канала террористической пропаганды, снабжая террористов «кислородом гласности»;
- 2) излишнее освещение терроризма в СМИ создает искаженное понимание террористической угрозы;
- 3) правовая сторона вопроса.

Однако проблема не в том, почему СМИ освещают терроризм, а в том, как СМИ освещают терроризм [4, с. 735–739].

СМИ — это общий термин, отражающий разнообразие каналов информации и развлечений, который охватывает телевидение, газеты, радио, Интернет, социальные сети и другие формы коммуникации (кино, литература, театр, музыка, изобразительное искусство). СМИ выполняет несколько критически важных функций для общества: информирует, изучает, следит, развлекает, и выступает в качестве общественного форума.

Важно отметить, что средства массовой информации не создают террористические организации и не поощряют терроризм. Главное различие, состоит в том, что, как только терроризм получает движение, отношения между терроризмом и СМИ становятся симбиотическими. В социологии термин «симбиоз» понимается как «отношения взаимной зависимости между различными группами внутри сообщества, когда группы непохожи друг на друга и их отношения дополняют друг друга». «Симбиотика» объясняет, как эти поразительно разные акторы становятся взаимосвязанными в отношениях, зависящих от конвергенции интересов: ненасытное стремление средств массовой информации поставлять новостной контент одновременно отражается стратегической необходимостью террористических движений в «кислороде гласности» [5].

Несмотря на наличие более 109 определений терроризма, крайне важно подчеркнуть концепцию терроризма, в которой политическое насилие рассматривается как тактика убеждения и психологического принуждения. В то время как военные действия пытаются подорвать способность противника к ответным действиям, чтобы одержать победу, терроризм наносит удары с позиции слабости — с асимметричной отправной точки и поэтому нацелен на что-то другое: театр и зрелище. Терроризм, как известно, называют «пропагандой действий», служащей примером для других, вдохновляющей на насильственные действия.

СМИ как платформа для общения террористов

Коммуникация концептуализируется как каждый акт передачи информации. Информация здесь понимается широко: мысли, действия, идеи и эмоции. Терроризм — это коммуникативный акт в том смысле, что он направлен на то, чтобы послать сигнал многочисленным аудиториям: правительству, населению, членам террористических организаций, потенциальным новобранцам.

СМИ предоставляют террористическим движениям платформу для трансляции и распространения их идей среди мировой аудитории. Без этой платформы послания террористических движений не достигали бы своих целей и поэтому оставались неизвестными большому числу людей за пределами границ нападения.

В конкурентной и переполненной области «экономики внимания» все больше и больше акторов борются за внимание людей. В этом контексте внимание рассматривается как экономическая проблема, поскольку является скудным ресурсом: когда информации слишком много, внимание рассеивается. Как и в случае любой экономической проблемы, конкуренция возрастает, когда ресурсов становится все меньше. Нейман и Смит писали о «ловушке эскалации», в которой утверждается, что психологическое воздействие терроризма в конечном счете становится саморазрушительным. Тем не менее «экономика внимания» предполагает, что эскалация может продолжаться, если целью является максимизация все более дефицитного ресурса внимания [2]. Именно эта борьба за внимание аудитории делает более уместным восприятие террористов как театральных продюсеров, а не как армейских генералов [1].

Террористы также готовят своего рода «наглядные пособия» для средств массовой информации: видеозаписи действий, интервью и заявления, а также пресс-релизы. Террористические организации, такие как ДАИШ, используют Twitter для «пропаганды основных принципов джихада, которые переводятся в символические образы для поколения пользователей социальных сетей, которые предпочитают изображения тексту». ДАИШ использует силу образов, чтобы вызвать

психологический страх у своих врагов и продемонстрировать авторитет «выдающегося революционного движения» в мире. Их склонность к демонстрации актов устрашения ярко иллюстрируют записи видео с обезглавливанием. Если раньше эти ролики снимались в темных комнатах и производились в низком разрешении, то теперь съемка происходит на открытом воздухе и в высоком качестве.

Излишнее освещение терроризма в средствах массовой информации стран Запада можно сравнить с недостаточным вниманием к терроризму в других частях мира, где терроризм наиболее активен. В действительности 75% терактов происходят в пяти странах: Нигерии, Сирии, Афганистане, Пакистане и Ираке, но даже эти цифры обманчивы. В остальном мире за пределами западных стран терроризм рассматривается как явление войны, поэтому то, что раньше называлось «повстанческими действиями», «партизанскими войнами», «революциями» и гражданскими конфликтами, а теперь террористы используют в качестве тактики, часто классифицируется как «терроризм».

Таким образом, терроризм представляет собой угрозу безопасности в западных странах, с которой необходимо бороться. Но, как только терроризм проходит через конвейер политических махинаций и средств массовой информации, он превращается из чего-то управляемого в нечто совершенно иное: «экзистенциальное», глобальное и повсеместное [3]. СМИ также не должны содействовать террористам в получении какой-либо информации.

Информационная безопасность не может быть обеспечена лишь путем силовых действий правоохранительных органов. Свободная пресса — это мощный механизм, направленный на реализацию интересов гражданского общества. Уже в силу этого средства массовой информации должны выполнять функции интеграции и консолидации, т. е. должна быть выработана такая политика взаимодействия, которая отвечала бы запросам гражданского общества. СМИ сами должны осознать свои возможности и взять на себя обязательства как по объективному и беспристрастному информированию населения, так и по обеспечению информационной безопасности всего государства.

Библиографический список

[1] *Elshimi Mohammed*. Thinking about the Symbiotic Relationship between the Media and Terrorism [Электронный ресурс] // Policy center for the New South : сайт. — URL: <http://www.policycenter.ma/publications/thinking-about-symbiotic-relationship-between-media-and-terrorism> (дата обращения: 05.03.2019).

[2] *Fahmy Shahira S.* Media, Terrorism, and Society: Perspectives and Trends in the Digital Age [Электронный ресурс] // Mass Communication and Society. — 2017. — Т. 20, № 6. — URL: <https://www.tandfon>

line.com/doi/full/10.1080/15205436.2017.1382285 (дата обращения: 05.03.2019).

[3] *Michael H. Goldhaber*. The Attention Economy and the Net [Электронный ресурс] // First monday : сайт. — URL: <https://firstmonday.org/article/view/519/440> (дата обращения: 05.03.2019).

[3] *Newman Mark*. Web & Social Media: Introduction to Information SI 110: lecture / University of Michigan, Sept. 27 2016; Lorch Hall, Michigan // <https://what-exactly-is-the-attention-economy-bf5f3b3f8785> (дата обращения: 05.03.2019).

[4] *Paul Jean*. Terrorism and the media Net [Электронный ресурс] // UNESCO. Digital Library : сайт. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247074> (дата обращения: 05.03.2019).

УДК 341.6

*Курякова Анна Сергеевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Ограничения и перспективы развития судебной системы Евразийского экономического союза

На сегодняшний день Суд Евразийского экономического союза (далее: ЕАЭС) наряду с Высшим Евразийским экономическим советом, Межправительственным советом и Евразийской экономической комиссией (далее: ЕЭК) является одним из органов ЕАЭС. Суд ЕАЭС призван обеспечивать единообразное толкование и применение права ЕАЭС.

Указанный суд должен разрешать споры по обращениям хозяйствующих субъектов, а также по вопросам применения Договора о ЕАЭС. Суд ЕАЭС действует на основании Договора о ЕАЭС, Статута Суда ЕАЭС (приложение № 2 к Договору о ЕАЭС) и Регламента Суда ЕАЭС, создан вместо Суда Евразийского экономического сообщества (далее: ЕврАзЭС).

Стоит отметить, что в соответствии со статьей 3 Договора о прекращении деятельности ЕврАзЭС решения Суда ЕврАзЭС продолжают действовать в прежнем статусе.

Кроме того, Суд ЕАЭС по сравнению со своим предшественником имеет меньше полномочий: отсутствуют процедура обращения ЕЭК

в Суд ЕАЭС для определения исполнения государствами-членами ЕАЭС права организации и преюдициальный запрос.

Если обратиться к времени функционирования Суда ЕврАзЭС, то в отношении его фундаментальных задач высказывался К. Л. Чайка, по мнению которого, регулирование правовых позиций, находящих свое отражение в нормативно-правовой базе Таможенного союза, и есть основная задача Суда [5].

По обращениям хозяйствующих субъектов за 2012–2014 гг. было рассмотрено порядка 15 дел о защите их прав и законных интересов в связи с применением норм права Таможенного союза. Решения Суда ЕврАзЭС были направлены на реализацию правотворческой функции, нацеленной на регламентацию и совершенствование нормативно-правовой базы Таможенного союза.

В отношении Суда ЕврАзЭС А. С. Исполиновым было высказано мнение, что его решения не могут быть общеобязательными, поскольку их общеобязательность не следует из учредительных документов Суда ЕврАзЭС [3]. Критика появилась после того, как Суд ЕврАзЭС в постановлении о разъяснении решения по делу ОАО «Угольная компания «Южный Кузбасс»» против ЕЭК высказал правовую позицию, аналогичную по своей сути правовой позиции Суда ЕС, которая заключается в следующем: в случае признания акта недействительным данный акт недействителен для всех. Кроме того, мнение Суда ЕврАзЭС о наличии последствий его правовых позиций для неопределенного круга лиц было воспринято и в российских судах [2]. Так, Верховный Суд РФ в своем определении от 1 декабря 2014 г. по делу № А74-4790/2013 по иску ООО «Хакасский алюминиевый завод» к Хакасской таможне ссылается на практику Суда ЕврАзЭС, а Высший Арбитражный Суд РФ издал постановление Пленума от 8 ноября 2013 г. № 79 «О некоторых вопросах применения таможенного законодательства», в котором указано, что «судам следует руководствоваться толкованием» Суда ЕврАзЭС. Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время благодаря Суду ЕврАзЭС Суд ЕАЭС имеет важный признак наднациональности: его решения являются общеобязательными.

Нововведением стало то, что в компетенцию суда ЕАЭС входят споры, возникающие по вопросам реализации права ЕАЭС. К ведению ЕврАзЭС, например, относились дела, связанные с международными экономическими спорами. Такая формулировка являлась ограничением компетенции Суда ЕврАзЭС в связи с тем, что в интеграционном объединении многие экономические споры могут быть переплетены с социальными, трудовыми, экологическими и иными вопросами.

К числу ограничений компетенции Суда ЕАЭС можно отнести невозможность взыскания судебных расходов с проигравшей стороны. Данное обстоятельство можно оценить критически с той точки

зрения, что при производстве по делам об оспаривании мер защиты внутреннего рынка на хозяйствующих субъектов ложится бремя расходов по оплате экспертов специализированной группы. Например, при рассмотрении дела № СЕ-1-2/4-16-КС по заявлению ПАО «АрселорМиталл Кривой Рог» расходы на оплату экспертов специализированных групп составили 2 255 000,00 руб. Представляется, что хозяйствующий субъект поставлен в худшее положение в наднациональном порядке, чем при рассмотрении дел в национальных судах, где взыскание судебных расходов с проигравшей стороны презюмировано.

К еще одному ограничению компетенции Суда ЕАЭС следует отнести отсутствие у него возможности давать заключения о применении Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС и решений ЕЭК с использованием процедуры преюдициального запроса. По поводу указанного ограничения можно согласиться с мнением А. С. Исполинова, который считает, что это «может стать серьезным препятствием на пути формирования правопорядка ЕАЭС, сужает поле деятельности Суда, не способствует росту его авторитета и легитимности ни у национальных судов, ни у потенциальных заявителей» [4].

Еще одним ярким отличием является отсутствие у органов ЕАЭС права начинать судопроизводство. Например, ранее ЕЭК было предоставлено право обратиться в Суд ЕврАзЭС с иском о неисполнении государством-членом норм права Таможенного союза, теперь же она этого права лишена. Единственным на сегодняшний день способом компенсировать отсутствие соответствующего полномочия является использование консультативного заключения — постановка ЕЭК вопроса о толковании нормы права Союза в контексте проверки правильности ее применения государствами-членами.

К одной из проблем, с которыми сталкивается Суд ЕАЭС, относится приоритет национального права над правом ЕАЭС в случае конфликта между ними. Например, приоритет нормы права ЕАЭС поставлен в зависимость от условий, установленных конституциями России и Казахстана — следовательно, он не является абсолютным на всей территории ЕАЭС. Вместе с тем в случае правовой неопределенности или проявления дуализма правового регулирования Суд ЕАЭС и высшие судебные инстанции государств — членов ЕАЭС способны дополнять друг друга, действуя комплементарно и таким образом совершенствуя правовое поле ЕАЭС.

Кроме того, следует отметить, что отсутствие возможности обжалования актов органов ЕАЭС физическими лицами также является проблемой, поскольку решения ЕЭК могут влиять непосредственно на права и законные интересы физических лиц. Однако физические лица, чьи права нарушены такими актами, защитить свои права таким образом не имеют возможности в связи с тем, что это не предусмотрено

но национальным законодательством и не вытекает из сути Статута Суда ЕАЭС. Ученые считают, что такие акты можно обжаловать как акты национального органа через концепцию присвоения действия или атрибуции [1].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что закрепленные в Статуте Суда ЕАЭС положения во многом представляют шаг назад от достигнутого прогресса в рамках Суда ЕврАзЭС. Следует принять меры по усовершенствованию судебной системы ЕАЭС. В частности, необходимо установить продуктивное сотрудничество с ЕЭК, поскольку именно она является единственным органом, незыблемо отстаивающим интересы ЕАЭС.

Также стоит предоставить Суду ЕАЭС полномочия по вынесению преюдициальных решений, как это было в Суде ЕврАзЭС, поскольку это эффективный инструмент для целей обеспечения единообразного толкования и применения права ЕАЭС.

Однако стоит отметить, что Суд ЕАЭС имеет ряд преимуществ, в числе которых достаточно твердый правовой фундамент. Также можно обратить внимание на то, что через принятие решений по делам об оспаривании действий (бездействия) и особые мнения судей Судом ЕАЭС создаются обязательные для участников экономического оборота правила поведения, которые формируют право наднационального союза.

Библиографический список

[1] *Дьяченко Е. Б., Мысливский П. П., Нешатаева Т. Н.* Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т. Н. Нешатаевой. — М.: Статут, 2015. — 304 с.

[2] *Иксанов И. С.* Роль Суда Евразийского экономического союза в разрешении экономических споров и построении союзного государства // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 11. — С. 57–61.

[3] *Исполинов А. С.* Решение Большой коллегии Суда ЕврАзЭС по делу Южного Кузбасса: насколько оправдан судейский активизм? // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 5. — С. 19–26.

[4] *Исполинов А. С.* Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств — членов Евразийского экономического союза // Право. — 2016. — № 4. — С. 152–166.

[5] *Чайка К. Л.* Роль Суда Евразийского экономического сообщества в совершенствовании таможенного законодательства Таможенного союза // Перспективы совершенствования таможенного законодательства Таможенного союза (международный и региональный опыт) и технологические аспекты реализации механизма «единого окна»: сб. мат. междунар. научн.-практ. конф. — М.: Известия, 2014. — 39 с.

О некоторых теоретических правовых основах миграции

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 27) «каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию». Эти конституционные нормы закладывают основу решения комплекса правовых вопросов, возникающих в сфере формирования и реализации современной миграционной политики в условиях глобализации. Фактически речь идет о регламентации на международном и национальном уровнях трансграничных перемещений физических лиц, происходящих по самым различным основаниям и принимающих разнообразных формы. В связи с этим возникает необходимость теоретико-правового осмысления миграционных процессов, их классификации, выделения их правовых форм и конституционно определенных административных режимов.

Особое внимание к процессам миграции населения во всем мире нарастает в связи с масштабами последствий геополитических процессов, которые непосредственно администрируются в каждом государстве уполномоченными органами исполнительной власти. Во взаимосвязи с политическими, экономическими и иными процессами при решении «жизненных ситуаций» действует административно-правовой режим миграции. Элементами этого правового режима являются правовые понятия (дефиниции), принципы, субъекты правоотношений, юридические процедуры. Указанные элементы подлежат четкой правовой идентификации и уточнению в целях успешной реализации государственной миграционной политики.

В научных исследованиях встречаются различные подходы к определению понятия «миграционный процесс», которое взаимосвязано с понятиями «миграция населения», «внешняя миграция», «миграционный результат», «миграционная мобильность», «переселение» и другими, которые так или иначе проникают в современные административные правовые акты.

Так, например в «Демографическом многоязыковом словаре», изданном в 1958 г. ООН, подчеркивается, что «миграции представляют собой один из наиболее важных аспектов подвижности населения в демографическом плане» [3, с. 231]. Однако следует подчеркнуть, что

демографический аспект является хоть и значимым, но не решающим фактором формирования миграционной политики. Здесь на передний план выходит аспект правового воздействия на экономику посредством регулирования трудовой миграции, привлечения иностранной рабочей силы и «человеческого капитала».

Согласно классификации Л. Л. Рыбаковского, все определения миграции можно разделить на четыре группы. В основу его классификации положен сущностный момент. К первой группе отнесены определения, в которых «интегрируются» два таких различных явления, как «миграционный процесс» и «миграционный результат». Вторая группа определений миграции объединяет понятия «перемещение» и «мобильность» либо считает миграцию формой миграционной мобильности. Следует подчеркнуть, что понятие мобильности имеет значительное познавательное значение для конституционного и административного регулирования. С конституционной точки зрения обнаруживается определенный пробел в части установления обязанности государства принимать тех, кто по тем или иным причинам решил «мобильно» избрать местом своего жительства и деятельности данное государство (например, решение гражданина Сирии в отношении Германии как принимающего государства). С административной точки зрения обнаруживается система административных правил, которые дифференцируют в конкретном государстве въезд, сроки и режимы пребывания мигрантов различных категорий, вплоть до противодействия незаконному проникновению мигрантов на территорию государства. В третьей группе определений миграции допускается смешение различных видов движения населения. Адепты этой группы не связывают миграцию населения с обязательным перемещением человека в пространстве и полагают, что любая траектория человека в социальной среде независимо от положения в географическом (физическом) пространстве считается миграцией. Нельзя не согласиться с тем, что в современной информационной среде, в условиях цифровой экономики возникает новое понимание миграции. Исследователи из наиболее многочисленной четвертой группы в качестве главного признака вкладывают в содержание понятия «миграция» пространственную составляющую, подразумевая под этим только территориальные перемещения людей [2, с. 18].

В настоящее время миграцию определяют как «мобильность или как продвижение, она же движение, перемещение, переселение, перераспределение» [5, с. 9].

Наиболее объективным определением миграции населения представляется следующее: «...это любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на

территории для осуществления учебы или трудовой деятельности независимо от того, под преобладающим воздействием каких факторов оно происходит — притягивающих или выталкивающих» [1, с. 10]. Определение позволяет системно характеризовать явление миграции в административно-правовой среде.

В свою очередь, внешняя миграция связана с пересечением государственной границы и включает в себя эмиграцию и иммиграцию.

Под эмиграцией стоит понимать выезд из своей страны в другую страну на постоянной или временной основе, связанный с экономическими, политическими или личными обстоятельствами. А под иммиграцией стоит понимать въезд граждан одного государства для постоянного или временного пребывания на территории другого государства. Оба процесса, как было указано выше, должны иметь конституционное обоснование и административно-правовую регламентацию в любой стране.

Представляется интересной следующая формулировка: «Миграционный процесс — зафиксированная в пространстве и времени серия миграционных событий — с формальной стороны, а также совокупность собственно переселений — со стороны содержательной». Такая точка зрения основана на понимании самой сути категории «процесс», определяемой как «закономерное, последовательное изменение явления, его переход в другое явление» [4, с. 56]. Однако в данном административно-правовом исследовании акцент делается на формировании и совершенствовании административно-правовых режимов внешней миграции, реализующих миграционную политику России с учетом мирового опыта.

Библиографический список

[1] *Воробьева О. Д.* Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. — 2003. — № 9 (202). — С. 9–23.

[2] *Народонаселение: энцикл. словарь / гл. ред. Г. Г. Мелькьян.* — М.: Больш. рос. энцикл., 1994. — 640 с.

[3] *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения (вопросы теории): моногр. — М.: ИСПИ РАН, 2003. — 239 с.

[4] *Соловьева Е. А., Иванченко Д. Ю.* Понятие и сущность миграционного процесса [Электронный ресурс] // Пятигорский государственный университет: сайт. — Пятигорск. — 2019. — URL: <http://www.pglu.ru/upload/iblock/12a/10.pdf> (дата обращения: 11.02.2019)

[5] *Юрин А. В.* Миграционные процессы в странах ЕС и пути их регулирования: автореф. дис. <...> канд. экон. наук. — М.: ИСПИ РАН, 2011. — 26 с.

*Федченко Анастасия Александровна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Правовые механизмы предупреждения коррупции на государственной службе

Борьба с коррупцией и коррупционными правонарушениями выступает в качестве одного из важнейших направлений государственной политики Российской Федерации. Неоспоримо, что значительный объем коррупционных проявлений среди государственных служащих способствует дискредитации имиджа государственного служащего в частности и государства в целом, а также снижает эффективность выполнения государственных функций [1].

Если обратиться к уже имеющемуся опыту борьбы с коррупцией, нужно обратить внимание на то, что коррупционные проявления особенно часты в таких сферах деятельности, где недостаточно урегулирован статус соответствующего органа власти, а также порядок его взаимодействия с другими государственными органами и гражданами. Недостаточность правового регулирования деятельности отдельных органов порождает высокий уровень коррупциогенности, поэтому разработка правовых механизмов борьбы с коррупцией приобретает особую значимость. В то же время при осуществлении противодействия коррупции важно не столько наказывать за совершение коррупционных правонарушений, сколько принимать меры для их профилактики с целью свести проявления коррупции к минимуму. Это положение закреплено законодательно, поскольку федеральный закон «О противодействии коррупции» рассматривает меры по предупреждению коррупции в качестве приоритетных.

Базисом для борьбы с коррупцией должно стать становление активного гражданского общества в Российской Федерации. Необходимо развивать общественный антикоррупционный контроль над деятельностью государственных служащих. Это будет способствовать и превенции совершения коррупционных правонарушений самими членами гражданского общества [2].

Для осуществления общественного контроля над деятельностью государственных служащих необходимо дополнить федеральный закон «О противодействии коррупции» статьей, устанавливающей периодичный (раз в полгода) официальный опрос граждан Российской Федерации о коррумпированности государственных служащих в конкретном государственном органе (учреждении). Такой опрос целесообразно проводить с использованием средств портала госу-

дарственных услуг Российской Федерации. Необходимо разработать методику проведения официального опроса, чтобы выявлять не только уровень коррумпированности государственных служащих, но и эффективность различного рода профилактических антикоррупционных мер. Методика должна основываться на принципах гласности и прозрачности процедуры выявления и анализа общественного мнения, а также проверяемости результатов и быть утвержденной указом Президента РФ. Данные опроса должны быть проанализированы независимыми от государственных органов экспертами, например экспертами Всероссийского центра изучения общественного мнения.

Еще одним механизмом предупреждения коррупции на государственной службе может стать административная ответственность за непринятие мер по предупреждению конфликта интересов на государственной службе. В развитие ст. 11 федерального закона «О противодействии коррупции» необходимо установить административную ответственность за непредставление в соответствующую комиссию сведений о лицах, с которыми может быть связана личная заинтересованность, способная повлечь конфликт интересов, а также предоставление неполных или не соответствующих действительности сведений при условии возникновения конфликта интересов. В качестве меры административной ответственности за данное правонарушение следует установить дисквалификацию должностного лица на срок до трех лет [3].

Для объективного вынесения постановления по данному правонарушению возбуждение производства по этому составу целесообразно отнести к компетенции прокурора, а рассмотрение данного дела — к компетенции судей.

В совокупности предлагаемые меры профилактики коррупционных правонарушений помогут уменьшить негативные последствия коррупции на государственной службе, а также создать механизм регулирования конфликта интересов, который лежит в основе любого коррупционного правонарушения.

Библиографический список

[1] *Братановский С. Н., Зеленев М. Ф.* Необходимость системного подхода к противодействию коррупции на государственной и муниципальной службе // Государство и право. — 2017. — № 1. — С. 103–108.

[2] *Завалин Д. В.* Опыт противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе развитых зарубежных стран // Крымский академический вестник. — 2017. — № 1. — С. 63–66.

[3] *Ильяков А. Д.* Правовые основы урегулирования конфликта интересов лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — № 3. — <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-uregulirovaniya-konflikta-interesov-lits-zanimayuschih-gosudarstvennye-dolzhnosti-rossiyskoy-federatsii>.

УДК 342.9

*Шушкова Ольга Антоновна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Королевстве Швеция

Родиной института уполномоченного по правам человека (омбудсмена) считается Швеция, датой его учреждения считается 1809 г. В отличие от Швеции, где институт омбудсмена появился еще в начале XIX в., в большинстве стран мира подобный институт сформировался значительно позже — во второй половине XX в. Российская Федерация не стала в этом исключением.

В 1993 г. была принята новая Конституция, в ст. 103 которой закрепляется наличие у Государственной Думы полномочий по назначению и освобождению от должности уполномоченного по правам человека. Также устанавливается, что деятельность уполномоченного по правам человека должна подробно регламентироваться специальным федеральным конституционным законом. 25 декабря 1996 г. Государственной Думой был принят федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», который вступил в законную силу в конце февраля 1997 г.

Проанализировав нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Королевстве Швеция: федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и Инструкцию для парламентского омбудсмена Швеции, утвержденную актом Риксдага от 13 ноября 1986 г., можно сделать вывод, что некоторые аспекты деятельности данных должностных лиц идентичны, хотя имеются и отличительные особенности.

Процедура назначения (смещения) уполномоченного по правам человека в Швеции и Российской Федерации имеет много общего. Право назначения данного должностного лица в Швеции принадлежит Риксдагу, в России — Государственной Думе (палатам, избираемым непосредственно населением).

Некоторые отличия можно найти в порядке избрания данного должностного лица. Во избежание партийной пристрастности в Швеции кандидатуру уполномоченного по правам человека предлагает специально созданная комиссия. В Российской Федерации принцип партийной беспристрастности также соблюден, однако другим способом: наличием нескольких субъектов, имеющих право предложить данную кандидатуру.

В связи с существованием четырех парламентских омбудсменов на одной должности структура службы уполномоченного по правам человека в Швеции имеет особенности. Каждый из них имеет свою сферу контроля. Так, зона ответственности первого из них включает судебную систему, правоохранительные органы, сферу планирования и строительства, вопросы налогов и т. д. Второй омбудсмен отвечает за вопросы, связанные с системой исправительных учреждений, вооруженных сил, здравоохранения. Третий контролирует сферу социальных услуг, страхования, рынка труда. Четвертый занимается вопросами полиции, прокуратуры, миграции.

В Российской Федерации на данной должности находится одно должностное лицо, хотя разграничение «зон компетенции» отчасти тоже присутствует: одни сферы контролируются непосредственно уполномоченным по правам человека, другие — его заместителями, под контроль которых попадают однородные отношения.

Шведский омбудсмен имеет более широкую компетенцию. Если вопрос контроля Церкви, которая в Швеции является государственной (Российская Федерация является светским государством), не стоит, то есть некоторые сферы, которые нашим уполномоченным по правам человека не затронуты, например суды.

Уникально и необычно, что шведский уполномоченный по правам человека имеет неограниченный доступ к любым протоколам и документам, что не характерно для многих других государств (США, Великобритания), в том числе и для Российской Федерации. Шведский уполномоченный по правам человека вправе возбудить дисциплинарное производство в отношении лиц, не соблюдающих его требования [1, с. 50].

В российском законодательстве предусмотрено возбуждение дела по инициативе непосредственно омбудсмена только в случае грубого массового нарушения прав граждан либо в случаях, имеющих особое общественное значение или связанных с необходимостью защиты

интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты.

Еще одна характерная особенность шведского уполномоченного по правам человека заключается в возможности уголовного преследования высших должностных лиц, т. е. он имеет право подать в суд на должностное лицо.

В Российской Федерации предусмотрено обращение уполномоченного по правам человека в компетентные государственные органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного, административного производства или уголовного дела в отношении должностного лица, в решениях или действиях (бездействии) которого можно усмотреть нарушения прав и свобод граждан.

При анализе процедуры подачи жалобы (которая также по сути является аналогичной в обоих государствах) интерес представляет круг сфер, в которых чаще всего возникают проблемные ситуации. Опираясь на официальную статистику за 2017 г., можно выделить общие наиболее проблемные направления, одной из которых является уголовно-исполнительная система. Стоит отметить, что и в Швеции, и в Российской Федерации жалобы, связанные с этой проблемой, занимают около 10%. В числе лидирующих можно отметить проблемы труда, миграции, социального обеспечения, жилищной сферы, здравоохранения [2].

Популярность данного правозащитного института отражает официальная статистика: в Швеции к уполномоченному по правам человека обращается каждый тысячный гражданин, в Российской Федерации — приблизительно каждый пятидесятый. Очевидна меньшая популярность данного института в Российской Федерации, хотя стоит иметь в виду его относительную новизну для нашего государства.

Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации является новым и не полностью сформировавшимся. Шведский институт омбудсмена более упорядочен и активно используется гражданами. Некоторые моменты его организации (расширение компетенции, разделение компетенции между несколькими омбудсменами и др.) стоит позаимствовать.

Библиографический список

[1] *Бойцова В. В.* Служба защиты прав человека и гражданина: мировой опыт. М.: БЕК, 1996. — 408 с.

[2] Доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год [Электронный ресурс] // Уполномоченный по правам человека: сайт. — Санкт-Петербург. — 2019. — URL: http://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/lite2-doclad_20.04.18.pdf (дата обращения: 11.02.2019).

Международное право и арктическое судоходство

Несмотря на то, что конкретные правовые навигационные режимы в арктических водах остаются значительными, в последнее время повышенное внимание уделяется более широким вопросам, связанным с правовым регулированием судоходства во все более открытых водах Северного Ледовитого океана.

В этом отношении Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (КМП-82) создает основную правовую основу для всех видов деятельности, связанных с арктической морской областью, и это, безусловно, распространяется на морские перевозки. Существуют два основных компонента влияния КМП-82 на Арктику в этом отношении. Во-первых, КМП-82 обеспечивает основу для утверждения всего спектра современных морских зон, начиная с территориального моря (12 морских миль), смежных зон (24 морских миль), исключительных экономических зон (ИЭЗ; 200 морских миль) и континентального шельфа (минимум 200 морских миль с возможностью расширения до приблизительно 350 морских миль). Континентальный шельф за пределами 200 морских миль соответствует открытому морю, которое также существует за пределами ИЭЗ [1, с. 3–4].

Тем не менее в ст. 58 КМП-82 отмечается, что свободы судоходства и пролета, упомянутые в ст. 87 в отношении открытого моря, также применяются в ИЭЗ.

Эти различные морские зоны наделяют прибрежные арктические государства суверенитетом над соседним территориальным морем, а в некоторых случаях суверенные права смешиваются с конкретной юрисдикцией, например в отношении защиты морской среды и управления ею. Другим важным аспектом КМП-82 является то, что он предусматривает признание навигационных прав и свобод для иностранных перевозок. Это особенно важно в контексте права невинного прохода через территориальное море, права транзитного прохода через международные проливы и права на свободу мореплавания в открытом море над теми районами ИЭЗ и континентального шельфа, на которые претендует прибрежное государство, с учетом особых ограничений, применяемых в этих морских районах. Следствием этого двойного набора мер в рамках КМП-82 является возможность для арктических прибрежных государств претендовать на целый ряд морских зон, в которых они могли пользоваться определенными правами и привилегиями [3, с. 68]. У государств есть

уверенность в том, что навигационные права и свободы могут по-прежнему осуществляться по всей Арктике либо в некоторых случаях фактически могут быть реализованы в первый раз в результате воздействия изменения климата и открытия региона для большей возможности доставки.

Конвенция ООН по морскому праву, однако, не является всеобъемлющей правовой базой для всех операций по перевозке и в значительной степени дополняется отдельным органом международного права, касающимся загрязнения морской среды с судов, и органом международного морского права, который регулирует различные аспекты операций по перевозке [4]. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 г. (МАРПОЛ), с поправками, внесенными в нее Протоколом 1978 г., обеспечивает основную правовую базу, на глобальном уровне регулиующую проблему загрязнения морской среды с судов. МАРПОЛ накладывает значительные ограничения на суда, сбрасывающие нефть и ядовитые вещества в море, а также регулирует объем сточных вод, мусора и загрязнения воздуха с судов. КМП-82 дополняет эти конкретные положения общими механизмами, поддерживающими стандарты МАРПОЛ, включая признание права прибрежных государств принимать законы и нормативные акты в отношении загрязнения моря иностранными судами в территориальном море и ИЭЗ. Международная конвенция по безопасности человеческой жизни на море (СОЛАС) 1974 г. с внесенными в нее поправками является действующим международно-правовым документом, регулирующим морские перевозки для обеспечения безопасности моряков. СОЛАС устанавливает серию эксплуатационных стандартов для всех морских перевозок, чтобы обеспечить безопасность жизни на море. Соответствующим документом является Конвенция 1978 г. о стандартах подготовки, сертификации и наблюдения моряков (Конвенция ПДНВ), призванная обеспечить стандарты сертификации экипажа в море и направленная на обеспечение безопасности судоходства. В знак признания уникальности Морских условий, преобладающих в полярных регионах, в течение последнего десятилетия в Международной морской организации (ИМО) также была инициирована разработка Полярного кодекса для судоходства в полярных водах, охватывающего существующие элементы МАРПОЛ, СОЛАС и ПДНВ, и включающего специальные положения, отражающие дополнительные проблемы, с которыми сталкиваются полярные перевозки [2, с. 14–16]

Эта инициатива находится в стадии разработки, но ожидается, что она окажет значительное влияние на улучшение общего качества регулирования и управления арктическим судоходством в соответствии с существующей международно-правовой базой. В дополнение к этим конкретным правовым документам существует ряд других морских

конвенций, которые также будут применяться к аспектам арктического судоходства:

- Конвенция 1972 г. о международных правилах предотвращения столкновений на море (COLREG);
- Конвенция 1972 г. о предотвращении загрязнения моря сбросами отходов и других материалов (Лондонская конвенция);
- Конвенция 1990 г. о загрязнении, готовности, реагировании и сотрудничестве в области нефти (Конвенция OPRC).

Наконец, можно заметить, что в последние годы в Арктике были разработаны два новых региональных документа, имеющие значение для судоходства. В 2011 г. арктические государства заключили Соглашение о сотрудничестве в области авиационного и морского поиска и спасания в Арктике (Соглашение SAR об Арктике). Соглашение, заключенное в рамках КМП-82, также непосредственно предназначено для выполнения обязательств перед государствами Арктического совета, закрепленных в Конвенции о поисково-спасательных операциях 1979 г. и Чикагской конвенции 1944 г. Хотя подобные соглашения о поиске и спасании существуют либо на двусторонней, либо на региональной основе, это Соглашение особенно примечательно, поскольку является первым региональным юридически обязывающим документом такого рода в Арктике. В 2013 г. арктические государства также смогли достичь консенсуса по Соглашению о загрязнении морской среды в Арктике нефтью, готовности к таким ситуациям и реагировании на них, которое призвано создать более совершенные механизмы для борьбы с чрезвычайными ситуациями в морской среде.

Библиографический список

[1] *Baker J. C., Byers M.* Crossed Lines: The Curious Case of the Beaufort Sea Maritime Boundary Dispute [Электронный ресурс] // *Ocean Development and International Law*. — 2012. — Vol. 43, No. 1. — P. 2–5. — UPL: <https://www.thearcticinstitute.org> (дата обращения: 07 марта 2019 г.).

[2] *Gayazova O.* The North Pole Seabed Nature Preserve as a Provisional Arrangement [Электронный ресурс] // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. — 2012. — Vol. 27, № 1. — P. 13–17. — UPL: <http://law.emory.edu> (дата обращения: 07 марта 2019 г.).

[3] *Pharand D.* The Arctic Waters and the Northwest Passage: A Final Revisit, in *Ocean Development and International Law* [Электронный ресурс] // *Ocean Development and International Law*. — 2007. — P. 67–69 // UPL: <https://www.cambridge.org> (дата обращения: 07 марта 2019 г.).

[4] The White House, National Strategy for The Arctic Region. 2013 [Электронный ресурс] // UPL: <http://www.whitehouse.gov> (дата обращения: 07 марта 2019 г.).

**Проблема идентификации субъектов преступлений,
направленных против военной службы
в Российской Федерации**

Часть 1 статьи 331 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ) в качестве субъекта преступлений, направленных против военной службы, определяет, в частности, военнослужащих Российской Федерации, проходящих военную службу по призыву, по контракту в Вооруженных Силах, а также в различного рода военных формированиях.

К субъектам преступлений, направленных против военной службы относятся граждане Российской Федерации, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Согласно законодательству Российской Федерации, этот тип субъектов военных преступлений определяется как общие субъекты военных преступлений [1, с. 84].

Весьма примечательно, что глава 33 УК РФ также выделяет специальную группу субъектов военных преступлений. В этой связи характеристика субъектов этих преступлений, согласно законодательству Российской Федерации, связана в первую очередь со специальными признаками, которые получили название «дополнительные (факультативные) признаки» [2, с. 115]. Таким образом, имеет место, так называемое, удвоение специального субъекта преступлений, направленных против военной службы. Отсюда закономерное название, непосредственно связанное со специальными субъектами воинских преступлений [3, с. 129].

Субъектами преступлений, направленных против военной службы в Российской Федерации, могут быть представители многочисленных военных подразделений и военизированных формирований. Отдельным видом субъектов преступлений, направленных против военной службы в Российской Федерации, могут выступать иностранные граждане, которые поступают на контрактную военную службу. По этой причине они выступают в качестве субъектов уголовных преступлений, направленных против военной службы в Российской Федерации.

Применительно к дополнительной характеристике субъектов преступлений против военной службы Российской Федерации важно выделить уточнения принципиального характера. Речь идет о гражданах Российской Федерации, которые в Вооруженных Силах выполняют определенные работы (рабочие), а также занимают служебные должности специального характера (служащие) и в действительности не выступают в качестве субъектов преступлений, направленных против военной службы, в полном значении. Однако они в полной мере могут выступать

не субъектами, а исключительно соучастниками преступлений, направленных против военной службы в Российской Федерации [4, с. 254].

Применительно к идентификации субъекта преступлений, направленных против военной службы, выделяют комплекс трудностей, таких как, например, определение начала, а также окончания прохождения военной службы в Российской Федерации, квалификация преступлений совершенных военнослужащими в соучастии с гражданскими лицами.

В целях более точной идентификации субъекта преступлений, направленных против военной службы, обозначенного в статье 331 УК РФ, представляется необходимым расширить список лиц, которые могут быть к ним отнесены. Речь идет и о военнослужащих, которые отбывают наказание, непосредственно связанное с прохождением военной службы (арест и нахождение в дисциплинарной воинской части в Российской Федерации).

Библиографический список

[1] *Бодаевский В. П., Гутник О. В.* Специальные субъекты преступлений против военной службы в уголовном законе Российской Федерации // Государство и право. — 2015. — № 2. — С. 115–119.

[2] *Ермолович Я. Н.* Дифференциация уголовной ответственности военнослужащих. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 288 с.

[3] *Микрюков В. Ю.* Основы военной службы. — М.: Форум; НИЦ ИНФРА-М, 2018. — 384 с.

[4] *Михлина А. С.* Уголовное право Российской Федерации: Общая часть: учеб. практикум. — М.: Юрист, 2004. — С. 494.

УДК 342.9

*Васильева Марина Владимировна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Система дисциплинарных взысканий и их применение к государственным гражданским служащим

Государственная гражданская служба является публично-правовой, и ответственность служащих — важнейший способ взаимодействия государственных гражданских служащих (далее: ГГС) и гражданского общества, гарантия обеспечения надлежащего осуществления служащими своих полномочий.

В качестве контроля деятельности служащих выступает дисциплинарная ответственность.

В настоящий момент нет единого и общепринятого определения понятия дисциплинарной ответственности. Ряд ученых: Д. Н. Бахрах, Ю. Н. Стариков, А. Ф. Ноздрачев — рассматривают дисциплинарную ответственность как наложение в соответствии с правовыми нормами дисциплинарного взыскания специальным субъектом власти на лицо, находящееся в непосредственном подчинении, за совершенный дисциплинарный проступок [1].

В. Д. Сорокин под дисциплинарной ответственностью понимает обязанность субъекта служебных правоотношений соблюдать и исполнять существующие обязанности, а также необходимость понести меры дисциплинарного взыскания при неисполнении (ненадлежащем исполнении) данным субъектом действующих предписаний [6].

Исходя из данных определений дисциплинарной ответственности, очевидно, что следствием неисполнения или ненадлежащего исполнения ГГС своих служебных обязанностей выступает дисциплинарное взыскание. Дисциплинарное взыскание — это юридические меры государственного принуждения (санкции), предусмотренные законодательством и применяемые представителем нанимателя к служащему, совершившему дисциплинарный проступок.

Главная цель дисциплинарных взысканий состоит в обеспечении правопорядка на государственной службе и надлежащего исполнения служебных обязанностей гражданскими служащими.

Служебное законодательство устанавливает систему дисциплинарных взысканий для государственных гражданских служащих, включающую:

- замечание;
- выговор;
- предупреждение о неполном должностном соответствии;
- увольнение с гражданской службы.

В сравнении с «общими» дисциплинарными взысканиями, предусмотренными трудовым законодательством для всех работников независимо от сферы деятельности для ГГС перечень взысканий расширен. В него добавлено следующее взыскание: «предупреждение о неполном должностном соответствии».

Анализируя существующую систему можно отнести первые три взыскания к морально-правовым санкциям, направленным на сознание служащего. Различия между ними несущественны, поэтому некоторые специалисты признают однотипность системы взысканий, предусмотренных для ГГС [4].

На сегодняшний день нет закрепленного в законодательстве толкования данных взысканий. Нет четких указаний, в каких ситуациях представитель нанимателя должен применять то или иное взыскание,

тем более что по существу особых последствий они не влекут, действуя исключительно на правосознание служащего.

В научной литературе существует мнение, что первые три взыскания отличаются по силе (например, выговор является более серьезным дисциплинарным взысканием, чем замечание), однако данные позиции законодательно не обоснованы [3].

Возникает вопрос: в чем различие между данными взысканиями и какой смысл в расширении перечня взысканий, предусмотренных в трудовом праве?

Необходимо уделить внимание взысканию о неполном должностном соответствии, которое с государственного гражданского служащего автоматически снимается. Стоит согласиться с мнением ученых, полагающих, что нет ясности, как без осуществления внеочередной аттестации определить, стал ли ГГС соответствовать в полной мере своей должности и есть ли основания для автоматического снятия данного дисциплинарного взыскания [5].

Таким образом, представляется целесообразным предложение о введении дополнительной аттестации для служащих, получивших вышеуказанное дисциплинарное взыскание, по истечении 12 месяцев. Помимо внеочередной аттестации логичным было бы отправлять служащего на внеочередное повышение квалификации. Данные меры будут способствовать совершенствованию профессиональных знаний и квалификации служащего.

Поскольку существующая система дисциплинарных взысканий носит главным образом моральный характер, они не всегда помогают решить проблему ненадлежащего исполнения служащими своих служебных обязанностей. Для повышения эффективности наказаний, применяемых к служащим, совершившим дисциплинарные проступки, ряд специалистов указывают на необходимость введения дисциплинарных взысканий имущественного характера.

М. Б. Добробаба считает, что повысить эффективность применения дисциплинарных взысканий можно за счет введения специализированных наказаний в виде временного или даже бессрочного лишения государственных гражданских служащих определенных преимуществ, связанных с их служебной деятельностью. Это может быть, например, уменьшение должностного оклада или снижение либо полное лишение доплаты к пенсии за стаж государственной службы [2].

Данный подход имеет право на существование. Ряд систем дисциплинарных взысканий за рубежом затрагивают не только морально-нравственные аспекты, но и интересы имущественного характера ГГС.

В частности, система дисциплинарных взысканий, предусмотренная для государственных служащих в Германии, включает выговор, штраф, сокращение оклада, перевод на другую должность с сокра-

щением оклада, увольнение, снижение уровня пенсионного обеспечения, отказ в предоставлении пенсии.

Дисциплинарные взыскания имущественного характера присутствуют и в системе дисциплинарных взысканий США. Наказанием может быть замечание, выговор, понижение в должности, низкая профессиональная оценка, отпуск без выплаты содержания (может применяться на срок до 30 дней), понижение в должностной квалификации, уменьшение оклада, увольнение.

Как видим, перечень дисциплинарных взысканий в других странах весьма широк и оказывает неблагоприятное влияние на моральное, служебное и имущественное положение ГГС.

При рассмотрении данной темы стоит обратиться и к отечественному опыту, к санкциям, применяемым к служащим в прежние времена. Например, в Уставе о службе по определению от правительства 1832 г. существовали такие взыскания, как вычет из жалованья, арест, понижение.

Анализ юридической литературы и законодательства показал, что существующая система дисциплинарных взысканий нуждается в совершенствовании для наиболее эффективного применения дисциплинарных взысканий к государственным гражданским служащим. Стоит задуматься о расширении перечня дисциплинарных взысканий за счет наказаний материального характера и, наоборот, о возможном сокращении дисциплинарных взысканий, направленных на сознание служащего, либо о их четком определении и законодательном закреплении их различия.

Библиографический список

[1] *Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н.* Административное право: учебник для вузов. — М.: Норма, 2005. — 800 с.

[2] *Добробаба М. Б.* Понятие и существенные признаки дисциплинарного взыскания в служебно-деликтном праве // Административное и муниципальное право. — 2013. — № 4. — С. 357–364.

[3] *Кирильчик Е. В.* О совершенствовании системы дисциплинарных взысканий государственных гражданских служащих // Пролог: журнал о праве. — 2013. — № 3. — С. 11–13.

[4] *Очаковский В. А., Крутова Я. А., Жукова Н. А.* Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих в Российской Федерации // Научный журнал КубГАУ. — 2014. — № 99 (05). — С. 1–11.

[5] *Пресняков М. В., Чаннов С. Е.* Дисциплинарная ответственность гражданских служащих: проблемы нормативной определенности и справедливой дифференциации // Трудовое право. — 2009. — № 9. — С. 103–110.

[6] *Сорокин В. Д.* Правовое регулирование. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. — 661 с.

Сотрудничество государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств

Приходится, к сожалению, констатировать, что мировое сообщество столкнулось с серьезной проблематикой, связанной со стремительным ростом незаконного оборота наркотических средств. Преступлениям в сфере оборота наркотических средств свойственен организованный и профессиональный характер. Имеющиеся негативные явления, связанные с наркотиками, повлияли и на состояние пенитенциарной преступности. Такого рода преступности присуща высокая степень организованности, маскировка противоправной деятельности, латентность, использование новейших технологий и разработок.

Средства массовых коммуникаций и информационные технологии широко используются и, конечно, в значительной степени облегчают ведение нелегального оборота наркотиков. При расследовании подобного рода дел порой крайне сложно выявить первоначального поставщика или производителя.

В мировом сообществе можно наблюдать тенденцию к ужесточению уголовной ответственности за преступления, связанные с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами. Безусловным является тот факт, что успешно реализовать правовые нормы возможно лишь тогда, когда станет возможным их правильное применение.

Что касается нашего государства, то важно понимать, что особенности борьбы с наркотиками играют значительную роль в реализации стратегии развития государства. Имеющиеся специальные правила и нормы, которые регламентируют порядок обращения наркотических средств и психотропных веществ, являют собой «важную составляющую, для того чтобы заниматься построением современной системы здравоохранения, а также иметь здоровое общество» [3, с. 121].

Для того чтобы до конца понимать, почему наше государство особо пристально занимается мерами уголовной ответственности за преступления в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ, важно обратиться к нормам международного законодательства в данной сфере.

Особое значение в сфере борьбы с оборотом наркотических средств и психотропных веществ имеет Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, заключенная в Вене 20 дека-

бря 1988 г., являющаяся одним из основополагающих антинаркотических соглашений.

В Конвенции 1988 г. к предмету международно-правового регулирования в рамках борьбы с наркотизмом были добавлены:

1) прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ (приложения 1 и 2);

2) оборудование и материалы, которые предназначены для незаконного производства, культивирования и изготовления наркотических средств и психотропных веществ.

Относительно основных аспектов формирования современной правоприменительной практики в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ можно отметить, что на развитие такой практики повлияли многие разнообразные факторы.

По мнению А. В. Скачко, необходим «дифференцированный законодательный подход к сфере оборота наркотических средств» [4, с. 52], поскольку сложившейся на данный момент криминологической ситуации свойственны негативные тенденции возрастания объема распространения наркотических средств.

Правовые позиции Европейского суда по правам человека оказывают существенное влияние на практику квалификации и наказуемости преступлений, которые связаны с незаконным оборотом наркотиков. Практика международного суда помогает детализировать правовое регулирование и сформировать единообразную правоприменительную практику на территории Российской Федерации.

Сопоставив точки зрения авторов-правоведов и изучив положение международного и внутринационального законодательства, можно сформулировать основные меры и направления борьбы с незаконным оборотом наркотических средств.

Для этого необходимо:

— создать эффективную систему защиты территории Российской Федерации, направленную на действенную борьбу с контрабандным ввозом наркотиков из-за рубежа;

— пресечь связи российских продавцов наркотических средств с международными преступными сообществами;

— повысить эффективность пограничного контроля;

— укрепить режим границ (речь в данном контексте идет об организационно-техническом обеспечении и правовом регулировании).

Вместе с тем, как справедливо и рационально отмечает А. В. Табаков, «для того чтобы успешно реализовать все названные меры, необходимо развивать сотрудничество и слаженную работу с указанной масштабной проблемой между всеми государствами мирового сообщества, а также нужна более четкая деятельность пограничной и таможенной службы» [5, с. 6].

Развитие международного сотрудничества актуально и для того, чтобы пресечь культивацию растений, содержащих в себе наркотические растения. Необходимы реальные шаги всего мирового сообщества в борьбе с производством наркотических средств в Афганистане, а также наркотрафиком в государствах транзита.

Подытоживая вышесказанное, можно заключить, что следует заниматься разработкой совместных программ по борьбе с оборотом наркотиков, совершенствованием положений законодательства. Также для эффективной реализации положений международных договоров, которые направлены на борьбу с незаконным оборотом наркотических средств, могут быть задействованы и иные согласованные меры мирового сообщества.

Библиографический список

[1] *Алтунин Т. В.* Отдельные международные антинаркотические соглашения Российской Федерации как источники правил оборота наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовой аспект // Современное право. — 2017. — № 6. — С. 121–126.

[2] *Скачко А. В.* Современные реалии противодействия контрабандному поступлению наркотиков, их соответствие направлениям стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года // Российский следователь. — 2016. — № 1. — С. 52–55.

[3] *Табакоев А. В.* Незаконный ввоз и вывоз новых потенциально опасных психоактивных веществ: совершенствование уголовно-процессуальных норм о подследственности // Наркоконтроль. — 2016. — № 2. — С. 6–10.

УДК 342.6

*Сауев Ильяс Ширваниевич,
студент Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Прямые выборы глав субъектов РФ как необходимая составляющая демократического государства

Выборы главы субъекта регулируются ФЗ № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и ис-

полнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Институт прямых выборов главы субъекта утвердился в России в 1999 г. в связи с принятием ФЗ № 184-ФЗ.

13 сентября 2004 г. Президент РФ В. В. Путин на расширенном заседании правительства которое состоялось после теракта в Беслане, заявил о необходимости создания единой системы исполнительной власти в стране для победы над терроризмом. С этой целью институт прямых выборов предлагалось отменить.

Вернулся данный институт лишь 2 мая 2012 г. Глава государства подписал соответствующие изменения в законы. Однако в 9 субъектах региональные парламенты внесли изменения в свои конституции, закрепив отказ от прямых выборов главы региона. Иными словами, 8 миллионов граждан РФ лишены права выбирать главу субъекта, что нарушает принципы равноправия граждан и субъектов.

В начале 2000-х гг., когда были отменены прямые выборы во всей Российской Федерации, причина была ясна: нестабильная экономическая, социальная и политическая ситуация. Страна нуждалась в комплексном решении стоявших перед ней задач. Но сейчас, когда ситуация улучшилась и в 76 субъектах прямые выборы возвращены, жители 9 регионов, лишенных такой возможности, крайне возмущены.

Некоторые считают, что население этих регионов не созрело для выбора главы. Странно получается: до выборов президента мировой державы созрели, а до выборов главы региона — нет [1, с. 273].

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184- предполагает как прямые выборы, так и «наделение полномочиями» глав субъектов Российской Федерации по представлению Президента РФ.

С одной стороны, предоставление альтернативы при замещении ответственного поста государственного аппарата свидетельствует о максимальном учете национально-этнических особенностей и традиций всех регионов России, с другой — указанный порядок неизбежно приводит к диспропорции статусов различных субъектов Федерации, усложняя федеративную картину России.

Согласно Конституции, носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Именно народ должен решать, как выбирать главу региона, но по данному вопросу не был проведен референдум. Ситуация усугубляется еще и тем, что прямые выборы глав и районов в этих субъектах также отменены. Мотивируется это экономией бюджетных средств, затрачиваемых на проведение выборов, хотя экономить на правах своих граждан неприемлемо. Таким образом, в одних регионах граждане обладают всей полнотой избирательных прав, а в других фактически их лишены.

В условиях отсутствия конкурентной борьбы на местах происходит деградация политической культуры, из-за отсутствия выборности и контроля со стороны народа главы регионов и городов зачастую работают недостаточно эффективно. В результате снижения эффективности деятельности государственных и муниципальных органов и отсутствия у народа возможности влиять на их работу падает доверие населения к власти, наблюдаются политическая апатия у взрослого населения и рост протестных настроений у молодежи.

Отмена прямых выборов не улучшила социально-экономическую ситуацию и на Кавказе, не остановила терроризм, не снизила социальную напряженность и дотационность, но существенно ухудшила соблюдение прав граждан и качество государственного и муниципального управления. Отсутствие прямых муниципальных выборов препятствует образованию будущего кадрового состава региона [2, с. 38].

Чтобы показать, к чему приводит отсутствие выборности главы региона, приведем в пример Дагестан, где в новейшей истории народ ни разу не выбирал главу региона. При этом ни один из назначенных глав Дагестана не доработал до конца своего срока, при каждом новом назначении преобразования в республике ограничивались перераспределением должностей и финансовых потоков. Федеральный центр направлял средства на проблемы, но не на их решение.

Таким образом, данный способ формирования региональной и муниципальной власти безнадежно устарел и в нынешних политических и экономических условиях неэффективен. Возврат прямых выборов поможет преодолеть пропасть между населением и властью, восстановить доверие и авторитет и позволит контролировать региональную власть не только сверху, но и снизу. Чтобы восстановить доверие населения, необходимо начать доверять населению.

Также стоит отметить, что федеральное законодательство в этой сфере далеко от совершенства и носит скорее временный характер, зависящий от очередного усиления или ослабления административной вертикали власти. Так, например, федеральный закон № 184-ФЗ «носит рамочный характер, допускающий вариативность нормативного определения указанного вопроса в каждом субъекте Российской Федерации. Не случайно Конституционный Суд РФ, рассматривая положения об изменении порядка замещения поста главы субъекта, в разное время признавал соответствующими Конституции как прямые выборы, так и «наделение полномочиями» глав субъектов РФ по представлению Президента РФ.

В связи с этим предлагаем внести изменения в п. 3.2 и 3.2.1 ст. 18 федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов РФ» и оставить лишь прямой способ избрания главы, а в случае необходимости принятия решения

об отмене прямых выборов в том или ином регионе — ввести обязанность проведения референдума в данном регионе о согласии или несогласии с отменой прямых выборов. Данное изменение гарантирует реализацию республиканских начал как основы конституционного строя России, своевременное обновление государственного аппарата и реальное участие населения в управлении делами государства.

Библиографический список

[1] *Коржова Г. И., Коварда В. В., Сусликова О. А.* Разработка теоретических предложений по совершенствованию методики оценки органов исполнительной власти регионов РФ и местного самоуправления // Молодой ученый. — 2014. — № 5. — С. 270–272.

[2] *Югов А. А.* Система выборов в Российской Федерации как доминирующий институт публичной власти // Право: современные тенденции: мат. III междунар. научн. конф. (г. Краснодар, февр. 2016 г.). — Краснодар: Новация, 2016. — С. 33–43.

УДК 341

*Тамаева Тамара Тотразовна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

К вопросу об истории и источниках консульского права

Ретроспективный анализ консульской деятельности представляет объективный интерес, ибо позволяет провести компаративистский анализ и выявить особенности развития данного института права в России. Первые упоминания о консульских отношениях на Руси датированы началом XVI в. В этот период Великобританскому торговому обществу была предоставлена исключительная возможность осуществлять судопроизводство над собственными гражданами. В XVII в. торговые связи России расширились, и она вступила в пролонгированные экономические отношения, что повлекло за собой открытие соответствующих консульств (в Амстердаме, Париже, Венеции, Пекине и др.) [1, с. 94].

Формирование консульского права в России вплоть до XIX в. осуществлялась на основе принципов европейских стран. Однако внешняя политика базировалась на индивидуализации задач отдельных консулов и скреплялась царской инструкцией [2, с. 15].

Государственное управление консульской деятельностью осуществлялось как высшим органом власти, так и соответствующими органами: Правительственным сенатом и Государственной коммерц-коллегией. Процедура назначения включала в себя два этапа: это инициатива императора и собственно назначение консула. В 1718 г. была создана Коллегия иностранных дел, являвшаяся руководящим органом для представительств России за границей. В полномочия Коллегии входили выдача документов, принятие в гражданство и исключение из него, а также иные функции, до тех пор свойственные консульским учреждениям.

Активное становление права консульских сношений ученые связывают преимущественно с политикой Петра I, нацеленной на внешнюю интеграцию. Именно поэтому со смертью императора наступило некоторое «затишье». Однако уже в начале XIX в. было учреждено специализированное Министерство иностранных дел.

По мере развития внешних связей возникла необходимость в специальном правовом урегулировании вопросов деятельности консулов. В этой связи в 1820 г. был разработан и вступил в действие Консульский устав, закреплявший правовой статус консульских представителей.

Следует отметить поступательное развитие консульских функций, повлекшее за собой необходимость более детальной правовой регламентации деятельности консульств. Это обстоятельство потребовало разработки соответствующей нормативной базы.

В 1917 г., после революции, были отменены все ранее действовавшие законодательные акты, однако уже к 1922 г. назрела необходимость разработки законодательства, регламентирующего консульскую деятельность. Именно поэтому был подготовлен и в 1926 г. принят Консульский устав СССР. Он действовал почти 50 лет и лишь в 1976 г. был отменен в связи с принятием Консульского устава 1976 г. При этом, как отмечают ученые, данный законодательный акт «долгое время оставался единственным сводом правил, регулирующим организацию и работу консульских учреждений, а также определяющим функции и порядок их отправления консульскими должностными лицами. Однако в связи с динамичным развитием консульских отношений возникла необходимость в разработке нового, отвечающего современному развитию международных связей Консульского устава Российской Федерации».

На настоящий момент в Российской Федерации проведена правовая модернизация законодательства о консульской деятельности и применяется целый пакет документов, ее регламентирующий.

Структурно вся система законодательства о консульской деятельности выстроена следующим образом: это наднациональные акты и национальное законодательство.

К основополагающим наднациональным актам следует отнести Венскую конвенцию о консульских сношениях, заключенную в Вене 24 апреля 1963 г. (ратифицированную СССР и в порядке правопреемства действующую и для Российской Федерации). Данная Конвенция включает в себя перечень основополагающих функций консульского учреждения, ориентированного на основную цель деятельности консульства, т. е. на защиту прав и свобод патридов на определенной территории в рамках консульского округа. Следует отметить, что консульское право является в основе своей правом конвенционным и наряду с его основой — Венской конвенцией регламентируется также рядом международных соглашений, носящих в том числе и региональный характер (например, Гаванская конвенция о консульских чиновниках 1928 г.; Европейская конвенция о консульских функциях 1967 г. и др.). Относительно Венской конвенции следует подчеркнуть значимость ст. 73, которая закрепляет правило о том, что положения этого документа не отражаются на иных международных соглашениях. По сути, эта статья позволяет государствам заключать двухсторонние соглашения при установлении консульских отношений. Таким образом, государства заключают двухсторонние соглашения, конкретизирующие консульские функции. Подобные соглашения заключены Россией с рядом стран, с которыми установлены консульские отношения.

Национальное законодательство основано на нормах международного права и базируется на положениях Основного Закона государства, федерального законодательства, а также актов специализированных органов.

Основополагающими актами внутригосударственного права являются Концепция внешней политики Российской Федерации и Консульский устав Российской Федерации.

Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 30.11.2016 г. № 640, занимает особое место, ибо по сути является программным документом и задает основной вектор развития консульских отношений. Догматичность России в приверженности демократическим принципам развития, признание и декларирование их ценности ставит на первое место защиту прав и свобод человека в контексте дальнейшего развития на принципах комплексности, целостности и адекватности, т. е. в тех пределах, которые допускаются международным сообществом. При этом одной из задач является эффективность данной деятельности, в том числе и через расширение числа консульских учреждений.

Положения центрального законодательного акта — Консульского устава Российской Федерации, утвержденного федеральным законом от 05.07.2010 г. № 154-ФЗ, консолидируют в себе основные принципы консульской деятельности, ее концептуальные основы. Основываясь на Консульском уставе, соответствующие учреждения могут исполнять

свои функции по защите прав и свобод патридов за границей и эффективно контролировать исполнение закрепленных прав и обязанностей.

В настоящее время также действуют Указ Президента РФ от 05.11.1998 г. № 1330 «Об утверждении Положения о Консульском учреждении Российской Федерации» и иные нормативные правовые акты, к которым относятся Положение о Министерстве иностранных дел, Положение о почетном консуле Российской Федерации и ряд иных. Данные нормативные правовые акты разрабатываются правительством Российской Федерации, а также Министерством иностранных дел в рамках делегированного правотворчества. Таким образом, действующее законодательство Российской Федерации основано на ратифицированных международно-правовых нормах, соответствует им и представляет собой систему источников консульской деятельности. Хотелось бы отметить, что в настоящее время система нормативно-правового регулирования консульской деятельности с правовой позиции модернизирована и не требует существенных корректив. Однако практика деятельности консульств нуждается в некотором совершенствовании.

Библиографический список

[1] *Алиев Х. М.* Правовые основы защиты консульским учреждением прав и интересов граждан и юридических лиц: автореф <...> дис. канд.юр. наук. — М., 2014.

[2] *Искевич И. С., Белов А. С.* Историческое развитие консульского института и консульского права // Вопросы современной науки и практики. — 2015. — № 1 (55). — С. 93–97.

[3] *Торшина О. М.* Консульские отношения России и консульское право: автореф <...> дис. канд. юр. наук. — М., 2011.

УДК 343.2

*Тарпищева Гёльнара Ринадовна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Соучастие в преступлении: теоретические основы и проблемы квалификации

Юридическим инструментом, обеспечивающим правоприменителя возможностью уголовно-правовой оценки совместно совершенных преступлений, является институт соучастия.

© Тарпищева Г. Р., 2019

Одной из важных и сложных тем в теоретических положениях уголовного права является институт соучастия, что вызвано объективными причинами. Как и любая деятельность человека, преступная деятельность также может осуществляться группой лиц, причем отличающейся определенной организацией и даже иерархической структурой, члены которой наделяются разнообразными так называемыми правами и обязанностями и именуются организаторами, исполнителями, пособниками и подстрекателями.

Как показывает правоприменительная практика, в форме соучастия совершается примерно одна треть преступлений от общего их количества, причем преступления эти зачастую тяжкие и опасные, поскольку совместность и согласованность преступных действий соучастников повышает общественную опасность преступного деяния.

Согласно ст. 32 Уголовного кодекса РФ (УК РФ), соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Юридическая природа института соучастия в преступной деятельности вызывает споры ввиду существования различных позиций и взглядов на нее [1, с. 67].

Разные мнения и взгляды ученых-юристов можно свести к тому, что юридическая природа соучастия предполагает акцессорность.

Природа акцессорности определяется тем, что исполнитель при совершении преступления в соучастии играет ключевую роль, т. е. соучастие практически зависит от действий исполнителя преступления и определяется ими.

Соучастие в преступлении, определяемое в ст. 32 УК РФ, в своих основных конструктивных положениях во многом уже перестало быть предметом серьезной научной дискуссии. Касается это и взглядов на субъективную составляющую, где продолжение (впрочем, достаточно слабое) споров происходит лишь в связи с допущением или отрицанием косвенного умысла при соучастии. Вместе с тем в этом институте имеется ряд положений, трактовка которых в судебной практике ввиду неопределенности законодательных положений может вызывать некоторые затруднения. Речь идет о двух сходных формулах, предопределяющих охватом умысла ответственность соучастника за совершенное иным соучастником преступление (ч. 5 ст. 35 и ст. 36 УК РФ), а также при соучастии, когда один из соучастников преступления является специальным субъектом. Указанные положения представляют интерес и с теоретической, и с практической точки зрения.

Наиболее сложным является рассмотрение вопросов квалификации соучастия, если преступление было совершено специальным субъектом.

В ч. 4 ст. 34 УК РФ законодатель разрешил давний спор относительно квалификации действий соучастников в преступлениях со специальным субъектом. Исполнителем в данных преступлениях может быть только лицо, обладающее признаками, указанными в соответствующей статье Особенной части УК РФ.

В зависимости от выполненной роли остальные соучастники преступления в этом случае должны нести ответственность как пособники, подстрекатели или организаторы. Вместе с тем реализация нормы вызывает определенные трудности. В первую очередь речь идет о проблеме уголовно-правовой оценки деяний, когда в общей норме предусмотрена ответственность за преступление со специальным субъектом, а в специальном законе определен общий субъект уголовной ответственности.

Например, исполнителем такого преступления, как изнасилование (ст. 131 УК РФ), совершенного одним лицом, может быть только мужчина, поскольку он полностью выполняет объективную сторону. Между тем практика твердо придерживается того, что женщина, если она применяла к потерпевшей насилие, т. е. частично выполняла объективную сторону изнасилования, признается соисполнителем изнасилования, совершенного группой лиц.

Проблемы установления видов соучастников при конструировании составов со специальным субъектом возникают достаточно часто. Для их решения представляется целесообразным, а в некоторых случаях даже необходимым законодательное закрепление правил уголовно-правовой квалификации для отдельных преступлений рассматриваемого вида. Предписание, содержащееся в ч. 4 ст. 34 УК РФ, нуждается по меньшей мере в разъяснении.

Также при анализе научной литературы и материалов судебной практики выявляются определенные противоречия в основании применения ст. 36 УК РФ — эксцесс исполнителя.

В соответствии со ст. 36 УК РФ «эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников»; эксцесс исполнителя исключает уголовную ответственность иных соучастников за совершенное исполнителем преступление.

В теории уголовного права «охват умыслом» трактуется весьма лаконично и обще. А. И. Рарог связывает эксцесс исполнителя с осознанием соучастником нового преступления [3, с. 114]. А. П. Козлов предлагает устанавливать характер и объем соглашения и определять отношение соучастников к различным элементам преступления [2, с. 156].

В обоснование отказа от квалификации деяния как эксцесса исполнителя суды иногда приводят довод о допущении иными соучастниками возможности совершения исполнителем более тяж-

кого преступления или наличии предположения о возможности совершения такого преступления; осведомленности о характере действий друг друга; знании о деталях совершаемого исполнителем преступления.

Верховный Суд РФ и нижестоящие суды последовательно высказываются о том, что допущение возможности совершения иного преступления, предположение о таковой возможности достаточны для отказа от применения ст. 36 УК РФ.

Как показывает практика, эксцесс может быть допущен не только исполнителем, но и иными соучастниками преступления, однако это обстоятельство, к сожалению, не получило отражения в УК РФ.

Поскольку ст. 36 УК РФ регламентирует лишь эксцесс исполнителя, в судебной практике долгое время считалось, что эксцесс иных соучастников преступления не имеет значения для квалификации. Однако с недавних пор высший судебный орган кардинально изменил свою позицию относительно уголовно-правовой оценки эксцесса иных соучастников. Знаковым в этом отношении стало постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29 марта 2017 г. № 27-П17. Данным решением высшая судебная инстанция распространила правило квалификации, предусмотренное ст. 36 УК РФ, на иных соучастников преступления, допустивших эксцесс; изменила устоявшиеся в судебной практике представления о соотношении акцессорных и личных (самостоятельных) начал в соучастии; уточнила пределы применения акцессорных правил уголовно-правовой оценки сложного соучастия, указав, что юридическая оценка действий организатора, подстрекателя, пособника производна от квалификации действий исполнителя преступления лишь «при наличии у них всех единого умысла на совершение конкретного преступления и при совершении исполнителем именно этого преступления».

Для исключения вопросов неверной квалификации представляется целесообразным включить указанную правовую позицию, сформулированную по конкретному делу, в качестве разъяснения в соответствующем новом постановлении Пленума Верховного Суда РФ, касающемся вопросов применения норм о соучастии в преступлении.

Библиографический список

[1] *Арутюнов А. А.* Соучастие в преступлении. — М.: Статут, 2013. — 578 с.

[2] *Козлов А. П.* Соучастие: Традиции и реальность. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2017. — 567 с.

[3] *Рарог А. И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. — М.: Проспект, 2019. — 232 с.

*Яблокова Маргарита Андреевна,
студентка Института правоведения и предпринимательства*

**«Русская правда» П. И. Пестеля как раннее проявление
конституционализма в России XIX в.**

Первыми носителями освободительных идей в России выступили лучшие представители привилегированного сословия — дворянства. Они не опирались на какой-либо социальный слой и не стремились найти поддержку у народа, во имя которого шли на смертельный риск. Декабрьское восстание 1825 г. было первым организованным вооруженным выступлением против самодержавия и крепостничества. Созданный Н. М. Муравьевым «Союз спасения» (1816–1818), ставший колыбелью декабристского движения, был первой тайной офицерской организацией, причем весьма малочисленной (15–20 человек). У ее истоков стояли С. П. Трубецкой, Никита Муравьев, И. Д. Якушкин и другие участники Отечественной войны 1812 г. После прихода в организацию П. И. Пестеля в 1817 г. организация была переименована в «Союз истинных и верных сынов Отечества». В нее входили около 30 человек. Целью организации было введение конституции и гражданских свобод, что означало ликвидацию крепостничества и ограничение самодержавия. Малочисленность и отсутствие опоры в обществе, неопределенность средств достижения цели, а также ожидание реформ сверху привели к изменению тактики и организационных форм деятельности. Общество «Союз благоденствия» (1818–1821) было организовано теми же лицами, что и «Союз спасения». Южное общество (1821–1825) во главе с П. И. Пестелем, С. Г. Волконским, С. И. Муравьевым-Апостолом и А. П. Юшневским действовало на Украине. Программным документом общества стала «Русская Правда», написанная П. И. Пестелем в качестве проекта конституции, которому декабристы придавали большое значение.

П. И. Пестель уделил разработке конституционного проекта много времени, проанализировав при этом конституции различных стран и уделив должное внимание обширной научной литературе политического и экономического содержания. Стоит также отметить, что законодательные акты и литературу иностранных государств он читал преимущественно на языке оригинала для полного и всестороннего понимания заложенной в них мысли. Свой вклад в создание проекта внесли А. П. Юшневский и С. И. Муравьев-Апостол. Основные положения «Русской правды», получившей это название лишь в 1824 г., были безоговорочно приняты на киевском съезде Южного общества в 1823 г.

В «Русской правде» П. И. Пестель детально отразил свои взгляды, связанные с государственным устройством, формой правления, с из-

менениями, которым следует подвергнуть государство [2]. Некоторые смелые утверждения, закрепленные в этом проекте, свидетельствовали о зарождении в умах людей конституционных взглядов на систему государственного управления и законодательного закрепления нормативной основы для осуществления государственной деятельности. Именно в данном проекте нашли свое закрепление сходные с современной Конституцией РФ положения:

- установление верховенства законов, соответствие их нормативному акту, обладающему высшей юридической силой на территории всего государства;
- определение народа как гражданского общества, а не собственности или принадлежности и признание многих прав;
- закрепление блага народа в качестве основной цели государства;
- создание правительства как органа государственной власти, состоящего из Верховной власти и Государственного правления, имеющего своей целью обеспечение блага народа;
- закрепление государственного устройства и др.

«Русская правда» включала в себя также ряд основополагающих идей: уничтожение самодержавия и установление республики; уничтожение сословий, установление равноправия всех граждан; целостность государства — Россия остается единым унитарным государством; введение разделения властей на законодательную и исполнительную; уничтожение крепостного права; разделение земли на частную и общественную, из которой каждый мог получить участок определенного размера.

«Русская правда» представляла собой систематизированный документ, разбитый на 10 глав: о границах государства, о различных племенах, о сословиях государства, о народе в отношении к приготавливаемому для него гражданскому или частному состоянию, политическому и общественному состоянию, об устройстве и образовании верховной власти, местной власти, об устройстве безопасности в государстве, о правительстве в отношении к устройству благосостояния в государстве и наказ для составления государственного свода законов.

Столь сложные преобразования требовали времени. П. И. Пестель прекрасно понимал это и осознавал, что полный отказ от прежних устоев и законов и резкий переход к новому может не найти отклика в обществе. Именно поэтому в «Русской правде» наряду с резонансными планами по преобразованию законодательных актов и системы государственной власти отдавалась дань и ранним законам, которые могли послужить на пользу народу.

При составлении конституционного проекта П. И. Пестель в первую очередь уделял внимание решению двух актуальных на тот момент вопросов: отмене крепостного права и уничтожению самодержавия. «Русская правда» провозглашала искоренение крепостно-

го права, поскольку это явление унижает человеческое достоинство, превознося одну группу людей над другой. Излагая свои смелые мысли, П. И. Пестель осознавал, что достичь полного равенства людей и отсутствия расслоения в обществе невозможно. Для решения вопроса об отмене крепостного права следовало рассмотреть и аграрный вопрос. Считая, что земля является достоянием всего человечества, П. И. Пестель развивал и мысль о том, что частная собственность должна существовать. Таким образом, в проекте была закреплена как государственная, так и частная собственность.

П. И. Пестель решительно выступал за замену монархического строя республиканским, при котором можно было бы на деле осуществить принципы широкого народовластия и народного суверенитета. Понимая, что царизм окажет яростное сопротивление этому процессу, он обосновывал тезис о насильственном свержении существующей власти, к чему и призывал своих соратников. Речь шла о военном заговоре и выступлении против самодержавия. П. И. Пестель имел своей целью уничтожение не только института самодержавия, но и всего «царствующего дома». «Русская правда» провозглашала республику. Республика делилась на губернии, уезды и волости. В каждой волости ежегодно собиралось земское народное собрание, выбиравшее депутатов в свое волостное, уездное, окружное или губернское собрание. Выборы имели двухстепенную структуру.

В своих проектах преобразования общественно-политического строя России Пестель исходил, в частности, из теории естественно-го права и освободительных идей Великой французской буржуазной революции XVIII в. Он считал, что все люди от природы равны и потому должны обладать равными правами. Основную цель гражданского общества он видел «в благоденствии всего общества и каждого из членов оного в особенности». Этой цели и должна быть подчинена деятельность государства. П. И. Пестель обосновал «правила» деятельности государства, направленные на достижение «благоденствия всех граждан» и установление гармонических отношений между ними, а также между ними и обществом:

- благоденствие государства «должно быть согласовано с законами духовными и законами естественными»;
- все постановления государства должны быть направлены «к благоденствию гражданского общества»;
- «благоденствие общественное должно считаться важнее благоденствия частного <...> ежели они находятся в противоборстве, то первое должно получить перевес»;
- «общественное благоденствие есть благоденствие совокупного народа»;

«Русская правда» была нацелена на сохранение целостности Российского государства: «Россия есть государство единое и нераздели-

мое». Это высказывание провозглашало единство законодательства и власти на всей территории Российского государства.

Исходя из целей «Русской правды», большое внимание уделялось, конечно, гражданским и политическим правам личности. Для создания гражданского общества планировалось отменить его сословное деление и признать всех россиян «одинаково благородными» и равными перед законом. Устанавливалось как активное, так и пассивное избирательное право для мужчин по достижении ими совершеннолетия (20 лет), отсутствовал имущественный ценз. Конституционный проект П. И. Пестеля провозглашал неприкосновенность права собственности, объявлял полную свободу занятий, свободу книгопечатания и вероисповедания. В целях обеспечения защиты прав граждан вводился гласный суд присяжных заседателей, равный для всех.

Намеченные П. И. Пестелем преобразования политического и социально-экономического строя России в большей или меньшей степени соответствовали утвердившимся в странах Запада принципам демократии, что предзнаменовано деятельностью П. И. Пестеля по сравнению опыта иностранных государств в вопросах преобразований [1].

Таким образом, «Русская правда» П. И. Пестеля является ценным законодательным проектом, содержащим в себе основы конституционализма и главные идеи современных конституций различных государств.

Библиографический список

[1] *Исаев М. А.* История российского государства и права: учебник. — М.: Статут, 2012. — 840 с.

[2] *Юшков С. В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / под. ред. О. И. Чистякова. — М.: Зерцало-М, 2002. — 400 с.

УДК 342.8

*Чичина Валентина Олеговна,
студентка Государственного института экономики,
финансов, права и технологий*

Проблема воспрепятствования свободному волеизъявлению избирателей за счет навязчивой предвыборной агитации в Российской Федерации

Проблема воспрепятствования свободному волеизъявлению избирателей актуальна для современного периода развития российского

общества, поскольку СМИ принимают активное (порой чрезмерное) участие в предвыборной агитации.

Изучение проблемы воспрепятствования свободному волеизъявлению избирателей в ходе предвыборной агитации в Российской Федерации представляется необходимым, ибо очень важно научить современное общество способам противостояния манипулятивным технологиям в средствах массовой информации.

Кроме того, участие СМИ в осуществлении предвыборной агитации нуждается в дополнительной правовой регламентации.

Если информация в СМИ будет каким-либо образом искажена, т. е. будут нарушены правила предвыборной агитации, это может подорвать устои демократического государства. В соответствии с ч. 3 ст. 3 ФЗ № 67 «участие гражданина Российской Федерации в выборах и референдуме является свободным и добровольным. Никто не вправе оказывать воздействие на гражданина Российской Федерации с целью принудить его к участию или неучастию в выборах и референдуме либо воспрепятствовать его свободному волеизъявлению».

В то же время именно СМИ оказывают воздействие на граждан с целью воспрепятствования их свободному изъавлению. Несмотря на то что в Российской Федерации законодательно закреплены правила и сроки проведения предвыборной агитации, СМИ могут злоупотреблять отдельными своими полномочиями.

Так, настойчивая пропаганда формирует у обывателя совсем иное представление о кандидате, нежели чем, например, у человека, обладающего профессиональным правосознанием. Например, красивая речь с мелькающими лозунгами и очень заманчивыми обещаниями оставит отпечаток в памяти человека, и он, не ознакомившись с программами других кандидатов, пойдет голосовать за того кандидата, предвыборная агитация которого наиболее агрессивна.

С одной стороны, СМИ информируют граждан о кандидатах и их целях, с другой — навязывают нам однотипную информацию, причем в течение длительного периода времени. Так, согласно ч. 2 ст. 49 ФЗ № 67, этот период составляет 28 дней до дня голосования. Тем самым СМИ лишают людей возможности самостоятельно ознакомиться с кандидатом и предлагаемой программой, поскольку многие думают, что СМИ дают исчерпывающую информацию. Но это не всегда так.

Представляется целесообразным сократить до минимума количество дней предвыборной агитации в СМИ, например до 7 или 14 дней, а также сократить воздействие рекламы на людей, т. е. свести к минимуму количество и время рекламы или устранить ее. Заменить рекламу можно с помощью, например, буклетов, в которых будет содержаться исчерпывающая информация о кандидатах и их целях. Эти буклеты можно поместить в местах большого скопления или потока людей, например в отделениях Почты России. Каждый, кому будет

интересно, может взять их, ознакомиться, проанализировать и в итоге, сделать правильный, а главное, осознанный выбор, который не будет навязан ему извне. А для лиц с ограниченными возможностями и лиц пенсионного возраста можно организовать доставку этих буклетов волонтерами на дом.

Конечно, СМИ нельзя полностью отстранить от предвыборной агитации, да это и невозможно. Однако сократить их влияние на общество в целом стоит, чтобы каждый гражданин имел собственную активную жизненную позицию и осознанно подходил к выбору, от которого напрямую зависит его будущее и будущее общества в целом.

Такие попытки уже предпринимались. Например, 31 октября 2012 г. «ЦИК предложил сократить срок ведения предвыборной агитации до двух недель, передавал «Интерфакс» со ссылкой на секретаря Центризбиркома Николая Конкина» [3]. Он отметил, что в России сроки проведения избирательных кампаний одни из самых длинных в мире.

Европейский институт средств массовой информации (далее: ЕИСМИ) провел мониторинг освещения СМИ парламентских выборов в России: «ЕИСМИ пришел к заключению, что освещение выборов в ведущих секторах российских СМИ было тенденциозным» [2].

Рассматриваемая проблема обращала на себя внимание и в научной среде. Ведущий консультант по избирательному праву группы компаний «НИККОЛО М» А. Ю. Бузин утверждал, что «наибольшее количество избирательных споров возникает в связи с массированным „информированием“ об определенных кандидатах и избирательных объединениях в СМИ в период, когда агитация в СМИ не разрешена» [1, с. 20]. Это еще раз подкрепляет предложение о сокращении или устранении дней предвыборной агитации в целях исключения влияния СМИ, чтобы выборы прошли максимально справедливо.

Такие меры, как сокращение количества дней предвыборной агитации до 7 или 14, а также сведение к минимуму количества и времени рекламы (1 рекламный ролик с интервалом 5 часов), могут способствовать снижению степени влияния СМИ на волеизъявление избирателей. А создание буклетов обо всех кандидатах позволит гражданам получить исчерпывающую информацию и сделать выбор.

Таким образом, можно повысить активную избирательную позицию граждан Российской Федерации и устранить искажение политической воли граждан.

Библиографический список

[1] *Бузин А. Ю.* Проблемы правового регулирования предвыборной агитации // Конституционное и муниципальное право. — 2008. — № 3. — 23 с.

[2] Парламентские выборы 1999 года [Электронный ресурс] // Право знать: история, теория, практика: сайт — 2000. — № 1–2 (37–38). — URL: [http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/pravo/2000_37_38\(1_2\)/vibori_37_38.html](http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/pravo/2000_37_38(1_2)/vibori_37_38.html) (дата обращения: 10.02.2019).

УДК 347.232.4

*Устюгова Виктория Сергеевна,
студентка Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

Признание права собственности на самовольную постройку в силу приобретательной давности

Одним из оснований возникновения права собственности, известным российскому законодательству, является приобретательная давность. Согласно ст. 234 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), лицо может стать собственником недвижимого имущества при условии добросовестного, открытого и непрерывного владения им как своим собственным в течение определенного срока — 15 лет.

Вместе с тем вопрос о возможности распространения данного основания приобретения права собственности на такие объекты, как самовольные постройки, не имеет однозначного ответа как на теоретическом, так и на практическом уровне. Наиболее распространена точка зрения о том, что право собственности на самовольную постройку не может быть приобретено на основе института приобретательной давности. Так, например, А. В. Петухова пишет: «Возможность практического использования приобретательной давности в качестве основания приобретения права собственности на самовольное строение весьма сомнительна...» [2, с. 25].

Действительно, можно привести немало аргументов в подтверждение данной позиции.

1. В Обзоре судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ от 19 марта 2014 г., указывается, что право собственности на самовольную постройку не может быть приобретено в силу вышеуказанного основания по той причине, что самовольная постройка не является объектом права собственности.

2. В соответствии со ст. 234 ГК РФ, а также на основании позиции, выраженной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ и Пленума

Высшего Арбитражного суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», право собственности на основании ст. 234 ГК РФ может быть приобретено лишь на имущество, принадлежащее на праве собственности другому лицу, а также на бесхозяйное имущество. При этом самовольная постройка, как известно, к таким объектам не относится.

3. Одним из условий приобретения права собственности на основе приобретательной давности является добросовестность владения: лицо не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности (п. 15 вышеуказанного постановления №10/22). Именно на этом основании суды чаще всего отказывают в удовлетворении соответствующих исковых заявлений в отношении самовольных построек. Например, Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 19 декабря 2017 г. по делу № А40-22162/2015 отметил, что отсутствие разрешительной документации при приеме объекта во владение должно свидетельствовать о самовольности строения и как следствие об отсутствии добросовестности владения. В другом случае Верховный Суд РФ согласился с позицией нижестоящих судов относительно того, что в отношении имущества, возведенного самовольно, нельзя говорить о наличии признака добросовестности владения (определение Верховного Суда РФ от 2 октября 2014 г. № 309-ЭС14-2737).

4. Суды достаточно часто обращаются к позиции Высшего Арбитражного суда РФ, отраженной в определении от 16 ноября 2007 г. № 14741/07, о том, что применение к рассматриваемым отношениям норм ст. 234 ГК РФ означало бы освобождение лица от обязанности соблюдения обязательных требований законов и иных правовых актов.

5. Еще один аргумент заключается в том, что по своей природе самовольное строительство представляет собой правонарушение, поскольку осуществляется вопреки требованиям законодательства. В связи с этим независимо от длительности давностное владение такой постройкой остается незаконным и не может каким-либо образом устранить нарушения, которые были допущены при ее строительстве [2, с. 27].

Исходя из вышеизложенного, суды, как правило, приходят к выводу, что существующее нормативно-правовое регулирование разделяет основания возникновения права собственности в силу ст. 234 ГК РФ и ст. 222 ГК РФ, что исключает их «совместное» применение в виде признания права собственности на самовольную постройку на основании приобретательной давности.

Однако в судебной практике можно встретить и другой подход к рассматриваемому вопросу. В информационном письме Президиума ВАС РФ от 9 декабря 2010 г. № 143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222

Гражданского кодекса Российской Федерации» указывается, что право собственности на самовольную постройку может быть приобретено на основании ст. 234 ГК РФ, при условии что ее сохранение не создает угрозу жизни и здоровью граждан. Данный подход применяется на практике, как правило, в тех случаях, когда соответствующая постройка является самовольной лишь по формальному основанию: при ее создании отсутствовали административные разрешения на строительство, а располагается она на земельном участке, принадлежащем на праве собственности лицу, которое возвело постройку.

Интересным для рассмотрения представляется следующий пример: непубличное акционерное общество «Заветы Ленина» обратилось с иском к администрации одного из муниципальных районов Московской области о признании права собственности в силу приобретательной давности на нежилое здание, построенное истцом на земельном участке, предоставленном истцу в долгосрочную аренду. Суд первой инстанции отказал в иске, сославшись на то, истцом избран ненадлежащий способ защиты нарушенного права, поскольку невозможно признать право собственности на самовольную постройку в силу приобретательной давности. Вместе с тем суд кассационной инстанции указал, что вывод суда нижестоящей инстанции об избрании истцом ненадлежащего способа защиты нарушенного права нельзя признать обоснованным, поскольку наличие альтернативных способов защиты права не является достаточным основанием для отказа в судебной защите. Таким образом, суд признал право собственности на имущество в силу ст. 234 ГК РФ, отметив, что обратный подход приведет в данном конкретном случае к правовой неопределенности в отношении принадлежности объекта (постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 мая 2018 г. по делу № А41-61555/17). Как видим, суд в данном случае несколько расширил вышеназванный подход ВАС РФ, признав право собственности на постройку, расположенную на арендованном земельном участке, и аргументировал свою позицию с точки зрения экономической необходимости и целесообразности.

На практике могут встречаться ситуации, когда лицо, осуществившее самовольное строительство на земельном участке, в отношении которого у него отсутствуют какие-либо вещные права, не сможет признать право собственности на такую постройку ни в силу ст. 222 ГК РФ (прямой запрет законодательства), ни в силу приобретательной давности (учитывая преобладающий подход о невозможности использования данного основания возникновения права собственности в отношении самовольных построек), а собственник не может предъявить иск о сносе самовольной постройки в силу пропуска срока исковой давности. Анализируя подобные случаи, В. А. Бетхер приходит к выводу, что именно такие «безвыходные» ситуации и являются причинами, вследствие которых суды удовлетворяли и продолжают

удовлетворять соответствующие исковые заявления. В частности, исследователь отмечает, что мотивы принятия судами таких решений очевидны: не допустить лишения рядовых граждан единственного жилья. А поскольку в сходной ситуации оказываются не только граждане, но и юридические лица, и их интерес также должен быть учтён [1, с. 147].

Таким образом, можно сделать вывод, что как в науке, так и на практике существуют различные позиции относительно возможности признания права собственности на самовольную постройку в силу приобретательной давности. При этом суды, как правило, отказывают в удовлетворении соответствующих исковых заявлений, поскольку для приобретения права собственности по данному основанию необходимо одновременное наличие большого количества условий, входящих в предмет доказывания по соответствующему спору. Поэтому удовлетворение таких исковых заявлений явление редкое и вызвано в том числе недостатками действующего законодательства, делающими невозможным иное решение вопроса о юридической судьбе постройки.

Библиографический список

[1] *Бетхер В. А.* Самовольное создание и (или) изменение объектов недвижимости в Российской Федерации: гражданско-правовой аспект: дис. канд. юр. наук. — Омск, 2016. — 280 с.

[2] *Петухова А. В.* Давность владения как способ приобретения права собственности на самовольную постройку // Юрист. — 2012. — № 12. — С. 24–29.

УДК 340.5

*Ялунер Юлия Александровна,
студентка Санкт-Петербургского
государственного университета*

Сравнительный анализ имплементации практики Европейского суда по правам человека в России и Германии: конституционно-правовое измерение

В настоящее время исследование механизма действия решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) вновь актуально для российского правопорядка ввиду расширения полномочий Конституционного Суда РФ и выработки им правовых позиций по проблеме в

постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П. Кроме того, восприятие аргументов Федерального конституционного суда Германии Конституционным Судом РФ открывает возможности для сравнительного анализа, обуславливает необходимость изучения вопроса об условиях и границах восприятия иностранного опыта.

Согласно Основному закону ФРГ, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) является федеральным законом. Открытость Основного закона для международных норм гарантирует соблюдение стандартов ЕКПЧ, что согласуется с обязательностью следования закону и праву органов государственной власти Германии (ч. 3 ст. 20 Основного закона). Здесь Федеральный конституционный суд охарактеризовал Европейскую конвенцию как критерий осуществления конституционного контроля, закон с конституционным значением [4, р. 724]. Относительно места решений Европейского суда по правам человека в доктрине указывается на развитие Европейской конвенции с помощью постановлений ЕСПЧ [2, с. 12]. Позиция связана с доктриной «Конвенции как живого инструмента» и эволюционным подходом к ее толкованию [3, р. 1733].

Рассмотрим основные акценты ФКС Германии из постановления от 14 октября 2004 г. «по делу Гергюлю» по вопросу восприятия Европейской конвенцией практики ЕСПЧ. Подчеркивается, что соблюдение Конвенции и правовых позиций ЕСПЧ рассматривается как часть принципа правового государства [1, с. 9], поэтому восприятие практики ЕСПЧ необходимо всем органам власти Германии, а обязанность принять во внимание решение ЕСПЧ не влечет нарушение принципа независимости судебной власти (ч. 1 ст. 97 Основного закона). Отметим, что Федеральным конституционным судом Германии выработан алгоритм по имплементации решений ЕСПЧ, в том числе для ситуации возможного конфликта правовой позиции ЕСПЧ с национальным правом, который заключается в использовании Европейской конвенции как дополнительного инструмента для толкования содержания основных прав и конституционного принципа верховенства права, если это не приведет к ограничению или умалению прав. Как базовый принцип подчеркивается недопустимость пренебрежения положениями Конвенции и решениями ЕСПЧ, однако несоблюдение Конвенции возможно только в случаях, когда уровень защиты прав человека выше в национальном праве или когда следование позиции ЕСПЧ нарушит основополагающие конституционные принципы.

Происходящие в общеевропейском пространстве процессы усиления национальной идентичности обнажают вопрос о балансе между следованием ценностям ЕКПЧ, содержание которых конкретизировано в прецедентной практике ЕСПЧ в силу ст. 46 Конвенции, и сохранением конституционной идентичности. Представляется, что в России особую роль в вопросе развития права в соответствии с обще-

европейскими стандартами должен играть Конституционный Суд РФ в силу его функции по упорядочиванию правовой системы в соответствии с конституционными принципами.

Подход Конституционного Суда РФ к действию решений ЕСПЧ в России изменился с течением времени. Так, в постановлении от 6 декабря 2013 г. по жалобе К. Маркина конфликт Конституции РФ и ЕКПЧ возможен, только если ранее Конституционным Судом закон признан конституционным, а ЕСПЧ считает иначе. В постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П речь идет о любых случаях возникновения у судов сомнений в соответствии позиции ЕСПЧ конституционной идентичности. Вместе с тем сама сущность ограничения подразумевает четкие границы его действия, в противном случае возникнет проблема безусловного приоритета защиты прав человека как конституционной ценности. Неприменение позиции ЕСПЧ по причине несоответствия конституционной идентичности необходимо соотносить с уровнем соблюдения прав человека, который будет иметь место в случае такого неприменения, — таким образом необходимо искать баланс.

Существуют следующие различия в конституционно-правовых основах имплементации практики ЕСПЧ в России и Германии. Во-первых, проблема положения ЕСПЧ в иерархии источников права находит разные решения в российском и германском правовом порядке, что является одним из основных отличий в системе имплементации решений ЕСПЧ. Во-вторых, в Германии речь идет об исключительных случаях несоблюдения решений ЕСПЧ для целей недопущения нарушения основополагающих конституционных принципов. В каждом случае проводится экспертиза с целью нахождения решения другими способами. Кроме того, согласно немецкому подходу, решение о применении позиции ЕСПЧ в конкретном случае, даже при наличии противоречия с внутренним законодательством, принимается национальными судами, в то время как в России в такой ситуации суды всегда должны обращаться в Конституционный Суд РФ. Другими словами, Федеральный конституционный суд Германии разработал только алгоритм имплементации решений ЕСПЧ национальными судами. В Германии речь не идет о буквальном следовании позиции ЕСПЧ — такое регулирование изначально предусматривалось федеральным законом и не противоречит позиции ЕСПЧ. В России именно Конституционный Суд независимо интерпретирует стандарты ЕКПЧ применительно к российскому правовому порядку. Наконец, из-за особого порядка исполнения решений ЕСПЧ в России, окончательно сформированного в постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П, именно Конституционному Суду РФ следует постоянно использовать ЕСПЧ при толковании законодательства. Вследствие нормативного характера постановлений Конституционного Суда такое использование может

послужить стимулом для включения практики ЕСПЧ в правовую основу деятельности органов государственной власти. Несмотря на концептуальные различия в механизме имплементации решений ЕСПЧ, изучение немецкого подхода будет способствовать выработке принципов реализации защиты прав граждан в России на высоком уровне.

Библиографический список

[1] *Нуссбергер А.* Европейский суд по правам человека и Федеральный конституционный суд Германии // *Права человека: Практика Европейского суда по правам человека.* — 2014. — № 12. — С. 4–12.

[2] *Пыриков Е. Г.* Федеральный конституционный суд ФРГ о юридической силе и исполнении в Германии постановлений Европейского Суда по правам человека // *Российское правосудие.* — 2007. — № 2. — С. 4–18.

[3] *Dzehtsiarou K.* European Consensus and the Evolutive Interpretation of the European Convention on Human Rights // *German Law Journal.* — 2011. — Vol. 12, No. 10. — P. 1730–1745.

[4] *Hoffmeister F.* Germany: Status of European Convention on Human Rights in domestic law // *International Journal of Constitutional Law.* — 2006. — Vol. 4, Issue 4. — P. 722–731.

УДК 347.6

*Халикова Камилла Мирзаевна,
студентка Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Проблемы формирования и развития семейного права в первые годы Советской власти

Семья — одна из величайших ценностей, созданных человечеством за всю историю своего существования [3, с. 37]. Сохранение и укрепление семьи — главная задача общества и государства, ибо в надежной семье нуждается любой человек независимо от возраста.

Статья посвящена изучению развития брачно-семейных отношений в России до и после Октябрьской революции 1917 г. По данным периодам можно проследить положительные и отрицательные стороны политики развития института семьи и брака, влияние брачно-семейных правоотношений не только на государственную власть, но и на состояние общества, чем и объясняется актуальность проблемы.

© Халикова К. М., 2019

В истории развития российского брачно-семейного права выделяют следующие этапы:

- 1) семейное право России с древнейших времен до Октябрьской революции 1917 г.;
- 2) семейное право России советского периода (1917–1995 гг.) в составе СССР и после распада СССР;
- 3) семейное право России на современном этапе развития государства.

Остановимся на втором этапе, поскольку именно в этот период произошло формирование семейно-брачного права в самостоятельную отрасль российского права.

Дооктябрьские источники права, регулирующие брачно-семейные отношения в России, никак не отражали правовую сущность брака. Семейное право рассматривалось как составная часть гражданского права. Государству принадлежало лишь решение правовых вопросов, касающихся имущественных взаимоотношений. До 1918 г. только церковный брак считался в России законным. Положительными особенностями церковного брака следует считать установление нерушимых правил в организации семейного быта, укрепление семейных ценностей: почитание старших, уважение родителей и подчинение устоям, воспитание в детях нравственных и духовных ценностей. Эти качества служат крепким фундаментом будущей семьи, которых не хватает в настоящее время. Однако можно отметить и некоторые недостатки церковного брака, из которых являлось ограничение в правах незаконнорожденных детей, т. е. внебрачные дети не могли претендовать на имущество родителей. Также духовенство настаивало на абсолютной власти мужа над членами семьи, т. е. статус женщины и детей был ниже статуса мужа. Эти недостатки свидетельствовали о приостановке эволюции института семейно-брачного права и, следовательно, о препятствии формированию российского гражданского общества.

Изменения в институте брака стали возможны после Октябрьской революции 1917 г. После прихода к власти большевиков проблемам, затрагивающим семейное право и семью, стало уделяться больше внимания, чем в имперский период. В числе первых нормативных актов были приняты декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 г. и «О расторжении брака», фактически ликвидировавшие все несовершенства, указанные выше. Декреты признавали единственной формой брака гражданский брак, зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния. Церковные браки, заключенные после принятия декретов, считались незаконными.

Важными моментами «Декрета о браке» были объявление равенства мужчин и женщин в семейных отношениях, уравнивание внебрач-

ных детей с детьми, рожденными в браке, и разрешение по заявлению матери ребенка или его опекуна либо самого ребенка доказывать по суду отцовство.

Вопросы о прекращении брака регулировались декретом ВЦИК и СНК РСФСР «О расторжении брака» 1918 г., где предусматривалась полная свобода развода по обоюдному согласию супругов или по заявлению одного из них. Церковь оказывала сопротивление претворению данных декретов в жизнь, считая, что облегчение вхождения в брачный союз и его расторжения приведет к легкомысленному отношению к семье, а это больше всего отразится на воспитании ребенка.

22 октября 1918 г. был принят Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, ставший первым Семейным кодексом и первым отдельным кодифицированным семейно-правовым законом.

Однако не все нормы Кодекса 1918 г. были удачными. В отношении собственности супругов сохранился существовавший ранее режим раздельности, только теперь он был закреплен нормой [2, с. 89], устанавливавшей, что брак не создает общности имущества супругов. Именно эти положения Кодекса положили начало тенденции, которая будет определяющей в российском семейном праве советского периода: предоставляя немало прав в сфере личных отношений супругов, законодатель ставил их материальные отношения в неоправданно строгие рамки.

Нововведением стал полный запрет на усыновление. Это объяснялось стремлением не допустить эксплуатации детского труда при наличии весьма значительного числа беспризорных детей. Впервые были введены попечительство и опека, которая в то время приобрела публично-правовой характер [1, с. 285]. Упразднение в кодексе института усыновления оказалось серьезной ошибкой, которая была ликвидирована уже в 1926 г. путем утверждения нового Кодекса законов о браке, семье и опеке в РСФСР.

В 1944 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». Эти меры были приняты в целях поддержания семей, потерявших в годы войны своих отцов и мужей.

Основными плюсами советского семейного права является упрощение процесса признания внебрачных детей, введение института признания отцовства. В этот период была создана основа современного семейного права, и можно уверенно утверждать, что без таких перемен не было бы возможным установление современного брачно-семейного права.

В настоящее время вопрос о существовании и действии семейно-правовых ценностей в правовых и политических дискуссиях стоит особенно остро. Как известно, укрепление института семьи и семейно-брачных отношений, повышение престижа семьи, пропаганда ценностей брака и семьи, достижение гендерного равенства в семейных отношениях, являются условиями стабильности и устойчивого развития гражданского общества. В семейном праве наиболее ярко выражаются нравственные, моральные и культурные ценности общества и государства. Кодекс 1918 г. явился основным законодательным актом в области семейного права. Он действовал без каких-либо изменений на протяжении восьми лет и содействовал равенству всех детей независимо от происхождения, раскрепощению женщин, уравниванию их в правах с мужчинами и развитию их гражданского самосознания.

Библиографический список

- [1] *Антокольская М. В.* Семейное право: учебник. — 2-е изд. — М.: Юристъ, 2002.
- [2] *Беляков А. М., Ворожейкин Е. М.* Советское семейное право: учебник. — М.: Юрид. лит., 1994.
- [3] *Писарчик С. Ю.* История развития брачно-семейных отношений международного характера // Вестн. Волжск. ун-та. — 2010. — № 6.

УДК 347.1

*Пономарева Ирина Вячеславовна,
студентка Саратовской государственной
юридической академии*

Отказ от права в российском и зарубежном гражданском праве

Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) был дополнен правилом, согласно которому лицо, отказавшееся от права, в последующем лишается возможности осуществить это право по тем же основаниям, за исключением случаев, когда аналогичные обстоятельства наступили вновь (п. 6 ст. 450.1 ГК РФ). В п. 7 ст. 450.1 ГК РФ к отказу от права в предусмотренных законом случаях приравнивается неосуществление права в определенный срок. Проблематика отказа от права никогда не

относилось в российской цивилистике к числу глубоко изученных. С момента принятия современного ГК РФ разрешение вопроса о возможности отказа от своего права стало необходимым из-за нормы п. 2 ст. 9 ГК РФ, которой предусмотрено, что «отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав». Данная норма стала причиной запрета в судебной практике отказа от прав.

В доктрине предпринимались попытки разрешить проблему невозможности отказа от права путем разделения понятий «отказ от осуществления права» и «отказ от права». Часть авторов пришла к выводу, что неосуществление права в пассивной форме не влечет прекращения этого права [5, с. 139]. Отказ от права, напротив, содержит в себе прямое волеизъявление лица на добровольное неосуществление права с полным его блокированием (например, соглашение об отсутствии претензий) [5, с. 112].

В 2016 г. появилась надежда на решение данной проблемы: в определении от 29 марта 2016 г. № 306-ЭС15-16624 Верховный Суд РФ постановил, что предусмотренный договором отказ подрядчика от права на удержание не противоречит ст. 9 ГК РФ в силу диспозитивности норм ст. 359, 712 ГК РФ. Данная позиция не была воспринята судами при разрешении гражданско-правовых споров. Введение законодателем п. 6 и 7 ст. 450.1 ГК РФ можно считать разрешением проблемы недопустимости отказа от права. На основании этой нормы и практики ее применения можно сделать краткие выводы о правовой природе отказа от права как односторонней распорядительной сделки, направленной на добровольное ограничение своих возможностей [3]. Стоит упомянуть, что в силу расположения ст. 450.1 ГК РФ, а также специфики российской правовой системы отказ возможен лишь от прав, предусмотренных договором.

В отечественной правоприменительной практике сложилась традиция разрешать споры с позиции добросовестности, в связи с чем институту отказа от права уготована скромная роль. В англосаксонской системе права доктрина добросовестности не получила широкого распространения, а потому решение проблемы противоречивого недобросовестного поведения контрагентов суды в странах этой системы находят в точечных институтах. Конструкция же *waiver* в этой системе права получила весьма широкое применение. В США отказаться можно не только от договорных, но даже от конституционных прав [1, с. 9].

Различие наблюдается и в специфике института: *waiver* в англосаксонской системе разделяется на отказ от условия договора до его заключения, отказ от условия договора после заключения, но до реализации и отказ от условия, когда возможность реализации уже наступила. В России отказ от права по договору возможен лишь после того, как это право можно реализовать. Еще одно отличие российско-

го отказа от права от английского waiver состоит в решении вопроса о том, является ли отказ односторонней сделкой или возможен и в форме соглашения. В англосаксонской системе концепция waiver была введена как некий механизм, смягчающий такой обязательный элемент договора, как consideration (обоюдное предоставление), а потому подразумеваемый безвозмездным (хотя и не исключаящим какой-то выгоды, находящейся за пределами договора) [1, с. 11] и, соответственно, односторонним. В отечественной цивилистике нет подобного ограничения, а потому никто не запрещает осуществлять отказ от права в форме соглашения с обоюдным предоставлением.

Основная проблема в странах англосаксонской системы права заключается в том, что данная концепция имеет множество общих черт со смежными институтами и отграничить их друг от друга становится практически невозможно. Таким образом, разные правовые механизмы применяются судами как некий единый принцип (doctrine of injurious reliance). Очевидно, что между англосаксонским waiver и российским отказом от права существует огромное количество различий, которые дают основания полагать, что этот институт имеет самостоятельную природу, а не был слепо имплементирован из англосаксонской системы права. В связи с этим большой интерес представляет отграничение отказа от права от института estoppel (п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1, п. 2, 5 ст. 166 ГК РФ) и прощения долга (ст. 415 ГК РФ).

Наибольшее количество сходных черт с отказом от права имеет stoppel, предусмотренный п. 5 ст. 450.1 ГК РФ. Конечно, стоит упомянуть, что и сам estoppel имеет иностранное происхождение, однако был настолько органично встроен в принцип добросовестности, что, претерпев некоторые изменения, сейчас независим от иностранного первоисточника [4, с. 56]. Отграничение можно провести по форме волеизъявления лица, отказывающегося от прав по договору. Случаи, в которых имеется заявление, должны квалифицироваться по п. 6 ст. 450.1 ГК РФ, все остальные (в первую очередь конклюдентные действия) — по п. 5 ст. 450.1 ГК РФ [6, с. 112]. Однако нельзя не признать, что критерий отграничения является достаточно зыбким: формулировка п. 5 ст. 450.1 ГК РФ предполагает, что управомоченное на отказ от договора лицо может любым образом подтвердить его действие. Как быть, если лицо подтверждает действие договора в письме? Квалифицироваться ситуация должна по п. 6 ст. 450.1 ГК РФ, вместе с тем формально она полностью подпадает и под п. 5 ст. 450.1 ГК РФ. Проблема усугубляется тем, что неясно, какой из пунктов будет общим, а какой — специальным: п. 5 ст. 450.1 ГК РФ ограничен привязкой к ситуации, связанной с отказом от договора, п. 6 ст. 450.1 ГК РФ ограничен указанием на то, что формой активности лица должно быть заявление. Примечательны в связи с этим решения Арбитражно-го суда Москвы, в которых ссылка сделана и на п.5 ст. 450.1 ГК РФ,

и на п. 6 ст. 450.1 ГК РФ. Следовательно, можно сделать вывод, что в отечественном гражданском праве, так же как и в англосаксонском, между конструкциями отказа от права по договору и *estoppel* если и существует некая грань, то она очень зыбкая [2]. Проводить ее зачастую нецелесообразно с практической точки зрения, поскольку независимо от квалификации ситуации как *estoppel* или как отказ от права решения судов будут тождественными. Обе эти конструкции действуют в рамках принципа запрета противоречивого поведения сторон договора.

Много общего с отказом от права имеет прощение долга. Существует мнение, что отказ от права касается лишь секундарных прав, отказ от прав, которым противостоят обязанности контрагента, является прощением долга [3]. Такое разграничение было проведено для того, чтобы избежать коллизии между ст. 415 ГК РФ и п. 6 ст. 450.1 ГК РФ, однако в судебной практике распространена ошибка квалификации ситуации по п. 6 ст. 450.1 ГК РФ при прощении долга. Поэтому, исходя из формулировки закона и практики, в части договорных прав было бы корректнее отказаться от взгляда на прощение долга и *waiver* как на два параллельных механизма, предназначенных для разных видов прав. Логически верно считать, что, коль скоро п. 6 ст. 450.1 ГК РФ никак не характеризует права по договору, от которых можно отказаться, а п. 1 ст. 415 ГК содержит указание на интересы третьих лиц в отношении имущества кредитора (следовательно, прощение долга касается прав кредитора, связанных с предоставлением по договору), прощение долга в части договорных прав — вид отказа от права. Кроме того, отказ от права по договору, как было показано выше, возможен и в форме односторонней сделки, и в форме договора, в то время как прощение долга — только в форме договора (даже в случае совершения прощения долга в форме уведомления кредитором должника волеизъявление является двухсторонним, поскольку уведомление будет иметь юридическую силу только в случае согласия должника на прощение долга) [7, с. 29]. Критерий формы волеизъявления также соответствует соотношению рода и вида.

Таким образом, можно сказать, что отечественный институт отказа от права хотя и имеет сходные признаки с англосаксонским институтом *waiver*, однако является скорее результатом естественной эволюции отечественной правовой системы, нежели имплементированным институтом. Сравнительно-правовой анализ отказа от права и смежных правовых институтов показал, что отказ от права — самостоятельный институт отечественной цивилистики.

Библиографический список

[1] *Беляева К. К.* Институт отказа от права в сравнительно-правовом контексте // *Вестн. гражданского права.* — 2017. — № 3. — С. 7–51.

[2] *Бойко Т. С.* Отказ от права и воздержание от осуществления права: российский и англо-американский подходы // Закон. — 2012. — № 3. — С. 133–145.

[3] *Каранетов А. Г.* Отказ от договора, одностороннее изменение его условий и отказ от договорных прав по модели waiver: коммент. к ст. 450 и 450.1 ГК РФ [Электронный ресурс] // Закон.ру: сайт. — Москва. — 2015. — URL: http://zakon.ru/blog/2015/10/12/otkaz_ot_dogovora_odnostoronnee_izmenenij_ego_uslovij_i_otkaz_ot_dogovornyx_prav_po_modeli_waiver_ko (дата обращения: 12.02.2019)

[4] *Радченко С. Д.* Злоупотребление правом: Какие возможности открывает новая редакция ГК РФ // Арбитражная практика. — 2013. — № 6. — С. 54–59.

[5] *Саркисян А. В., Новосельнов Д. А.* Об отказе от права и его последствиях // Вестн. экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 4. — С. 95–133.

[6] *Седова Ж. И., Зайцева Н. В.* Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. — М.: Статут, 2014. — 159 с.

[7] *Соломин С. К., Соломина Н. Г.* Прекращение обязательства по российскому гражданскому праву: теоретический очерк: моногр. — М.: Юстицинформ, 2014. — 142 с.

УДК 341

*Перепелкина Кристина Юрьевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Коллизии права Всемирной торговой организации и права Евразийского экономического союза

С 2015 г. Российская Федерация является полноправным членом Всемирной торговой организации (далее: ВТО) и Евразийского экономического союза (далее: ЕАЭС), в рамках которых Россия обязуется выполнять свои обязательства. Вместе с тем взаимоотношения двух правопорядков являются одним из актуальных вопросов функционирования и взаимодействия ВТО и ЕАЭС.

По общему правилу правовая система ВТО становится частью правовой системы Таможенного союза. Сторона, не являющаяся членом ВТО, имеет право отступать от указанного правила в части, в которой правовая система Таможенного союза и решения его органов

требуют корректировки и (или) если такие правоотношения автономно регулируются в рамках ее национальной правовой системы.

Права и обязательства членов Таможенного союза, вытекающие из Соглашения ВТО, не подлежат отмене или ограничению по решению органов Таможенного союза или в соответствии с международным договором, заключенным между членами Таможенного союза.

При этом положения права ВТО имеют приоритет над положениями международных договоров, заключенных в рамках Таможенного союза, до того как правовая система такого Таможенного союза придет в соответствие с правом ВТО.

Указанные положения в правовой литературе подвергаются критике и поднимают вопрос относительно длительности периода приоритета права ВТО, а также вопрос иерархии двух правовых систем.

Соглашения системы права ВТО и соглашения, подписанные в рамках региональных интеграционных объединений, обладают одинаковой юридической силой: вопреки сложившемуся стереотипу первые не имеют приоритета над последними [4, с. 76].

В правовой доктрине встречается также мнение, согласно которому договоры ВТО обладают большей юридической силой, чем договоры Таможенного союза [5, с. 173].

По мнению судьи Суда ЕврАзЭС Т. Н. Нешатаевой, «иерархия между правом ВТО и правом ЕАЭС отсутствует, только противоречия между нормами ВТО и нормами ЕАЭС могут быть основанием для установления приоритета норм ВТО» [3, с. 107].

На судебном уровне вопрос соответствия права ЕАЭС праву ВТО был впервые поставлен перед судом в 2013 г. в связи с рассмотрением Коллегией Суда ЕврАзЭС спора «Н.». По результатам рассмотрения дела суд разъяснил, что право ВТО становится частью правовой системы ЕАЭС с момента вступления в силу Соглашения ВТО для участников ЕАЭС. При этом нормы ВТО имеют приоритет над нормами ЕАЭС в случае противоречия, в остальном же иерархичность отсутствует.

Указанные разъяснения суда видятся вполне логичными. Вместе с тем положения ст. XXIV ГАТТ устанавливают право государств отходить от универсальных положений, создавая при этом более льготные режимы в рамках Таможенного союза или зоны свободной торговли.

Интересным представляется мнение Я. С. Кожеуровой, согласно которому Суду ЕврАзЭС необходимо исходить не из позиции нарушения либо противоречия ГАТТ, а из способа либерализации торговли, заложенного в самом ГАТТ [1, с. 101].

Таким образом, несмотря на то что Суд ЕврАзЭС предпринял попытку внести ясность в понимание взаимоотношений ЕАЭС и ВТО, в настоящее время ситуация может осложниться тем, что нынешний Суд ЕврАзЭС вправе отойти от такой позиции и дать свое толкование данного вопроса.

Немаловажной проблемой при взаимодействии права ВТО и права ЕАЭС является соотношение их юрисдикций.

Рассмотрение споров на уровне ЕАЭС осуществляется Судом ЕврАзЭС, на уровне ВТО — Органом по разрешению споров ВТО (далее: ОРС). При этом Суд ЕврАзЭС является региональным международным судебным учреждением, а ОРС функционирует на универсальном уровне, в связи с чем возникает вопрос о компетенции названных органов.

Субъектами обращений в Суд ЕврАзЭС являются страны — участники ЕАЭС и юридические лица, а субъектами обращений в ОРС выступают страны — участники ВТО. В таком случае интересна возможность применения принципа «res judicata», согласно которому проигравшая сторона по делу, рассмотренному в Суде ЕврАзЭС, вправе обратиться в ОРС.

Необходимо отметить, что Суд ЕврАзЭС и ОРС рассматривают споры, которые возникли по вопросам реализации нормативных актов ЕАЭС и ВТО. Учитывая, что право ВТО имплементировано в правовую систему ЕАЭС, спор может возникнуть как из Договора о ЕАЭС, так и из соглашений ВТО, что, несомненно, ставит вопрос о соотношении юрисдикций.

По мнению Я. С. Кожеурова, вопрос возможности передачи споров между государствами — членами ЕАЭС по проблемам, затрагивающим в том числе обязательства по праву ЕАЭС, в иные международные судебные учреждения остается открытым [1, с. 99].

Кроме того, в Договоре о Евразийском экономическом союзе не содержится четких положений, позволяющих государствам — участникам ЕАЭС выбрать процедуру разрешения споров за рамками ЕАЭС.

По мнению А. И. Макаровой, «одним из вариантов решения данной проблемы является включение в текст регионального торгового соглашения оговорки об исключении подсудности («forum exclusion clause»), не позволяющей рассматривать аналогичные вопросы иным судебным органам» [2].

Данное высказывание представляется весьма сомнительным ввиду возможного ограничения права сторон обращаться за разрешением спора в любую организацию, а также необходимости признания приоритета одного судебного механизма перед другим.

Таким образом, допускается обращение членов ЕАЭС в иные международные учреждения правосудия, в частности в ОРС. Кроме того для большинства государств — участников ЕАЭС ОРС является предпочтительным механизмом разрешения споров в силу его авторитета и целостной практики толкования и применения положений норм ВТО.

В заключение необходимо отметить, что одновременное членство в ВТО и в ЕАЭС порождает немало серьезных противоречий. Такие основные проблемы, как соответствие права ЕАЭС праву ВТО, соотно-

шение обязательств и соотношение юрисдикций, вызывают множество вопросов со стороны правовой доктрины, а также затрудняют развитие Евразийской интеграции. Характеристика ВТО и ЕАЭС показывает, что два эти объединения являются сходными, но не тождественными. Однако взаимоотношения между универсальным и региональным уровнями интеграции зависят от ВТО в силу его устоявшегося авторитета. Лишь тесное взаимодействие и сотрудничество ВТО и ЕАЭС позволят укрепить систему и единство международного права и будут способствовать разрешению правовых проблем и коллизий.

Библиографический список

[1] *Кожеев Я. С.* Институты международного правосудия и право Евразийского экономического союза: смотр правовых сил // Российский юридический журнал. — 2016. — № 4. — С. 94–112.

[2] *Макарова А. И.* ЕАЭС и ВТО: проблематичное сосуществование // https://zakon.ru/blog/2017/07/25/eaes_i_vto_problematichnoe_sosuschestvovanie.

[3] *Нешатаева Т. Н.* К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм // Закон. — 2014. — № 6. — С. 107–109.

[4] *Смбатян А. С.* ВТО и Региональные интеграционные объединения: соотношение «Правовых Сил» в урегулировании торговых споров // Российский внешнеэкономический вестник. — 2011. — № 8. — С. 74–82.

[5] *Толстых В. Л.* Недавние решения суда ЕврАзЭС: попытка доктринального анализа // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 8. — С. 161–168.

УДК 343.3

*Холоша Анастасия Юрьевна,
студентка Смоленского филиала Саратовской
государственной юридической академии*

Административная преюдиция в уголовном праве РФ (на примере новой редакции ч. 1 ст. 282 УК РФ)

Термин «преюдиция» произошел от *лат.* Praejudicium, что в переводе означает «предварительное решение вопроса или обстоятельство, которое в полной мере позволяет судить по поводу ожидаемых

последствий». Надо отметить, что преюдиция имеет весьма широкое применение. Так, эта конструкция играет важную роль в процессуальном праве (гражданском процессуальном — ст. 61 ГПК РФ, уголовно-процессуальном — ст. 90 УПК РФ и др.): если какие-либо факты установлены вступившим в законную силу решением (приговором) суда, они не нуждаются в повторном доказывании (по общему правилу). В материальном праве суть и предназначение преюдиции сводятся к иному.

Сущность административной преюдиции в уголовном праве РФ заключается в том, что правонарушение становится преступлением только тогда, когда оно совершено повторно в течение определенного законом времени с момента назначения административного наказания за правонарушение со схожим составом (как правило, в течение одного года, за исключением ст. 212.1 УК РФ).

Стоит отметить, что речь в данном случае идет не обо всех преступлениях, предусмотренных уголовным законом, а только о тех, относительно которых законодатель определил в качестве обязательного условия совершение, как правило, второго (исключение — вышеупомянутая статья и ст. 284.1, согласно которой лицо должно быть подвергнуто дважды административному наказанию в течение одного года) правонарушения после наложения административного взыскания за первое аналогичное правонарушение.

Например, ст. 116.1 УК РФ, введенная в 2016 г., прямо предусматривает условие, при наличии которого указанные в диспозиции действия станут преступными: совершившее деяние лицо должно находиться в состоянии административной наказуемости по ст. 6.1.1. КоАП РФ (согласно ст. 4.6 КоАП, один год). Административная преюдиция присутствует и в иных преступлениях небольшой и средней тяжести: неуплата алиментов (ст. 5.35.1 КоАП РФ), совершенная повторно, преобразуется в преступление (ст. 157 УК РФ); розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно, образует состав, предусмотренный ст. 151.1 УК; в числе других статей уголовного закона, предусматривающих анализируемый институт, можно назвать следующие: ст. 154, 158.1, 180, 212.1, 215.4, 264.1, 284.1, 314.1 УК РФ.

В научной литературе мнения по поводу присутствия административной преюдиции в уголовном праве расходятся. Н. А. Лопашенко, не поддерживающая данный институт, пишет, что никакое правонарушение не сможет приобрести столь высокую общественную опасность, являющуюся специфической характеристикой противоправного деяния, предусмотренного УК, ни в каком из последующих совершаемых проступков [2, с. 70]. Напротив, М. В. Бавсун считает, что при осознанном использовании административная преюдиция может стать эффективной профилактической мерой противодействия преступности,

а также послужит принципу экономии мер уголовной репрессии [1]. С мнением последнего нельзя не согласиться. Рассмотрим его обоснованность на примере конкретной статьи УК РФ.

3 октября 2018 г. Президент РФ В. В. Путин внес в Госдуму законопроект о частичной декриминализации ст. 282 УК, содержащей норму об экстремизме. В основе запрета, установленного в нынешней редакции ст. 282 УК РФ, лежат нормы международного права. Так, в ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. говорится: «Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом». На данный момент по ч. 1 ст. 282 УК можно привлечь к ответственности за действия, направленные на возбуждение ненависти, вражды, унижение достоинства человека либо группы лиц по биологическим или социальным признакам; за публично или с использованием СМИ либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернета, способ совершения. В качестве средств совершения преступления можно также рассматривать СМИ и информационно-телекоммуникационные сети.

В предлагаемой редакции при сохранении тех же признаков объективной стороны уточняется субъект преступления. Если до внесения изменений преступником становится любое вменяемое 16-летнее лицо, совершившее указанные в норме действия и признанное виновным, то в измененном варианте — только лицо «после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года».

В пояснительной записке к законопроекту указано, что изменение нормы направлено на гуманизацию уголовного законодательства РФ. Также Президент ссылается на анализ правоприменительной практики, которая показывает, что не во всех случаях привлечение к уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 282 УК РФ, является обоснованным.

Отметим, что правоприменение в рамках анализируемой статьи УК РФ ранее уже попадало в поле зрения Верховного Суда РФ. ППВС РФ от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»» обращает внимание судов на то, что следует учитывать не только факт выполнения объективной стороны преступления, но и иные сведения, указывающие на общественную опасность деяния, мотив его совершения.

С учетом вышеизложенного следует сказать, что предлагаемые изменения по частичной декриминализации совершенных в первый раз преступных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, являются

целесообразными, поскольку многие действия в социальных сетях зачастую не являются деяниями с высокой общественной опасностью. Представляется, что административная преюдиция в данной области будет обладать высокой профилактической направленностью, и это позволит гражданам, впервые совершившим административный проступок, впредь задуматься, стоит ли «лайкать» или делиться понравившимися сомнительными записями в сети «Интернет» под угрозой получить судимость. К тому же административное наказание послужит для них официальным предупреждением.

Также можно предположить, что при воздействии менее жестких механизмов принуждения правонарушитель может пересмотреть свое поведение, отказаться от совершения повторного правонарушения.

В пользу разумности введения административной преюдиции по ч. 1 ст. 282 УК можно сказать, что она даст возможность определенным образом обеспечить экономию уголовной репрессии, поможет снизить нагрузку на судебный корпус путем сокращения числа дел с невысокой общественной опасностью, которые рационально отнести к административным правонарушениям (по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, за последние 8 лет динамика зарегистрированных преступлений экстремистской направленности возросла с 656 дел в 2010 г. до 1209 в 2018-м).

Таким образом, преюдиция — конструкция, играющая важную роль в процессуальном и материальном праве. Вокруг ее целесообразности ведутся споры, однако доводы сторонников ее применения видятся более обоснованными, чем аргументы противников. Административная преюдиция в уголовном праве означает применение к лицу уголовно-правовых мер только после неоднократного совершения им определенных административных правонарушений. Лишь некоторые статьи Особенной части УК РФ предусматривают административную преюдицию, и число таковых пополнилось ч. 1 ст. 282 УК РФ. В этой связи можно отметить такие позитивные моменты изменений уголовного законодательства, как гуманизация уголовного закона, развитие принципа экономии уголовных репрессий; усиление воспитательной функции права; снижение нагрузки на судебную систему. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости дальнейшего расширения действия административной преюдиции в уголовном праве при борьбе с преступлениями небольшой и средней тяжести.

Библиографический список

[1] *Бавсун М. В., Бавсун И. Г., Тихон И. А.* Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. — 2008. — № 6. — С. 6–9.

[2] *Лопашенко Н. А.* Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестн. академии Генеральной прокуратуры РФ. — 2011. — № 3. — С. 64–71.

УДК 343.3

*Алиев Магомед Хаджимурадович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Проблемы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации

Специфика совершения компьютерных преступлений связана с фактическим отсутствием межгосударственных границ. При этом компьютерная информация обязательно должна охраняться российским законом или нормами международного права, ратифицированными Российской Федерацией. В настоящее время уголовное законодательство России предполагает ответственность лишь за создание, использование и распространение вредоносного программного обеспечения. Однако обязательным условием привлечения к ответственности за подобное деяние является доказанность намерения пользователя неправомерно использовать вредоносное программное обеспечение.

Информация в экономическом словаре трактуется как некие сведения об окружающем мире и идущих в нем процессах (объект хранения, переработки и передачи), воспринимаемых человеком или специальными устройствами. Под информацией также понимаются сообщения о положении дел, о состоянии чего-либо. В федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» используется следующее понятие информации: сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Вредоносной в соответствии с действующим уголовным законом признается программа, отвечающая двум обязательным признакам:

- программа должна работать несанкционировано (т. е. с нарушением юридического и/или фактического порядка доступа к компьютерной информации);
- работа программы должна повлечь как минимум одно из правовых последствий: уничтожение, блокирование, модификацию, копи-

© Алиев М. Х., 2019

рование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ, сетей ЭВМ.

Не всякое действие пользователя, совершенное с вредоносной программой, является уголовно наказуемым. Законом преследуется:

- создание вредоносных программ для ЭВМ или внесение изменений в существующие программы;
- их использование;
- распространение таких программ или машинных носителей с такими программами.

Под диспозицию ст. 273 УК РФ не попадает использование программного обеспечения, укомплектованного готовым «ключом», в таких в файлах, как: *.reg, *.txt или *.nfo. Не образует состава преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, использование «загрузчика» (loader), обеспечивающее возможность многократного использования пробного периода условно бесплатного ПО (shareware).

В настоящее время уголовное законодательство России предполагает ответственность лишь за создание, использование и распространение вредоносного программного обеспечения. Если вышеуказанные обстоятельства являются возможной правовой перспективной, то для российского пользователя существуют определенные юридические риски. Например, нахождение у пользователя в ноутбуке, захваченном с собой в отпуск на территорию страны — участницы Конвенции, вредоносного программного обеспечения может обернуться для гражданина Российской Федерации уголовным преследованием. Однако обязательным условием привлечения к ответственности за подобное деяние является доказанность намерения пользователя неправомерно использовать вредоносное программное обеспечение.

Специфика совершения компьютерных преступлений связана с фактическим отсутствием межгосударственных границ, когда, например, пользователь домашнего компьютера, преодолев программную защиту, осуществляет копирование персонифицированной базы данных с сервера, расположенного на противоположном конце земного шара. Возникает вопрос: по какому национальному праву пользователь может понести ответственность за неправомерность своих действий, если он является гражданином Российской Федерации?

Некой «охранной грамотой» от риска быть привлеченным к ответственности по уголовному закону иностранного государства, где уголовное наказание за киберпреступность порой сопоставимо с наказанием за совершение насильственного преступления, является ст. 13 УК РФ. В соответствии с названной нормой *граждане России*, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству.

Обязательным условием применения ст. 12 УК РФ к российскому гражданину является совершение им преступления вне пределов Рос-

сийской Федерации. Ввиду отсутствия в законе четкого определения места совершения преступления российская правоприменительная практика связывает его с местом физического нахождения виновного лица в момент причинения вреда. Поэтому применительно к описанному случаю орган следствия с большой долей вероятности назовет местом преступления место нахождения пользователя. В то же время практике известны случаи, когда место преступления определялось точкой расположения носителя информации [1].

Кроме того, в рассматриваемом примере мест преступлений как минимум два: место расположения пользователя (квартира) и место «утечки» информации (сервер на территории иностранного государства). Допустим, похищенная информация принадлежала иностранной компании, расположенной вне пределов Российской Федерации, использующей сервер на территории иного иностранного государства, а российский пользователь осуществил копирование информации не на свой персональный компьютер, а в адрес «заказчика», находящегося на территории другого иностранного государства. Таким образом, насчитывается уже четыре места преступления, где будут «разбросаны» следы преступной деятельности. При такой локализации преступления собрать информацию о преступлении и документально ее зафиксировать практически невозможно.

Более того, описанная процессуальная сложность раскрытия и расследования киберпреступления будет проявляться вне зависимости от результатов определения места преступления (иностранное государство или территория Российской Федерации), поскольку опыт раскрытия подобных преступлений в России практически отсутствует, а участия в международных соглашениях по борьбе с киберпреступностью Российской Федерации не принимает. Не исключено, что с учетом изложенных обстоятельств и юридической эрудированности пользователя о месте совершения преступления на практике будет принято решение об отказе в осуществлении уголовного преследования.

Второе обязательное условие привлечения к ответственности за трансграничное киберпреступление по российскому национальному праву в порядке ст. 12 УК РФ — это нарушение интересов, охраняемых уголовным законом Российской Федерации. Такими охраняемыми интересами применительно к киберпреступности являются информационная безопасность, право собственника информации по реализации своих полномочий в установленных законом пределах, защита от неправомерного воздействия на информацию.

При этом компьютерная информация обязательно должна охраняться российским законом или нормами международного права, ратифицированными Российской Федерацией. Согласно конституционному принципу, законы Российской Федерации распространяют свое

действие исключительно в рамках ее территориальных границ, ввиду чего компьютерная информация, принадлежащая иностранному субъекту и локализованная вне границ России, находится за пределами юрисдикции российского законодательства [2].

Таким образом, по российскому уголовному закону преследование российского пользователя при подобной схеме преступления фактически невозможно. В силу положения ч. 2 ст. 13 УК РФ иностранные граждане и лица без гражданства, находящиеся на территории России, имеют шанс избежать экстрадиции, поскольку Конвенция о компьютерных преступлениях (киберпреступности), принятая в Будапеште, 23 ноября 2001 г., Российской Федерацией не ратифицирована и положение ст. 24 Конвенции о международной выдаче киберпреступников на них не распространяется. Наличие же прямого договора между странами об оказании правовой помощи по уголовным делам может стать правовым основанием для передачи негражданина России иностранному государству.

Библиографический список

[1] *Астахов А.* Искусство управления информационными рисками // М.: РЭМ, 2010. — 215 с.

[2] *Быков В. М., Черкасов В. Н.* Новый закон о преступлениях в сфере компьютерной информации: ст. 272 УК РФ // Российский судья, 2012. — № 5. — С. 14–19.

УДК 351.72

*Багнюк Максим Романович,
студент Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала
Российской таможенной академии*

Саморегулирующиеся организации и необходимость их законодательного закрепления (на примере mining pool)

Развитие технологий приводит к большей включенности людей во всеобщий финансовый рынок. Сегодня любой человек может не только следить за фондовым рынком, основными крупными «игроками», многомиллиардными сделками, но и самостоятельно принимать участие в торгах. Это стало возможно благодаря широкому распро-

странению сети «Интернет», а также инновационным идеям, которые смогли найти реализацию. Учитывая сложившуюся ситуацию, государство должно урегулировать новую сферу правоотношений.

В 2018 г. многим людям открылся новый рынок — рынок криптовалют. Причин его популярности несколько:

- низкий порог вхождения по сравнению с другими финансовыми инструментами;
- возможность преумножить вложенные средства;
- возможность массового применения технологии.

Однако государством не были предприняты какие-либо шаги для регуляции новой отрасли финансового рынка. Тем не менее даже без вмешательства государства рынок благодаря своему устройству и своим принципам смог самоорганизоваться. Это позволяет сделать вывод, что регулирование данной отрасли возможно со стороны саморегулирующихся организаций (далее: СРО).

Под понятием «саморегулирование» подразумевается деятельность субъекта предпринимательства или иной квалифицированной сферы, во главе которой стоят принципы самостоятельности и инициативности. Результатами деятельности таких саморегулирующихся организаций будут разработанные и принятые в сообществе стандарты и правила, которые регулируют предоставляемое обслуживание, и контроль за исполнением этих правил с целью защиты потребителей услуг, а также интересов членов СРО [2, с. 52].

Необходимость саморегулирования как института воздействия на субъекты финансового рынка связана с его преимуществами.

1. Любая норма СРО априори более гибкая в сравнении с государственной. Гибкость выражается в том, что нормы отражают объективную реальность на данный момент и могут очень быстро подстраиваться под изменяющуюся обстановку. Для таких нестабильных условий, как политическая обстановка и экономическая ситуация, способность быстро адаптироваться крайне необходима.

2. СРО позволяет объединиться и получить больший вес для контакта с властью и бизнесом. Аккумулируя за счет количества участников влияние и средства, СРО имеет больший удельный вес, чем единственный участник рынка.

3. Формирование на базе СРО механизма третейского арбитража позволит быстро и в интересах сообщества принимать решения, разрешать споры. Будет работать институт репутации, что положительно скажется на его независимости.

4. Повышается открытость бизнеса, его социальная ответственность.

5. Саморегулирование отличается последовательностью и экспертным контролем, оно позволяет внедрять лучшие апробированные практики профессионального регулирования отрасли.

6. Передача СРО части полномочий по контролю обеспечит существенную экономию государственных средств.

Одной из таких форм самоорганизации и самоуправления в криптовалютном мире является mining pool.

Pool — это объединение мощности оборудования сразу многих майнеров для повышения вероятности нахождения блока. Награда за блок, добытый пулом, распределяется среди всех участников. Mining pool — это сервер, который делит большую задачу по вычислению подписи блока на маленькие задачи и раздает их подключенным устройствам. Вклад в общую работу каждого майнера, участвующего в пуле, оценивается. И хотя многие пулы рассматриваются как полноценный бизнес, владелец пула зарабатывает на том, что взимает комиссию с добытых участниками монет. Как правило, комиссия пула варьируется в диапазоне от 0,3 до 1–2%.

Наличие выбора разных пулов и легкость перехода создают возможность влияния на создателя пула и конкуренцию на рынке. Однако кроме «официального» заработка в виде комиссии с дохода mining pool бывают часто замечены в занижении затраченной вычислительной мощности майнером. Несложно догадаться, что у централизованного пула есть множество возможностей манипулировать мощностями майнеров, т. е. их оборудованием. Фактически это дополнительная скрытая комиссия за участие в пуле. Ее размер составляет от 0% (у честных пулов) до 10% и более (у пулов, обманывающих своих участников).

Объединение владельцев пулов несет в себе несколько преимуществ помимо вышеперечисленных. Во-первых, скорость добычи возрастет — следовательно, доход как владельцев, так и майнеров увеличится. Во-вторых, объединение национальных мощностей придаст больше веса их действиям. Доводы о том, что это нарушает принцип децентрализованности, несостоятельны, поскольку 51% национальных мощностей для атаки недостаточно, а благодаря устройству СРО единый монополист не образуется.

На данный момент действует федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ, который регулирует деятельность СРО в финансовой сфере. Частью 3 ст. 1 данного закона предусмотрено, что его действие распространяется на СРО профессиональных участников рынка ценных бумаг, акционерных инвестиционных фондов, управляющих компаний и специализированных депозитариев инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, жилищных накопительных кооперативов, негосударственных пенсионных фондов, кредитных организаций, бюро кредитных историй.

Функционал пулов имеет сходство с некоторыми финансовыми организациями: помимо основной задачи ускорения добычи произво-

дится хранение добытых валют, перечисление их в иные места хранения, обмен и учет электронных кошельков. Данный вид деятельности сходен с иными финансовыми видами деятельности на финансовом рынке, что наводит на мысль об их сравнении и установке некоего знака равенства. Учитывая, что некоторые владельцы пулов не платят столько, сколько должны платить майнерам с учетом их вычислительной мощности, следует подумать о создании государственного регулятора.

Однако складывающаяся тенденция к созданию мегарегуляторов, таких как Центральный банк РФ, во всех сферах финансовой деятельности пагубно сказывается на росте и развитии рынка, где появляется жесткий государственный контроль. Финансовый рынок наиболее предрасположен к саморегулированию, о чем свидетельствует зарубежный опыт. Эта сфера является второй по развитию контроля со стороны объединений профессиональных участников рынка, уступая лишь рекламе.

Таким образом, разумным было бы изменить ФЗ № 223 от 13 июля 2015 г., дополнив п. 1 ч. 1. ст. 3 списком владельцев пулов. Однако сначала необходимо узаконить такой вид деятельности в качестве предпринимательской деятельности и сами криптовалюты.

Изложенная позиция обусловлена также следующими факторами: — создание честных пулов с прозрачной системой комиссии будет достигаться контролем со стороны других пулов, майнеров, а также регулятора в лице созданного департамента в структуре ЦБ;

— будет обеспечена защита майнеров от сокрытия доходов посредством занижения данных о вычислительных способностях их оборудования;

— защита прав арендодателей мощностей на пулах будет обеспечена посредством создания общих правил ведения данной финансовой деятельности, разработанных самими участниками данного рынка;

— повышение электронной безопасности электронных кошельков позволит снизить риск краж и взломов, что возможно путем кооперации владельцев по вопросам безопасности, обмена опытом предотвращения хакерских атак с целью взлома и хищения средств.

— создание подобия страхового счета, с которого в случае взлома будут компенсированы потери майнеров и арендодателей мощностей гарантирует безопасность отрасли в плане хранения криптовалют.

Однозначно можно сказать, что должное развитие финансового рынка требует упорядочения и регламентации в сфере саморегулирования, а также определения места таких организаций в структуре регулирования. Безусловно, нужно сохранить накопленный положительный опыт ведения и деятельности pool и дополнить его имеющимся наработками в других финансовых и смежных с ними сферах.

Однако эти изменения не должны осуществляться насильно, быть зарегулированы под контролем государства и забюрократизированы. Иначе саморегулирование превратится лишь в еще одну форму бизнеса и сведется к простой формальности, что в совокупности не защитит ни создателей пулов, ни майнеров, ни арендаторов и не приведет к усилению конкуренции, повышению качества финансовых услуг.

Библиографический список

[1] *Галочкина О. А.* Саморегулирование в системе взаимоотношений бизнеса и предпринимательства [Электронный ресурс] // ВЭПС. — 2012. — № 1. — С. 35–37. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoregulirovanie-v> (дата обращения: 07.03. 2019).

[2] *Мартенс А. А.* Перспективы развития саморегулирования на финансовом рынке России [Электронный ресурс] // ПУФ. — 2015. — № 3 (19). — С. 52–55. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razviti> (дата обращения: 07.03.2019).

[3] *Сунгатуллина Л. А.* Функции саморегулируемых организаций [Электронный ресурс] // Учен. зап. Казанск. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». — 2014. — № 4. — С. 118–128. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-samoreguli> (дата обращения: 07.03.2019).

УДК 343.7

*Аббасов Сейхун Гюндюз оглы,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Мошенничество в сфере кредитования как состав преступления: проблемы квалификации и правоприменения

Не секрет, что кредитная сфера развивается стремительным образом. В современном мире трудно представить себе человека, который не пользовался данным финансовым инструментом.

По данным ВЦИОМ, кредит в банке брали около трети россиян. Отмечается, что почти половина из тех, кто когда-либо занимал деньги у банка, прибегали к банковским займам неоднократно.

Среда, в которой кредитные отношения бурно развиваются, а благосостояние населения снижается, служит благодатной почвой для

распространения такого вида преступления, как мошенничество в сфере кредитования.

Судебная статистика показывает, что правоприменительная практика по данной статье находится на стадии формирования.

Необходимо отметить, что законодательная новелла по введению нового состава мошенничества воспринималась научной общественностью неоднозначно. Возникли определенные трудности в вопросах отграничения мошенничества в сфере кредитования от смежных составов.

Хочется обратить внимание на некоторые спорные и актуальные моменты, которые могут возникнуть в правоприменительной практике.

Представляет интерес вопрос определения момента окончания мошенничества в сфере кредитования.

По общему правилу мошенничество признается оконченным с момента, когда имущество поступило в незаконное владение виновного и он получил реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению.

Как правило, предметом мошенничества в сфере кредитования являются безналичные денежные средства. В этом случае преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб [2, с. 58].

Однако возможны ситуации, при которых данный подход едва ли можно назвать оправданным. Например, при оформлении кредита лицо предоставило кредитору недостоверные сведения. Однако кредитные безналичные денежные средства остаются на счете банка, выдавшего кредит, поскольку данный счет открывается на имя должника. При этом сам должник собирается совершить действия по снятию средств со своего счета именно в денежной форме. Следовательно, факт перечисления безналичных денежных средств на счет заемщика, который открыт в банке, выдавшем кредит, еще не свидетельствует о том, что должник имеет реальную возможность распорядиться ими. В таком случае безналичные денежные средства едва ли можно считать «изъянными со счета их владельца».

В современной цивилистике выработан подход, в соответствии с которым безналичные деньги являются объектом обязательственных, но не вещных прав, что исключает возможность их отождествления с вещами [3, с. 207].

Таким образом, заемщик, оформивший кредит путем предоставления недостоверных сведений, имеет лишь обязательственное право требования к банку по выдаче ему денег, которые находятся на счете должника, открытого у кредитора. Поэтому если у должника возни-

кает потребность «обналичить» денежные средства, то возможность распорядиться ими появляется только с момента их физического получения на руки.

Кроме того, возможны ситуации, когда безналичные денежные средства с банковского счета кредитора «изымаются» должником путем их перечисления на другой счет, открытый в этом же банке. Более того, такой счет может быть открыт этим же лицом.

Рассуждения, приведенные выше, имеют право на существование. Однако суды продолжают ссылаются на общие правила, признавая такое мошенничество оконченным с момента поступления денежных средств на счет виновного лица. По общему правилу именно с этого момента лицо получает реальную возможность пользоваться и распоряжаться безналичными денежными средствами по своему усмотрению. Хотя само изъятия может вообще не происходить: деньги могут просто находиться на счете должника.

Стоит обратить внимание на то, что кредитный договор является консенсуальным, т. е. вступает в силу с момента достижения сторонами соглашения, до реальной передачи денег заемщику. Следует признать, что факт вступления в силу кредитного договора сам по себе не означает, что заемщик, предоставивший недостоверные сведения кредитору, получает реальную возможность распорядиться денежными средствами: между датой заключения кредитного договора и датой, с наступления которой заемщик может реально распорядиться деньгами, может пройти значительное время. Поэтому мошенничество в сфере кредитования нельзя считать оконченным преступлением с момента заключения кредитного договора.

Интересным и спорным является вопрос, касающийся субъекта мошенничества. Дело в том, что хищение денежных средств совершается заемщиком. Однако заемщика юридически не существует до момента заключения кредитного договора [1, с. 92]. Поэтому возникает справедливый вопрос: может ли статус заемщика применяться к лицу, который предоставил недостоверные сведения на получение кредита, до заключения соответствующего договора? Ведь гражданин, обратившийся в банк, но не заключивший договор, не является стороной обязательства.

Однако Верховный Суд РФ установил, что для целей ст. 159.1 УК РФ заемщиком признается лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени представляемого им на законных основаниях юридического лица.

Таким образом, уголовно-правовое понимание термина «заемщик» намного шире, чем принято в гражданском праве. Видимо, таким образом решается проблема квалификации деяния как покушения на мошенничество в сфере кредитования. Следовательно, действия

физического лица, направленные на предоставление недостоверных сведений, могут оцениваться и восприниматься как действия заемщика. Лицо, предъявившее ложные сведения кредитору, но не получившее кредит, может быть осуждено по ч. 3 ст. 30 и ст. 159.1 УК РФ: «Покушение на мошенничество в сфере кредитования».

Крайне интересным представляется и следующий вопрос: какого количества заведомо ложных и недостоверных сведений достаточно, чтобы деяние было квалифицировано по ст. 159.1 УК РФ?

Верховный Суд РФ указывает, что ложными должны быть такие сведения, которые предусмотрены кредитором в качестве условия для предоставления кредита (например, сведения о месте работы, доходах, финансовом состоянии, наличии непогашенной кредиторской задолженности, об имуществе, являющемся предметом залога). Что, если среди целой совокупности достоверных сведений ложным, например, является лишь информация о месте работы заемщика? Достаточно ли данного обстоятельства для возбуждения уголовного дела?

Как представляется, речь может идти лишь о такой информации, которая могла оказать существенное влияние на решение кредитора. Некоторое преувеличение доходов заемщика, указанное в процессе переговоров, не может являться основанием для возбуждения уголовного дела.

Кроме того, возникает вопрос: каким именно образом условия для предоставления кредита должны быть зафиксированы банком? Должны ли существовать некие унифицированные внутренние правила либо такие условия являются индивидуальными и предъявляются к каждому заемщику отдельно?

Интересным является и другой вопрос: что, если обман совершает третье лицо, за действия которого сторона договора не должна отвечать? Например, оценщик, устанавливая стоимость заложенного имущества, умышленно или по неосторожности завышает ее? Полагаем, что в данном случае заемщик может быть привлечен к уголовной ответственности, только если будет доказано, что он знал или должен был знать о данном обстоятельстве. В связи с этим возникает и другой вопрос: что, если недостоверная информация, предъявленная заемщиком, впоследствии приносит определенные выгоды кредитору? Например, оказывается, что стоимость заложенного имущества намного выше, чем предполагалось. В данном случае заемщик совершил обман, однако потенциальное имущественное состояние кредитора только улучшается, а ущерб не причиняется. Кроме того, кредитор, предоставляя кредит, изначально исходил из меньшей стоимости заложенного имущества, но заключил договор. Следовательно, ложная информация о заниженной стоимости заложенного имущества никак не повлияла на решение банка о выдаче кредита и полностью устраивала кредитора.

Неразработанным остается и следующий вопрос: что, если кредитор, выдавший кредит, заранее знал о том, что ему предоставлены недостоверные сведения?

Таким образом, мы видим, что мошенничество в сфере кредитования как состав преступления имеет целый комплекс неразрешенных проблем. Не исследовано также соотношение ст. 159.1 УК РФ и п. 4 ч. 2 ст. 178 ГК РФ («Недействительность сделки, если одна сторона заблуждается в отношении лица, с которым она вступает в сделку, или лица, связанного с его сделкой»).

Существуют серьезные сомнения в оправданности существования ст. 159.1 УК РФ. Представляется, что гражданско-правовых механизмов защиты нарушенных прав кредиторов вполне достаточно. Впрочем, данная тема требует серьезного научного осмысления.

Библиографический список

[1] *Ахияров Р. А.* Некоторые вопросы субъекта мошенничества в сфере кредитования // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке, 2018. — № 10-4. — С. 91–94.

[2] *Луценко Е. П.* Определение времени окончания мошенничества в сфере кредитования // Успехи в химии и химической технологии, 2017. — Т. 31, № 1. — С. 57–59.

[3] *Суханов Е. А.* Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть. — М.: Волтерс Клувер, 2006. — 720 с.

УДК 347.6

*Акаразуева Жарият Георгиевна,
студентка Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Совместное завещание супругов

Наследственное право, как правило, консервативно и многие десятилетия остается неизменным. Тем не менее в процессы глобализации вовлекаются все сферы, в связи с чем в отечественное законодательство предлагаются различные нововведения, реформирующие гражданское право. В целях исследования интересно обратиться к праву Федеративной Республики Германия, поскольку Концепция

развития гражданского законодательства РФ ориентирована на опыт государств с развитым законодательством, в том числе Германии.

2019 г. сулит нам изменения в гражданском законодательстве, согласно которому супруги могут составить совместное завещание. Этот феномен, ранее неизвестный нашему законодательству, активно используется в разных странах, и именно эта успешная практика способствовала внесению таких предложений в Государственную Думу РФ. Один из инициаторов и авторов внесения соответствующих изменений Павел Крашенинников полагает, что такая реформа наследственного права позволит расширить возможности граждан по распоряжению своим имуществом на случай их смерти.

Грядущие новшества были простимулированы в том числе событиями 2014 г., а именно общекрымским референдумом, итогом которого стало принятие федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя». В связи с этим, действующее на территории полуострова законодательство Украины, было заменено российским. Гражданский кодекс Украины позволял заключать совместные завещания супругам, а после распространения юрисдикции Российской Федерации возникла коллизия. Она была урегулирована федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 201-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»», и подобные завещания сохраняют свою силу вне зависимости от момента открытия наследства.

Итак, с 1 июня 2019 г. вступают в силу положения о совместном завещании и наследственном договоре (ст. 1118 и 1140.1 ГК РФ). Эти институты в корне отличаются друг от друга, поскольку наследственный договор — это двусторонняя сделка, а совместное завещание — сделка односторонняя. По поводу односторонности такой сделки возникает множество вопросов и дискуссий. Завещание, как принято понимать, составляется одним лицом по его воле и желанию, а совместное составляется не одним лицом, а двумя — супругами, в то время как односторонняя сделка предполагает, что для возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей необходимо и достаточно волеизъявления одной стороны. И именно эта формулировка не дает повода усомниться в односторонности сделки, поскольку, несмотря на наличие в сделке двух субъектов, оба они находятся на одной стороне, они наследодатели и их совместное волеизъявление необходимо и достаточно, чтобы породить гражданские права.

Нынешние нововведения предусматривают, что совместное завещание заключается между гражданами, которые на момент его

совершения находятся в зарегистрированном браке. Так же как и единоличное завещание, оно требует обязательного соблюдения нотариальной формы. Возможность удостоверения при чрезвычайных обстоятельствах, главными врачами больниц, капитанами морских судов, начальниками мест лишения свободы и другими лицами не рассматривается. В целях исключения возможностей для злоупотреблений вводится обязательная видеофиксация нотариального удостоверения совместного завещания, если оба супруга не возражают [2].

Возникает вопрос о нарушении принципа свободы завещания, предполагающего волеизъявление завещателя по собственному усмотрению и без сообщения о нем другим лицам. Однако в данном случае это оправданно, ибо направлено на достижение общей цели, и совсем не означает, что воля каждого из завещателей не соответствует выраженному волеизъявлению. Возможно, составляя отдельные завещания, каждый из них указал бы одного и того же наследника своей доли, а конструкция совместного завещания позволила им упростить этот момент.

Необходимо указать и на фидуциарность данной сделки. Ведь супруги ведут совместный быт, совместное хозяйство, совершают сделки, требующие согласия другого супруга, основываясь на личном доверии. Отсюда и утрата законной силы совместного завещания с момента прекращения брака до смерти одного из супругов или признания брака недействительным. Составление нового завещания одним из супругов также является основанием для отмены совместного. Причем в отличие от Германского гражданского уложения нет необходимости предварительного отказа от совместного завещания, где утрачивают силу все его условия. По праву Германии, новое распоряжение на случай смерти, сделанное супругом, не прекращает действия совместного, пока не будет сделано нотариальное заявление о его отмене. Предложенный в Российской Федерации вариант намного проще: нотариус, удостоверивший завещание, должен лишь уведомить другого супруга о прекращении совместного завещания. Это положение затрагивает один из важнейших принципов наследственного права: тайну завещания. Действующая ст. 1123 ГК РФ указывает на недопустимость разглашения сведений, касающихся содержания завещания, его совершения, изменения или отмены. За ее нарушение полагается компенсация морального вреда. О совместном завещании помимо нотариуса знают уже двое. Оба супруга должны хранить тайну завещания и не могут рассказывать о его содержании до открытия наследства. И даже после смерти одного из них разглашение всего содержания не допускается — разрешается только лишь в части воли умершего супруга [1].

Отсутствует и возможность составления и закрытого завещания, поскольку другой супруг должен непосредственно участвовать в его удостоверении.

Что касается имущества, приобретенного кем-либо из супругов до брака или по договору дарения либо перешедшего по наследству, то они вправе распорядиться в этом же завещании и на счет его. Закон позволяет завещать общее имущество и имущество каждого из супругов любым лицам. В одном документе будет содержаться и информация, по поводу распоряжения как общим имуществом, так и личным. Этот важный момент позволяет избежать ситуаций, когда последующее завещание одного из супругов хотя и выражает волю в отношении личного имущества, но может повлечь недействительность предыдущего.

Каждому из составителей также предоставляется возможность оспорить совместное завещание как при жизни второго супруга, так и после его смерти. Речь идет об обстоятельствах, когда он не мог осознавать свои действия или руководить ими (например, на него оказывалось давление, в период его болезни и т. п.). Оспорить документ может и любое заинтересованное лицо, чьи права ущемляются: несовершеннолетние и нетрудоспособные дети наследодателей и нетрудоспособные, находившиеся у них на иждивении.

Бесспорно, введение неизвестного ранее института разнообразит отечественное наследственное право. Каждому супругу предоставляется право выбора: составить совместное завещание или ограничиться самостоятельным, однако само существование альтернативы расширяет принцип свободы завещания. Насколько будет распространена практика заключения данной сделки и какие вопросы возникнут в ходе ее реализации, покажет время. Совместное завещание позволяет не только распорядиться общим, совместно нажитым имуществом супругов, что существенно упрощает жизнь, но и решить множество семейных конфликтов. Супруги заранее определяют кому, какое и в какой последовательности переходит имущество, если умер один из супругов или если ушли оба одновременно, тем самым упрощая споры между детьми от предыдущих браков, и облегчая для наследников процедуру принятия наследства.

Библиографический список

[1] *Вершинина Е. В., Кабатова Е. В., Шишкина А. А.* Наследование по завещанию в России и Германии: сравнительно-правовой анализ // Семейное и жилищное право. — 2010. — № 6. — С. 3–7.

[2] *Чимаритян П. С.* Совместное завещание супругов в международном частном праве Российской Федерации [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru: сайт. — Москва. — 2018. — URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/sovместnoe-zaveschanie-suprugov-v-mezhdunarodnom-chastnom-prave-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 19.01.2019).

УДК 342.2

*Атакишиев Руслан Тахир оглы,
студент Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации*

Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия организованной преступности

21 февраля 2019 г. Государственной Думой РФ был принят закон, инициированный Президентом РФ В. В. Путиным, «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)».

Пояснительная записка к проекту федерального закона раскрывает его содержание, также в качестве обоснованности закона указывается тот факт, что наиболее опасные и тяжкие преступления совершаются организованными преступными сообществами, координацию которых осуществляют руководители данных преступных формирований: они создают устойчивые преступные связи между иными криминальными сообществами. На данный момент вопрос об организованной преступности в России остается одним из актуальных, поскольку проблематика такого криминального института, как преступное сообщество, несет колоссальную общественную опасность для государственного строя.

Преступное сообщество это структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений [1, с. 165].

Новеллой данного законопроекта является включение в Уголовный кодекс РФ (УК РФ) нового состава преступления: 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Важнейшее отличие состава ст. 210.1 УК РФ от ч. 4 ст. 210 УК РФ состоит в том, что по последнему составу ответственность лица, занимающего выс-

шее положение в преступной иерархии, наступает в случае, если данным лицом совершается общественное опасное деяние, которое предусмотрено ч.1 ст. 210 УК РФ. Иными словами, состав ст. 210.1 УК РФ предполагает наступление уголовной ответственности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, за факт занятия высшего положения, а не за совершение какого-либо деяния.

Для дальнейшего понимания сути проекта федерального закона, вносящего изменения в УК РФ, необходимо определить термин «руководство преступным сообществом», т. е. определить понятие лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2008 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» руководство преступным сообществом определяется как осуществление организационных и управленческих функций в отношении преступного сообщества и его структурных подразделений не только при совершении конкретных преступлений, но и при обеспечении функционирования преступного сообщества в целом. Руководство может выражаться в формировании целей, разработке общих планов деятельности преступного сообщества, в подготовке к совершению тяжких или особо тяжких преступлений.

Руководитель преступного сообщества это лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, являющееся специальным субъектом, который занимает руководящую роль в той или иной преступной системе отношений, сложившейся в преступном сообществе и основанной, как правило, на подчинении нижестоящих вышестоящим [2, с. 55].

На основании вышесказанного можно сделать промежуточный вывод о том, что данным законом государство хочет нивелировать угрозу общественной опасности со стороны лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, привлекая их к уголовной ответственности за факт занятия такого положения. Также стоит отметить, что вносимыми изменениями в виде дополнительного вида наказания добавляется «финансовая санкция»: за деяния, предусмотренные ч. 4 ст. 210 УК РФ, предлагается налагать штраф до 5 млн руб. Данная санкция может служить мерой, компенсирующей ущерб, причиняемый экономическими преступлениями, которые совершают преступные сообщества.

Стоит отметить нарастающую проблему противоречия принципам и понятию преступления, закрепленным в УК РФ. Так, согласно ст. 14 УК РФ, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания. Деяние выражается в действии или бездей-

ствии. В занятии лицом высшего положения в преступной иерархии отсутствует само деяние: лицо не выполняет каких-либо действий и не бездействует под угрозой наступления общественно опасных последствий.

Также можно говорить о том, что ст. 210.1 УК РФ противоречит принципу вины, закрепленному в ст. 5 УК РФ: само по себе занятие высшего положения в преступной иерархии не причиняет никакого вреда, а также не влечет за собой каких-либо общественно опасных последствий причиненного вреда.

Весьма сложным для следствия является вопрос доказывания статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, т. е. доказывания факта руководства. Отнесение конкретного лица к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, будет обоснованным лишь в случае, если установлено, что его воле подчинены все участники преступного сообщества, т. е. необходимо доказать факт осуществления данным лицом определенных управленческих функций.

Например, по делу №1-1121/17 Курганский городской суд вынес обвинительный приговор в отношении группы лиц. Следствие попыталось доказать тот факт, что создал преступную иерархию и занял в ней высшее положение К. Е. Шкодских, однако, к сожалению, с поставленной задачей не справилось, ибо ни один из участников преступного формирования не указал на тот факт, что К. Е. Шкодских является руководителем данного сообщества и занимает в нем высшее положение. Доказательной базы было недостаточно для вменения К. Е. Шкодских ч. 4 ст. 210 УК РФ, поэтому Курганский городской суд не признал К. Е. Шкодских виновным по ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что новая норма в виде ст. 210 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» будет весьма противоречивой, ибо доказательство статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии представляет особую сложность. Для доказывания статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, необходимо установить факт подчинения его воле всех остальных членов преступной организации. Вводимая норма является общей нормой по отношению к составу ст. 210 УК РФ, что может свидетельствовать о том, что системности вводимая норма уголовному законодательству не придаст.

Библиографический список

[1] *Бриллиантов А. В.* Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. — 2-е изд. перераб. и доп. — М. Проспект, 2015. — 1184 с.

[2] *Мондохонов А. Н.* Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. — 2010. — № 5. — С. 53–57.

УДК 369.023.2

*Бетхемян Аяна Ваграмовна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Проблемы законодательного подхода к социальному страхованию адвокатов в Российской Федерации

Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на поддержание достойного образа жизни каждого гражданина. На уровне Конституции РФ закреплено право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности и иным основаниям, предусмотренным законодательством.

Согласно п. 4, ст. 3 федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ, каждому адвокату гарантируется социальное обеспечение, предусмотренное для граждан Конституцией РФ. Однако это является общим правилом, имеющим некоторые специфические особенности в части социального страхования.

Критическая точка проблемы заключается в том, что адвокаты, являясь равноправными субъектами социального страхования, должны самостоятельно и за счет собственных средств уплачивать страховые взносы, поскольку их работодатели это не осуществляют, а во многих случаях вообще отсутствуют [1, с. 74]. Адвокат осуществляет профессиональную деятельность в силу юридического статуса [2, с. 162].

В правовой публицистике встречается мнение, согласно которому на адвокатов распространяется весь объем правовых норм в сфере социального страхования. Однако такое высказывание требует некоторых уточнений. Адвокаты одновременно могут выступать страхователями наемных работников и застрахованными лицами. Причем финансирование самострахования возлагается исключительно на адвоката, если он выступает в качестве застрахованной стороны [4, с. 2].

Закон обязывает адвоката выплачивать весь объем страховых выплат, обязательных для работодателя. Однако в части самострахования имеются некоторые особенности. Хотя в соответствии с законодательством адвокаты относятся к числу застрахованных лиц, объем

социальной поддержки зависит от того, уплачивали ли они страховые взносы.

В действующей системе правового регулирования отношений по обязательному социальному страхованию адвокаты в обязательном порядке участвуют в пенсионном и медицинском страховании. Они осуществляют взносы самостоятельно.

Законом установлен минимальный размер платежа, что, в свою очередь, позволяет адвокатам вносить больший объем денежных средств, но не обязывает это делать. Таким образом, уровень пенсионного обеспечения адвоката зависит от величины уплаченных им страховых взносов.

Следует также подчеркнуть, что федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ не относит адвокатов к числу застрахованных лиц при несчастных случаях на производстве или профессиональных заболеваниях. Следовательно, по данному закону адвокат может страховать наемного работника, но не может застраховать себя. Имеет место и противоположная позиция законодателя. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ относит адвокатов к лицам, подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. В свою очередь, это позволяет адвокатам участвовать в страховых отношениях в рамках данного закона в качестве застрахованных лиц. Однако право на получение пособия появляется у них только при добровольном участии в таких отношениях.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ обязал законодателя устранить барьеры в размере пособий для тех беременных женщин, чей средний заработок превышает установленные нормативы [6]. Это относится и к адвокатам. Однако их доходы от адвокатской деятельности не относятся к заработной плате.

В этой связи в постановлении правительства РФ от 15 июня 2007 г. № 375 уточняется, что в заработок, исходя из которого исчисляются пособия адвокатам, добровольно вступившим в отношения по обязательному социальному страхованию, включаются полученные ими доходы, с которых уплачены страховые взносы.

Однако при ситуациях, когда женщины-адвокаты не участвуют в подобных отношениях, но имеют на иждивении новорожденных детей, объем пособия не покрывает получаемые от адвокатской деятельности доходы. Практически во всех случаях объем ассигнований страхования адвоката зависит от степени самостоятельного и добровольного финансирования им страховых выплат [3, с. 137].

С учетом сказанного, отталкиваясь от конституционных начал равного социального обеспечения, необходимо устранить законодательные барьеры, препятствующие добровольному участию адвокатов в отношениях по отдельным видам страхования. Также следует

предусмотреть перспективу повышения финансово-социальных гарантий для адвокатов, непрерывно осуществляющих профессиональную деятельность в течение длительного периода времени.

В части социального страхования на случай беременности необходимо предоставлять тот объем пособий, который соответствует среднему доходу женщины-адвоката, даже без добровольных выплат. Это побудит адвоката в меньшей степени отводить в тень отдельные доходы и повысит уровень социальной защиты на случай рождения ребенка.

Подводя итоги, следует отметить, что по общему правилу адвокаты выступают равноправными с иными категориями трудящихся застрахованными субъектами. Они уплачивают фиксированный объем страховых взносов. Адвокаты вправе, но не обязаны вносить больший объем средств [8, с. 94], однако от этого зависит уровень их пенсионного и иного социального обеспечения.

Адвокат не может принимать участие в отношениях по страхованию при несчастных случаях, возникших в результате осуществления профессиональной деятельности. В ряде случаев степень финансирования пособий женщин-адвокатов, родивших ребенка, зависит от их добровольного участия в уплате страховых взносов.

Таким образом, во многих случаях адвокат, как физическое лицо, выступая равным субъектом правоотношений публично-правового характера, либо не может выступать застрахованным лицом, либо может, но с применением особых условий. Адвокат может застраховать наемного работника в полном объеме, но не может в достаточной степени считаться застрахованным лицом [7, с. 10]. В этой связи следует устранить барьеры, препятствующие полноценному социальному обеспечению адвокатов. Необходимо создать равные условия для всех категорий трудящихся независимо от характера их деятельности или юридического статуса. Адвокат — это профессиональный юрист, а не клеймо в социальной политике.

Библиографический список

[1] *Велиева Д. Ф.* Проблемы конституционной концептуализации понятия «достойная жизнь» // Ленинградский юридический журнал. — 2014. — № 2 (36). — С. 74–85.

[2] *Забелина О. В.* Концептуальные подходы к формированию механизма устойчивого развития институтов социального страхования в России // Транспортное дело России. — 2012. — № 3. — С. 159–161.

[3] *Калашиников П. В.* Динамическая модель оценки баланса солидарно-распределительной пенсионной системы // Управление большими системами: сб. тр. — 2018. — № 73. — С. 134–155.

[4] *Курьлева О. И.* Особенности формирования пенсии на современном этапе // Концепт. — 2015. — № 8. — С. 1–6.

[5] *Максимов А. В.* Общее социальное пространство России и Беларуси: интеграционные процессы и унификация законодательства действующих систем социального страхования // *Налоги и финансы.* — 2013. — № 3. — С. 45–49.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2007 г. № 4-П // *Российская газета.* — 2007. — № 66.

[7] *Распутина А. В.* Современное состояние и проблемы учета в государственных внебюджетных фондах (на примере Пенсионного фонда Российской Федерации) // *Baikal Research Journal.* — 2015. — № 2. — С. 7–15.

[8] *Соловьев А. К.* Проблемы оценки эффективности индивидуально накопительной модели пенсионного страхования // *Финансы: Теория и Практика.* — 2018. — № 2. — С. 90–106.

УДК 343.3

*Багирли Аслан Ильгар оглы,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Система и виды преступлений против несовершеннолетних

Несмотря на то, что защита детей является, законной и естественной необходимостью, преступные посягательства, нарушающие интересы несовершеннолетних, происходят нередко. Часть таких преступлений остаются нераскрытыми в силу неспособности рассматриваемой группы потерпевших самостоятельно защищать свои права, а в некоторых случаях и отсутствия возможности обратиться к кому-либо за защитой своих прав и законных интересов. В связи с этим возникают сложности в выявлении и квалификации преступлений, совершенных против несовершеннолетних.

К тому же в действующем законодательстве за часть преступлений, совершенных против детей, предусмотрено чрезмерно мягкое наказание, не отражающее всей тяжести совершенного противоправного деяния.

Согласно российскому семейному законодательству, ребенком является лицо, не достигшее 18 лет. В 18 лет ребенок достигает совершеннолетия и становится взрослым человеком с соответствующими правами и обязанностями. Процедура эмансипации позволяет лицам, не достигшим возраста 18 лет, получить права и обязанности,

доступные совершеннолетним членам общества. Но в соответствии с законодательством, за исключением определенных случаев, права эмансипированного будут защищены законом, как права ребенка.

Семья представляет собой ячейку общества, имеющую в своем составе круг людей, объединенных родственными отношениями. Семья особо охраняется как со стороны общества, так и со стороны мирового и российского законодательства. Под особую охрану законодатели всех государств помещают детей, т. е. несовершеннолетних. В соответствии с Уголовным кодексом РФ (УК РФ), если потерпевшим является лицо, не достигшие 18-летнего возраста, защита его прав представляет особую ценность. защите прав несовершеннолетних посвящена гл. 20 УК РФ, а также статьи в других главах. В ряде статей совершение преступления против несовершеннолетних является квалифицирующим или особо квалифицирующим составом.

Объектом гл. 20 УК РФ являются интересы несовершеннолетнего, которому должны быть обеспечены особая защита и благоприятные условия для развития [2]. Важность такого отношения со стороны государства к несовершеннолетнему обусловлена его неспособностью самостоятельно осуществлять необходимую защиту своих прав и законных интересов. К тому же от того, как будут воспитаны несовершеннолетние, зависит уровень преступности и прочих антиобщественных действий в будущем.

Основным компонентом объектов данного вида преступлений является нормальное, морально-нравственное и физическое развитие несовершеннолетнего. Объективная сторона характеризуется описанием совершения противоправного деяния, нарушающего права и законные интересы несовершеннолетнего, за которое законодательством Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность. Данные преступления совершаются в форме действия, однако некоторые деяния характеризуются возможностью совершения как в форме действия, так и в форме бездействия. Преступления данного вида также могут иметь как формальный, так и материальный состав. Обязательным признаком объективной стороны является причинно-следственная связь между совершенным преступлением и наступившими последствиями.

По общему правилу субъектами преступлений против несовершеннолетних признаются физические лица, достигшие 16 лет. Весьма часто в качестве основного или квалифицирующего признака в действующем уголовном законодательстве предусмотрено, что таким субъектом является лицо, наделенное обязанностями по отношению к ребенку (родители, опекуны, воспитатели, работники медицинских учреждений). Из проанализированной практики можно сделать вывод, что зачастую субъектами совершаемых преступлений выступают люди из неблагополучных слоев населения: страдающие алкогольной либо наркотической зависимостью, малоимущие. Все преступле-

ния данной группы имеют форму умышленной вины в виде прямого умысла, т. е. обвиняемый осознает возможность причинения вреда ребенку и желает его причинить.

Несовершеннолетние в силу возрастных особенностей психики значительно отличаются от взрослых. То же относится и к потерпевшим [1]. В связи с этим преступления, совершаемые в отношении них, имеют свои особенности. Во-первых, преступность против несовершеннолетних является наиболее латентной по нескольким причинам: члены семьи в силу родственных и иных чувств скрывают совершение преступлений в отношении детей; сами дети по психологическим причинам не всегда сообщают о совершенном в отношении них посягательстве и т. д. Для решения данных проблем необходимо привлекать родственников, скрывающих совершенные в отношении несовершеннолетних преступления, по ст. 156 УК РФ. Для лучшего судебного рассмотрения дел, касающихся преступлений против несовершеннолетних, нужно, чтобы этим занимались квалифицированные юристы — психологи и педагоги, способные оказать необходимую помощь как обвиняемым, так и потерпевшим.

Преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних, как и другие преступления, влекут за собой наступление уголовной ответственности. Несмотря на то, что Конституцией РФ и международными правовыми актами, ратифицированными Российской Федерацией, защита детства является одной из приоритетных задач государства, не за все преступления законом предусмотрена ответственность, соответствующая тяжести и общественной опасности совершенного деяния. Возможно, это связано с предусмотренным Конституцией РФ гуманным отношением к обвиняемым. Вместе с тем защите прав самой уязвимой категории граждан — несовершеннолетних и малолетних детей необходимо уделять большее внимание, а ответственность за совершение преступлений против них может и должна быть более строгой. Следует отметить, что совершение преступлений против несовершеннолетних несет опасность для общества и в будущем, поскольку на преступный или антисоциальный путь часто встают люди, которые в детстве стали жертвами преступников.

Также необходимо осуществление профилактической работы в виде открытия различных Центров социальной помощи, а также более внимательного отношения общества к проблемам каждого его члена.

Библиографический список

[1] *Кругликов Л. Л.* Уголовное право: Часть Особенная. — 4-е изд. — М.: Проспект, 2014. — 816 с.

[2] *Яковлев А. М.* Социология преступности (Криминология). Основы общей теории. — М., 2001. — 239 с.

Некоторые проблемы квалификации домашних животных в качестве источника повышенной опасности

Животные как объект гражданских прав обладают специфическими особенностями, в силу которых исключается возможность полного контроля над ними. Поэтому вопрос квалификации животных в качестве источников повышенной опасности представляется крайне актуальным. В настоящее время при разрешении дел, когда вред причинен потерпевшему животным, сложилась противоречивая практика.

В соответствии со ст. 1079 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) юридические лица и граждане, чья деятельность связана с повышенной опасностью для окружающих, обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Таким образом, ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, наступает даже при отсутствии вины его владельца. Указанной нормой к источникам повышенной опасности относят, в частности, использование электрической энергии высокого напряжения, транспортных средств, взрывчатых веществ, атомной энергии, сильнодействующих ядов, осуществление строительной деятельности, а также иную деятельность, способную по своим свойствам причинить вред окружающим. Как видим, исчерпывающий перечень источников повышенной опасности в законодательстве отсутствует, в то время как вопрос определения такого перечня крайне важен.

В правовой доктрине существуют три разрозненных точки зрения по вопросу определения содержания термина «источник повышенной опасности». Согласно первой, источник повышенной опасности представляет собой деятельность, связанную с использованием определенных вещей, имеющих опасные свойства, и не поддающуюся непрерывному и всеобъемлющему контролю человека, вследствие чего высока вероятность причинения вреда. В соответствии со второй точкой зрения источником повышенной опасности признаются предметы материального мира, обладающие определенными качественными и количественными характеристиками, из-за которых владение ими связано с увеличением опасности для окружающих. Приверженцы третьей точки зрения считают, что источник повышенной опасности — это опасные свойства вещей и силы природы, которые создают повышенную вредоносность вследствие неполной подконтрольности человеку [2, с. 67].

Согласно позиции Верховного Суда РФ (ВС РФ), под источником повышенной опасности следует понимать любую деятельность, реализация которой увеличивает вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля над ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами (п. 18 постановления Пленума ВС РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»).

На основании вышеизложенного можно выделить следующие критерии отнесения к источнику повышенной опасности:

- наличие вредоносных свойств;
- невозможность полного контроля со стороны человека.

Поскольку животные способны к сложно детерминированному поведению, что исключает полный и всеобъемлющий контроль над их активностью, содержание домашнего животного по формальным признакам может быть отнесено к деятельности, создающей повышенную опасность.

Пониманию вопроса о правовой квалификации животного как источника повышенной опасности не способствует и крайне неоднородная судебная практика. Так, апелляционным определением Верховного суда Республики Марий Эл от 23 мая 2017 г. по делу № 33-880/2017 было оставлено без изменений решение суда первой инстанции, которым был признан источником повышенной опасности в порядке ст. 1079 ГК РФ. Другая апелляционная инстанция не посчитала нужным отнести к источникам повышенной опасности собаку.

При решении рассматриваемого вопроса суды зачастую исходят из недостаточного надзора над домашними животными со стороны владельца, что свидетельствует о наличии вины. Однако в ряде случаев животные особо агрессивных видов, например собаки бойцовских пород, признаются судами в качестве источника повышенной опасности в силу того, что они отличаются заведомо повышенной агрессией, низким болевым порогом, достаточной физической силой, а также выносливостью.

В ряде стран домашние животные отнесены к категории источников повышенной опасности. В частности, в Гражданском кодексе Чешской Республики (ГК ЧР) содержатся нормы, касающиеся ответственности владельца за вред, причиненный животными. При этом следует отметить, что такая ответственность наступает независимо от вины владельца [1. с. 101].

Проблема квалификации животных как источников повышенной опасности вызвана в первую очередь отсутствием регламентации пра-

нового статуса владельцев домашних животных, особенно владельцев домашних животных особо опасных видов (племенные быки, лошади, собаки служебных и бойцовских пород). Например, для владельцев собак служебных и бойцовских пород следует ввести обязательную регистрацию питомцев и их тестирование на предмет социальной адаптации, регулировать их продажу. Обязать владельцев таких собак проходить с ними общий курс дрессировки.

На основании вышеизложенного предлагается дополнить ч. 1 ст. 1079 ГК РФ фразой следующего содержания: «...содержание домашних животных, перечисленных в перечне, установленном правительством Российской Федерации». Необходимо утвердить перечень особо опасных видов домашних животных. Такие меры позволят, во-первых, избежать ограничительного толкования положений ст. 1079 ГК РФ и, во-вторых, будут способствовать активизации комплексной разработки федерального законодательства в области владения животными.

Библиографический список

[1] *Кочешков А. Д., Заикина Е. В.* Некоторые спорные вопросы деликтных обязательств в Чешской Республике и Российской Федерации // Модернизация экономических систем: взгляд в будущее (MESLF-2017): сб. научн. тр. междунар. научн.-практ. конф. — Прага, 2017. — С. 99–103.

[2] *Сухушина К. А.* К вопросу о существующих подходах к понятию источника повышенной опасности // *Gaudeamus Igitur*. — Томск, 2015. — № 15 — С. 67–69.

УДК 341.1

*Белоусова Ульяна Владимировна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Реализация постановлений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации

Международное право отражает общечеловеческие ценности, поэтому они постепенно признаются развивающимися странами, многие из которых не принимали участие даже в их разработке [7, с. 151].

© Белоусова У. В., 2019

Правовая имплементация представляет собой фактическое исполнение предписаний норм международного права, но на национальном уровне. Однако вопросы адаптации норм интернационального правотворчества в части защиты прав человека имеют особое значение.

Можно стать участником любого международного договора, ратифицировать его, имплементировать в национальную правовую систему и исполнять. Однако, если речь идет о правах человека и договорах, регулирующих эти вопросы, государство самостоятельно ограничивает себя в создании таких правовых норм, которые ухудшают условия реализации прав человека или препятствуют этой возможности [2, с. 113].

В настоящее время существует несколько способов применения норм международного права в национальной правовой системе. Это можно осуществить путем ратификации и фактического исполнения норм международного договора. Иногда государство не ратифицирует международные договоры, но создает специальный закон, который дублирует его положения. В других случаях государство одновременно ратифицирует договор и издает в соответствии с ним нормативные правовые акты.

Российская Федерация относится к последнему, представленному нами примеру. Россия является участником множества соглашений в сфере защиты прав человека и его основных свобод, таких как пакты о правах человека, Европейская конвенция по правам человека, Европейская социальная хартия и др.

В Конституции РФ отражается содержание норм международного права. Конституционно предписывается, что права человека и его основные свободы являются высшей ценностью. В этой связи все правовое регулирование должно быть направлено на поддержание центрального места прав человека в системе общественных отношений [1, с. 43].

Российская Федерация провозгласила себя правовым государством. В соответствии с этим именно человек, его права и законные интересы представляют высшую ценность для государства. В Российской Федерации существует разветвленная система механизмов и способов защиты прав и законных интересов, однако иногда и их недостаточно. В соответствии с Конституцией РФ, когда исчерпаны все способы защиты своих прав и законных интересов, граждане Российской Федерации могут обращаться в международные организации. Такой международной организацией и является Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ).

Обращения граждан Российской Федерации условно можно разделить на следующие блоки:

- нарушения сроков разрешения юридических конфликтов;
- решения о взятии под стражу подозреваемого без достаточных на то оснований;

- неисполнение принятых судебных решений;
- нарушение прав на уважение личной жизни;
- нарушение прав на свободу собраний и объединений.

Представляется обоснованным мнение И. В. Рехтиной, полагающей, что из-за нечеткого определения позиций актов ЕСПЧ в системе права Российской Федерации возникает ряд сложностей при их непосредственной реализации [6, с. 21].

Подписав Европейскую конвенцию по правам человека, Российская Федерация приняла на себя обязательства реализовать на своей территории акты ЕСПЧ. Таким образом, все ветви власти в своей деятельности должны способствовать устранению проблем в реализации постановлений ЕСПЧ. Об этом говорит и председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, в частности указав, что «создание новых внутригосударственных средств защиты или совершенствование уже существующих на основе практики Европейского суда по правам человека по российским делам стоит на повестке дня в таких важных вопросах, как улучшение условий содержания лиц, находящихся под стражей, исполнение судебных решений, вынесенных по искам против государства и его публичных агентов, прежде всего в случаях, когда способом исполнения не является перечисление денежных средств, обеспечение реальной состоятельности и равенства сторон как в уголовном, так и в гражданском и в административном процессе» [5, с. 51].

В своем постановлении Конституционный Суд РФ отразил собственную позицию относительно необходимости всегда выполнять те предписания, которые дает ЕСПЧ для Российской Федерации. Таким образом, если акт ЕСПЧ вторгается в независимость Российской Федерации при принятии различного рода решений, Российская Федерация имеет право не вносить какие-либо изменения в свою правовую базу [8, с. 100].

Стоит отметить, что шаги, предпринятые Российской Федерацией по установлению режима исполнения актов ЕСПЧ, нельзя признать системными. Решение спорных задач в этой связи нуждается в разработке комплекса глубоко продуманных и скоординированных на всех уровнях законодательной, исполнительной и судебной власти организационно-правовых мер. По этому вопросу существует немало мнений. Так, например, М. В. Жерновой полагает, что «эту проблему можно решить, создав законодательные механизмы, которые будут обеспечивать разработку индивидуальных и общих мер» [4, с. 28].

В правовой системе Российской Федерации отсутствуют нормы, которые распределяют ответственность за исполнение актов ЕСПЧ между государственными органами. На практике органы исполнительной и судебной власти зачастую перекалывают всю ответственность за исполнение постановлений ЕСПЧ на парламент Российской

Федерации. Как представляется, для решения данной проблемы необходимо законодательно закрепить процесс взаимодействия всех ветвей государственной власти, органов и организаций на всех уровнях государственного устройства нашей страны, различных государственных и общественных структур при реализации постановлений Европейского суда по правам человека.

Важно также более эффективно использовать европейский опыт в сфере защиты прав и свобод человека судами Российской Федерации. Верховный Суд РФ хотя и применяет европейские стандарты, но не стремится расширять их применение в подконтрольных ему судах. Следует согласиться с тем, что подобная позиция высшего судебного органа России «препятствует процессу унификации стандартов в области прав и свобод человека и не способствует ориентации нижестоящих судов общей юрисдикции на правильное и корректное использование правовых позиций Европейского суда по правам человека при отправлении правосудия, что в конечном итоге препятствует реализации тех целей, на достижение которых была направлена ратификация Конвенции и признание юрисдикции Европейского суда по правам человека» [3].

Для более эффективного усвоения европейского опыта в сфере прав и свобод человека российским судам необходимо повышать уровень информированности судей касательно актов ЕСПЧ. Вспомогательными средствами для этого могут служить средства массовой информации и различного рода научные мероприятия: конференции, «круглые столы», семинары, симпозиумы. Необходимо также создать систему официального перевода и публикации решений ЕСПЧ, благодаря чему судебные и административные органы смогут обращаться к базам официальных данных при вынесении решений.

Нельзя не сказать и о том, что стандарты российского юридического образования не включают в себя изучение прецедентов ЕСПЧ. Благодаря введению в учебные планы по профилю подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (уровень подготовки — магистратура) обязательной учебной дисциплины «Россия и Европейский суд по правам человека» среди судей появятся практикующие юристы, которые будут способствовать более эффективному исполнению решений ЕСПЧ.

Наше государство стремится к более эффективному исполнению актов Европейского суда по правам человека, однако на этом пути остается ряд проблем, многие из которых можно разрешить, только внося изменения и дополнения в действующее российское законодательство.

Библиографический список

[1] *Валиуллина И. Ф.* Составляющие права на жизнь: доктринальные подходы и трактовка в судебных решениях // Теория и практика общественного развития. — 2017. — № 3. — С. 42–45.

[2] *Гусаченко Е. К.* К вопросу о судебной защите права на жизнь в Российской Федерации // *Инновационная наука*. — 2017. — № 3. — С. 112–115.

[3] *Дидикин А. Б.* Влияние решений Европейского суда по правам человека на российское судопроизводство [Электронный ресурс] // URL: [http:// www.webcache.googleusercontent.com](http://www.webcache.googleusercontent.com) (дата обращения: 07 марта 2019 г.).

[4] *Жерновой М. В.* Проблемы реализации решений ЕСПЧ в России // *Налоги*. — 2010. — № 39. — С. 27–29.

[5] *Зорькин В. Д.* Взаимодействие национального и наднационального правосудия на современном этапе: новые перспективы // *Сравнительное конституционное обозрение*. — 2012. — № 5. — С. 45–53.

[6] *Рехтина И. В.* Проблемы применения Постановлений ЕСПЧ в судебной деятельности // *Вопросы современной юриспруденции*: сб. ст. по мат. XVI междунар. научн.-практ. конф. — Новосибирск: СибАК, 2012. — С. 21–25.

[7] *Стремоухов А. В.* Генезис прав человека в международном праве // *Царскосельские чтения*. — 2017. — № 4. — С. 148–152.

[8] *Shevchenko G. N.* Do We Need the European Court of Human Rights as a Supranational Body? // *Russian Law: theory and practice*. — 2016. — № 1. — С. 99–112.

УДК 342.9

*Ващенко Виктория Алексеевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Понятие конфликта интересов. Порядок и способы его урегулирования в Федеральной службе судебных приставов России

В настоящее время распространены ситуации, в ходе которых представители различных социальных групп, общественных объединений и государственных структур лоббируют свои интересы с использованием служебного положения. В данном случае наблюдается руководство личными мотивами и злоупотребление должностными полномочиями для получения собственной выгоды. В связи с

этим актуальным является определение понятия «конфликт интересов».

В ст. 13 рекомендации N R(2000)10 Комитета министров Совета Европы о кодексах поведения для государственных служащих от 11 мая 2000 г. дается дефиниция конфликта интересов: «...конфликт интересов возникает в такой ситуации, когда государственный служащий имеет личный интерес, могущий повлиять или показаться влияющим на беспристрастное и объективное выполнение им своих официальных обязанностей» [1, с. 120].

Понятие конфликта интересов, применимое к государственной гражданской службе Российской Федерации, закреплено в ч. 1 ст. 10 федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Согласно этой статье конфликт интересов рассматривается как «ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)».

Проблема урегулирования конфликта интересов в Федеральной службе судебных приставов (ФССП) зависит от таких институциональных оснований, как:

- 1) распространение коррупционных правонарушений в государственных органах в силу частой практики применения дисциплинарных взысканий за малозначительные деяния;
- 2) недостаточность у регулирования данного вопроса в нормативных правовых актах и локальных актах ФССП.

Стоит отметить, что при правоприменении ч. 1 ст. 10 федерального закона «О противодействии коррупции» возникает вопрос, какой субъект должен принимать решение о привлечении судебного пристава к ответственности. Например, ч. 1 и ч. 2 ст. 19 федерального закона «О судебных приставах» от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ устанавливает, что «постановления, действия (бездействие) судебного пристава могут быть обжалованы вышестоящему должностному лицу или в суд» и «судебный пристав несет ответственность за проступки и правонарушения в соответствии с законодательством Российской Федерации», однако в федеральном законе не предусмотрена статья о привлечении лица к дисциплинарной ответственности и не прописано, кем и на каких основаниях судебный пристав может быть к ней привлечен [2, с. 33].

Таким образом, одним из предложений по совершенствованию мер предотвращения конфликта интересов может служить внесение в федеральный закон «О судебных приставах» статьи, устанавлива-

ющей основания привлечения к дисциплинарной ответственности, субъекта, ее назначающего, а также перечень дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, увольнение с государственной гражданской службы, в частности увольнение в связи с утратой доверия.

Также важно отметить, что конфликт интересов — понятие оценочное, поэтому на практике сложно установить, намеренно ли судебный пристав злоупотребил своими полномочиями или допустил ошибку при их реализации.

Целесообразным представляется закрепление в подзаконных актах и должностных регламентах ФССП перечня типовых ситуаций, которые могут повлечь за собой конфликт интересов, а также рекомендаций для судебных приставов по его урегулированию. В данном случае могут быть разработаны методические материалы, а также проведены мероприятия по разъяснению важности недопустимости конфликта интересов на государственной службе.

Одним из существенных аспектов регулирования коллизии интересов является совершенствование взаимодействия между Федеральным комитетом по борьбе с коррупцией и Комиссией по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих ФССП и регулированию конфликта интересов ФССП. Таким образом будут реализованы превентивные меры, поскольку судебные приставы будут подвержены максимальному контролю и, вероятно, увеличится число случаев привлечения к ответственности.

Помимо причин возникновения конфликта интересов значение имеют и условия, при которых он развивается. Например, несоблюдение служебной дисциплины, отсутствие контроля над реализацией деятельности со стороны общественности. В данном вопросе могут быть приняты меры по взаимодействию с обществом и установлению контроля над структурными органами принудительного исполнения с использованием различных информационных каналов, в том числе сети «Интернет», с помощью создания игр и транслирования телепередач, посвященных различным коррупционным правонарушениям, в том числе конфликту интересов. Так общество может выражать свое мнение о деятельности ФССП в целом, а также приводить конкретные примеры, связанные с определенным должностным лицом.

Таким образом, конфликт интересов является сложным и оценочным понятием. По этой причине его урегулирование требует рассмотрения различных точек зрения и принятия комплексных мер по борьбе не только с данным явлением, но и с коррупционными правонарушениями в целом.

Библиографический список

[1] *Барабашев А. Г., Кабышев С. В.* Реформа государственной службы: канадский опыт и российская действительность // отв. ред. А. Г. Барабашев, С. В. Кабышев. — М., 2006. — С. 114–130.

[2] *Костюк О. Н.* О соотношении понятий «конфликт интересов» и «коррупция» на государственной службе Российской Федерации // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. — 2012. — № 4 (70). — С. 29–34.

[3] *Ноздрачев А. Ф.* Меры профилактики и контроля конфликта интересов по законодательству Российской Федерации и зарубежных государств // Административное право и процесс. — 2017. — № 5. — С. 4–14.

[4] *Шевченко Р. Н.* Понятие конфликта интересов в российской правовой доктрине // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2016. — № 34. — С. 95–100.

УДК 347.4

*Великанова Полина Игоревна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Правовая природа подарочных сертификатов

В последние несколько лет большую популярность в сфере гражданского оборота получило использование подарочного сертификата. Однако на законодательном уровне до сих пор отсутствует формулировка понятия «подарочный сертификат», а также правила его обращения.

На данный момент отношения, связанные с использованием подарочных сертификатов, нормами российского законодательства прямо не регулируются. Также можно указать на отсутствие в правовых нормах определения подарочного сертификата, поэтому некоторую сложность представляет установление конкретного вида договора, который необходимо заключить с приобретателем данного сертификата. Теория и практика российского гражданского права позволяет сделать вывод, что использование подарочных сертификатов нуждается в доктринальном закреплении его понятия, квалификации, содержания и условий его использования.

© Великанова П. И., 2019

В науке сложились различные точки зрения на юридическую квалификацию и сущность подарочного сертификата, однако некоторые из них имеют серьезные недостатки [2, с. 110].

Отнесение подарочного сертификата к ценным бумагам не представляется возможным, поскольку в законодательстве о ценных бумагах такое понятие отсутствует, а также не содержится порядок отнесения подарочного сертификата к ценным бумагам [1, с. 189].

Подарочный сертификат можно определить как документ, удостоверяющий имущественные права его держателя: право на приобретение у лица, выпустившего подарочный сертификат, товара в конкретном ассортименте на сумму, указанную в подарочном сертификате. Подобное определение подарочного сертификата содержится в письме Министерства финансов РФ от 25 апреля 2011 г. № 03-03-06/1/268.

Некоторые исследователи указывают, что подарочный сертификат не может являться товаром и предметом договора купли-продажи, поскольку в соответствии с законодательством товаром именуется продукт труда, произведенный для дальнейшей продажи, который имеет два свойства: потребительскую стоимость и стоимость.

Подарочный сертификат имеет определенную стоимость, но она не соответствует той цене, за которую подарочный сертификат приобретается потребителем. Сертификат сам по себе не имеет также потребительской стоимости, т. е. не обладает полезностью, не способен удовлетворить какую-либо потребность человека. Он является лишь подтверждением перечисления денежных средств эмитенту — лицу, выдавшему сертификат.

Судебная практика, рассматривая дела в рамках проблематики вопроса, указывает, что передача покупателю подарочного сертификата есть передача товара, что тоже не совсем верно.

Реализацию подарочного сертификата нельзя квалифицировать и как договор розничной купли-продажи, поскольку по договору розничной купли-продажи продавец обязуется передать товар, пригодный для личного, семейного, домашнего и иного не связанного с предпринимательской деятельностью потребления. Как сказано ранее, подарочный сертификат не является товаром и, соответственно, не может быть предметом договора розничной купли-продажи.

Важное мнение по поводу природы и сущности подарочного сертификата высказал Верховный Суд РФ в определении № 57КГ-15-7, указав на то, что такой сертификат является авансом, т. е. предварительной оплатой по договору купли-продажи за товар, который будет приобретен в будущем. Верховный Суд РФ всю не считает сделку с подарочным сертификатом самостоятельной и разделяет ее на несколько этапов.

Такой позиции придерживается и Минфин России в письме от 25 апреля 2011 г. № 03-03-06/1/268, где отмечено, что денежные средства, полученные при реализации подарочных сертификатов, фактически являются предварительной оплатой товаров, которые могут приобретаться позже.

Если подарочный сертификат удостоверяет внесение аванса, применить квалификацию подарочного сертификата в целом нельзя. Такой подход допустим лишь к определенным видам сертификатов, поскольку при покупке подарочного сертификата товары, которые будут приобретены в будущем, а также их количество изначально не конкретизированы. Если на сертификате указана определенная сумма, на которую может быть приобретен товар, то невозможно квалифицировать подарочный сертификат как аванс, а значит, данная точка зрения вызывает сомнения.

Некоторые юристы считают, что отношения, возникающие при покупке подарочного сертификата, можно рассмотреть как непоименованный гражданско-правовой договор, по которому продавец передает покупателю имущественное право покупки у первой стороны товара, на сумму указанную в сертификате.

Таим образом, точную квалификацию подарочного сертификата дать сложно. Если известен предмет договора, указанный в подарочном сертификате, что делает этот договор заключенным, а сумма, которую покупатель передает продавцу, является предварительной оплатой, имеет смысл говорить о закреплении в законодательстве определенной формы аванса, обратив внимание на такой вид, как уплата денежных средств за подарочный сертификат.

В целях защиты прав потребителей, единообразного толкования отношений, складывающихся при использовании подарочных сертификатов, необходимо разработать правила выпуска, выдачи и погашения подарочных сертификатов и включить данные правила отдельной главой в действующие Правила продажи отдельных видов товаров [3].

Библиографический список

[1] *Грибанов В. В.* Гражданское право: учебник в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2004–2005. — Т. 1. — 720 с.

[2] *Пашацкая Л. В.* Принципы добросовестности и свободы договора в договоре розничной купли-продажи: дис. <...> канд. юр. наук. — Саратов, 2014. — 208 с.

[3] *Сатдикова Л. В.* Непоименованные договоры в сфере оказания консультационных услуг // Юридический мир. — 2009. — № 9. — С. 34-38.

Административно-правовые аспекты народной медицины в Российской Федерации

Охрана здоровья населения страны является важнейшей задачей государства. Основным инструментом реализации права на охрану здоровья выступает медицинская деятельность.

На основании Конституции РФ (далее: КРФ) «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь» (п. 1, 2 ст. 41). Для реализации данных прав в Российской Федерации (далее РФ) создаются и финансируются программы разного уровня, направленные на охрану здоровья населения, развитие системы здравоохранения, на приобщение населения к физической культуре и спорту.

Однако, несмотря на интенсивное развитие здравоохранения, в РФ и других странах мира, население активно применяет традиционную (народную) медицину. В клиниках и иных медицинских учреждениях закрепляют методы традиционной (восточной, отечественной) медицины.

На основании федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (далее: № 323-ФЗ) под народной медициной понимаются методы оздоровления, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья. К данному виду деятельности не относится оказание услуг оккультно-магического характера и совершение религиозных обрядов.

Право на занятие традиционной медициной имеет гражданин, получивший разрешение от органов исполнительной власти субъекта РФ в сфере здравоохранения. Так, согласно ст. 72 КРФ, вопросы здравоохранения относятся к совместному введению РФ и ее субъектов. Например, в соответствии с законом Республики Крым от 29 декабря 2016 г. №341-ЗРК/2016 «О здравоохранении в Республике Крым» порядок занятия народной медициной устанавливается Советом министров Республики Крым [1].

Также следует отметить отсутствие законодательного регулирования в сфере получения лицензий на занятие народной медициной. В федеральном законе «О лицензировании отдельных видов деятельности» нет закрепления обязанности получения лицензии для осуществления традиционной медицины. Таким образом, по законодательству РФ народная медицина не рассматривается в качестве разновидности медицинской деятельности, однако ее относят к системе здравоохранения.

Кроме того, в судебном порядке было доказано, что реализация народной медицины относится к медицинской деятельности и вследствие этого подлежит лицензированию (решение Верховного Суда РФ от 24 сентября 1998 г. №ГКПИ 98-435).

На основании вышесказанного представляется целесообразным внести изменения в ст. 12 (перечень видов деятельности, которые требуют лицензии) федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» и закрепить обязательное лицензирование народной медицины.

В случае нарушения прав населения в данной сфере существует действенный способ защиты: административная ответственность. В ст. 6.2 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее: КоАП РФ) предусматривается административная ответственность за незаконное занятие народной медициной. На основании данной статьи лицо в случае занятия народной медициной без разрешения будет подвергнуто административному штрафу в размере от 2 до 4 тыс. руб.

Согласно судебной статистике, за первое полугодие 2018 г. за незаконное занятие народной медициной были привлечены 3 человека, за 2017 г. — 14 человек, за 2007 г. — 67 человек [2]. Однако на сегодняшний день, количество «целителей» увеличилось. Данный процесс связан с развитием информационной сети «Интернет», где лица, предоставляющие данные услуги, могут размещать свои объявления. Поэтому данные статистики не отражают реальную ситуацию в стране. Это, в свою очередь, свидетельствует о незаинтересованности правоохранительных органов в пресечении данного вида правонарушений.

В заключение следует отметить, что в РФ и во всем мире возрастает потребность населения в средствах и методах народной медицины. Однако для полной реализации средств и методов народной медицины необходимо вносить изменения в законодательство с целью четкого определения границ действия народной медицины в России. Кроме того, необходимо ввести обязательное лицензирование народной медицины. Вышеуказанные предложения необходимы во избежание негативного результата для населения и для «целителей».

Библиографический список

[1] Закон Республики Крым «О здравоохранении в Республике Крым» от 29 декабря 2016 года № 341-ЗРК/2016 // СПС «Консультант Плюс».

[2] Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4758> (дата обращения 21 января 2019).

Новый участник уголовного процесса, процессуальный статус которого регламентирован статьей 56.1 УПК РФ

Из года в год законодательство Российской Федерации претерпевает многочисленные изменения. Одним из важнейших изменений стало вступление в силу федерального закона от 30 октября 2018 г. № 376 ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ». Указанный федеральный закон дополнил Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) ст. 56.1 «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве», которая регламентирует права нового участника уголовного процесса. Указанные изменения в УПК РФ вступили в силу на основании постановления Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. №17-П.2. Ст. 56.1 отнесена к гл. 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства».

Таким образом, законодатель отнес лицо, совершившее преступление и признавшее свою вину в содеянном, а также воспользовавшееся правом на особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в группу лиц, которые не заинтересованы в рассмотрении уголовного дела, что в корне противоречит доктрине уголовно-процессуального права, утверждающей, что участники уголовного процесса, обладая правами и неся процессуальные обязанности, могут повлиять на ход и принятие итогового решения по уголовному делу.

Российские ученые-юристы дают следующую классификацию участников уголовного судопроизводства:

- 1) суд;
- 2) участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения;
- 3) участники уголовного судопроизводства со стороны защиты;
- 4) иные участники уголовного судопроизводства [1].

При этом именование участников уголовного судопроизводства связано в первую очередь с функциями, которые они выполняют, а также с правами, обязанностями и ответственностью.

Таким образом, смешение функций участников уголовного процесса, наблюдаемое в действующей ст. 56.1 УПК РФ, недопустимо. Судя по всему, логика законодателя направлена на дальнейшую разработку и введение новых норм в УПК РФ, которые будут регламентировать ряд новых участников уголовного судопроизводства (например,

«лицо, в отношении которого проводится дознание в сокращенной форме в связи с наличием у лица такого права»).

Ввиду позиции Конституционного суда РФ, изложенной в постановлении от 20 июля 2016 г. 17-П.2, обвиняемый, уголовное дело в отношении которого введено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, с учетом его правового положения в случае необходимости его участия в рассмотрении уголовного дела в суде по основному уголовному делу в отношении соучастников преступления не имеет по такому уголовному делу процессуального статуса обвиняемого либо свидетеля [2].

Однако в рассматриваемой ст. 56.1 УПК РФ процессуальный статус обвиняемого, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, по непонятной причине основывается на процессуальном статусе свидетеля, чьи права, обязанности и ответственность определены в ст. 56 УПК РФ.

Кроме того, федеральным законом от 30 октября 2018 г. № 376 ФЗ предусмотрен порядок допроса в суде лица, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, регламентированный в УПК РФ ст. 281.1. При этом положения указанной статьи основаны на ст. 278, 279, 281 УПК РФ.

Исходя из изложенного, надлежит сделать вывод, что законодатель рассматривает указанное лицо как «особого свидетеля». Соответственно, показания, данные им на стадии предварительного расследования и в суде, соответствуют такому виду доказательства, как показания свидетеля (п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Таким образом, в настоящее время в связи с введением в действие ст. 56.1 УПК РФ в уголовно-правовом законодательстве наблюдаются следующие пробелы:

- 1) смешение процессуальных статусов;
- 2) невозможность использования в качестве доказательств показаний такого лица в связи с отсутствием соответствующей нормы.

В целях восполнения указанных пробелов уголовно-процессуального законодательства целесообразно признать ст. 56.1 УПК РФ утратившей силу, УПК РФ дополнить ст. 47.1 [3], регламентирующей процессуальный статус «особого свидетеля», заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве и давшего согласие на участие в процессуальных действиях по основному уголовному делу в отношении соучастников преступления. Вместе с тем необходимо дополнить ст. 74 УПК РФ отдельным видом доказательств, которым будут являться показания указанного субъекта уголовного судопроизводства.

Библиографический список

- [1] *Бастрыкин А. И.* Уголовный процесс. — М., 2013. — С. 68–80.
- [2] Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // СПС «Консультант Плюс».
- [3] *Авдеев В. Н., Воскобойник И. О.* Некоторые размышления относительно регламентации в ст. 56.1 УПК РФ процессуального статуса нового участника уголовного процесса // Российская юстиция. — 2019. — 2. — С. 42–44.

УДК 342.5

*Воронов Данил Алексеевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Социальные последствия коррупции в сфере жилищно-коммунального хозяйства

В соответствии со ст. 1 федерального закона от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

На 2017 г. по рейтингу восприятия коррупции, где 0 — полностью коррумпированная страна, а 100 — полное отсутствие коррупции, Российская Федерация занимала 135-е место с 29 баллами. Такая ситуация показывает, что противодействие коррупции в нашей стране крайне необходимо [3].

За коррупционные преступления в Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность. Так, например, максимальная санкция за получение должностным лицом взятки в соответствии с ч. 1 ст. 290 УК РФ — лишение свободы до трех лет, а в случае полу-

чения взятки с ее вымогательством в соответствии с п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ — лишение свободы на срок от семи до двенадцати лет.

Уголовным законодательством Российской Федерации предусмотрено наказание не только за получение взятки, но и за ее дачу: лишение свободы на срок до двух лет (ч. 1 ст. 291 УК РФ).

На данный момент проблема коррумпированности охватывает широкий спектр экономических сфер. Наиболее остро вопрос коррупции стоит в сфере жилищно-коммунального хозяйства, поскольку содержание и поддержка в нормальном состоянии жилищного фонда, предоставление коммунальных услуг, их обслуживание необходимы каждому человеку.

Говоря о коррупции в сфере жилищно-коммунального хозяйства, необходимо отметить, что это одна из важнейших отраслей экономики, ибо она производит жизненно необходимые блага для всего населения. При этом обороты жилищно-коммунального хозяйства составляют около 6% всего ВВП РФ. По данным статистики, структура жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации является одной из самых широких и разветвленных в мире и включает практически 40 тыс. предприятий, на которых работают около 2 млн человек.

По итогам 2017 г. объем ввода жилья в России составил 78,6 млн кв. м. Ежегодно в эксплуатацию вводится около 80 млн кв. м. Протяженность сетей для водоснабжения приблизилась к 600 тыс. км, для теплоснабжения — к 200 тыс. км. Из таких показателей следует, что контролировать ситуацию крайне тяжело. Именно сложность контроля порождает разветвленную систему коррупционных схем [4].

Одной из главных проблем является установление тарифов. В соответствии с ч. 1 ст. 157 ЖК РФ размер платы за коммунальные услуги рассчитывается исходя из объема потребляемых коммунальных услуг, определяемого по показаниям приборов учета, а при их отсутствии исходя из нормативов потребления коммунальных услуг (в том числе нормативов накопления твердых коммунальных отходов), утверждаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном правительством РФ. На основе данной нормы строится вполне простая коррупционная схема. Не стоит забывать, что компании, обслуживающие ЖКХ, занимаются предпринимательской деятельностью и, соответственно, желают извлечь максимальную прибыль. Для повышения тарифа и увеличения прибыли необходимо «поделиться» ее частью с представителями власти субъекта, после чего региональные управляющие компании имеют полное право изменять тарифы в пределах шкалы, установленной правительством РФ.

Несмотря на то, что жилищно-коммунальное хозяйство является сферой предпринимательской деятельности, приток инвестиций в него практически нулевой. В результате отсутствия инвестиций, нарушается взаимосвязь государства и предпринимательства.

Решение этой проблемы приведет к партнерству предпринимательства и государства, поскольку обе стороны будут заинтересованы, что станет и решением проблемы завышения тарифов, и снижения уровня коррупции.

Из проблемы отсутствия инвестиций, а также завышения тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства, вырастает еще одна крупная проблема: финансирование данной сферы государством. Причиной появления этой проблемы является большая задолженность управляющих компаний перед ресурсоснабжающими организациями, возникающая из-за задолженности граждан перед управляющими компаниями. Например, на 2018 г. задолженность управляющих компаний Санкт-Петербурга составляет 10,6 млрд рублей. При этом необходимо заметить, что тарифы жилищно-коммунального хозяйства с 1 июля 2018 г. по 31 декабря 2018 г. выросли на 6% [1].

Но проблема наличия горячей воды в летнее время либо нормального отопления помещений из года в год не решается. Поэтому граждане не понимают, за что они платят, и перестают платить, а зачастую просто не имеют финансовых средств для оплаты таких дорогих коммунальных услуг. Несмотря на это, жилищно-коммунальные услуги необходимы для нормальной жизнедеятельности людей, поэтому государству приходится финансировать данную сферу.

Также, важно отметить, что в структуру жилищно-коммунального хозяйства входят и ресурсоснабжающие организации, которые предоставляют газификацию, водоснабжение, отопление и т. д. Согласно статистическим данным, на сегодняшний день износ сетей по всей Российской Федерации составляет до 90%. Необходим капитальный ремонт всех сетей ресурсоснабжающих организаций, но на деле осуществляется только частичный ремонт, причем проводится он в основном в зимнее время, что снижает качество и повышает цену работ.

Причину несложно увидеть: халатное отношение чиновников к этой проблеме при отсутствии реального наказания.

Тем не менее борьба с коррупцией в сфере жилищно-коммунального хозяйства ведется недостаточно жестко. К 2018 г. было расследовано и закончено большое количество громких дел.

Так, например, одним из самых громких было дело Андрея Кадкина, учредителя строительной компании «Петроком». По версии следствия, в 2010 году комитет по энергетике Санкт-Петербурга заключил с «Петрокомом» контракт на строительство и ремонт теплосетей, но компания закупила некачественные трубы с поддельной документацией. По данным следователей, в результате этого по городу было проложено около 600 километров не соответствующих стандартам труб, что привело к многочисленным авариям. Кадкина обвинили в хищении из бюджета Санкт-Петербурга 3 млрд руб. Для компенсации нанесенного ущерба Кадкин перечислил в бюджет 15 млн руб. Однако по приговору суда ущерб, со-

гласно экспертизам, составил всего 1,3 млн руб. При этом, по данным полиции, в ходе обысков по месту жительства обвиняемых было изъято около 25 млн руб. (810 тыс. долл.), 200 тысяч евро, 100 тыс. долл., а также свидетельства о собственности на квартиры в элитных районах Санкт-Петербурга, загородную недвижимость и земельные участки [5].

Статистика свидетельствует, что, по мнению граждан, жилищно-коммунальное хозяйство является второй по уровню коррупции сферой после медицины. По данным ВЦИОМ, почти четверть респондентов (24%) полагают, что коррупцией поражено все общество в целом. Также опрошенные указывали на ЖКХ и полицию (по 16%), судебную систему (14%) и органы местной власти (14%) [2].

Подводя итоги, можно сказать, что с коррупцией в сфере жилищно-коммунального хозяйства можно и нужно бороться. Для этого следует выполнить следующее:

1) разработать точную систему расчета тарифов за услуги жилищно-коммунального хозяйства, возможно при этом лишив таких полномочий власти субъекта и передав их федеральным властям во избежание появления коррупционных схем между региональной властью и управляющими компаниями;

2) разработать систему учета ресурсов, предоставляемых жилищно-коммунальным хозяйством, которая позволит привлечь инвестирование в данную сферу, а также оценить эффект мер по энергосбережению, что приведет к снижению долга и уменьшению дотационности сферы;

3) разработать систему возможного партнерства государства и бизнеса, которая позволит снизить уровень коррупции за счет взаимного интереса обоих участников;

4) ввести в полномочия властей субъектов ведение архива, а также учет ресурсов, что позволит устанавливать более адекватные и обоснованные тарифы по услугам для граждан.

Библиографический список

[1] Новые тарифы ЖКХ с 1 июля 2018 года: таблица по регионам [Электронный ресурс] // URL: <https://buhguru.com> (дата обращения 21 января 2019 г.).

[2] Россияне поверили в успех в борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] // URL: <https://iz.ru> (дата обращения 21 января 2019 г.).

[3] Список стран по индексу восприятия коррупции проведение [Электронный ресурс] // URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 21 января 2019 г.).

[4] Управляющие компании [Электронный ресурс] // URL: <http://www.zhkh.su> (дата обращения 21 января 2019 г.).

[5] «Трубное дело» усохло до миллиона [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fontanka.ru> (дата обращения 21 января 2019 г.).

*Бойко Инна Андреевна,
студентка Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Проблемы зарождения «электрического экстремизма» в современных идеологических течениях

Нельзя отрицать, что не только научно-технический прогресс, но и обыденная жизнь большинства людей в цивилизованных государствах напрямую зависят от наличия электричества.

Благодаря ему работают светофоры, системы коммуникаций, транспорт и жизненно необходимые учреждения, включая больницы, исправительные учреждения, станции МЧС и многое другое.

Большая часть населения принимает электроснабжение как должное, осознавая его значимость для жизни. Однако отдельные секты и течения категорически не приемлют любые блага цивилизации, предпочитая следование обычаям и традициям предков, у которых эти блага отсутствовали. И в своем неприятии иногда преступают закон.

В целом вопрос деструктивных организаций, в частности религиозных, стоит сейчас весьма остро. Религиозный плюрализм породил огромное количество разнообразных течений и направлений, ответвлений от мировых религий. Ограничения, наложенные законодательством, не всегда служат гарантом безопасности конкретной организации для социума. Стоит вспомнить хотя бы «Свидетелей Иеговы», просуществовавших на законных основаниях много лет и запрещенных только недавно.

В настоящее время набирает обороты движение против электричества. Преимущественно к нему примыкают люди, относящие себя к православному христианству и избравшие жизнь в сельской местности с ведением натурального хозяйства и отказом от продуктов массового производства.

Первоначально позиция состояла в отказе от благ цивилизации, средств массовой информации и традиционной медицины, в пропаганде жизни на собственной земле в соответствии со своими представлениями. В этой среде исповедовалась и исповедуется жесткая форма православия, включающая следование всем основным религиозным положениям и традициям, обычаям «Домостроя», а кроме того, отрицание науки и непризнание ее достижений.

Постепенно круг субъектов, которым они стремятся донести свою идеологию, расширяется, вплоть до идеи о «спасении» всего человечества, пусть даже против его воли.

Для понимания стремлений участников движения следует понимать их ценностные установки.

Как уже было сказано выше, это полное отрицание науки и ее достижений. Наиболее правильным считается жизнь в условиях «традиционного крестьянства»: несколько самообеспечивающихся подворий, объединенных в общину, должны существовать автономно, ограничиваясь мелкой бартерной торговлей (либо торговлей с использованием золотых и серебряных монет) с другими подворьями или общинами, в случае если какой-либо необходимый продукт не может быть получен своими силами. Центральные коммуникации: газо-, водо- и электроснабжения, а также, естественно, телерадиовещания и доступа к сети «Интернет» быть не должно, ибо считается, что пить можно только колодезную воду, поскольку в ней нет «химии», а электричество и все, что с ним связано, тлетворно влияет на людей, развращая их и делая морально слабыми.

Продукты массового производства считаются неживыми, а все технологии — вредными, созданными «учеными-колдунами» для уничтожения народа.

Примечательно, что свои идеи движение распространяет при помощи сети «Интернет».

С точки зрения участников движения, электричество способствует упадку нравственности, поскольку позволяет людям жить, не прикладывая никаких усилий, получать растлевающие их сведения, уводит от здорового образа жизни, а кроме того, обслуживает науку и традиционную медицину, которая считается вредной и жестокой. Особенный упор делается на невозможность проведения аборт в условиях его отсутствия.

Основные тезисы против электричества, выдвигаемые идеологами движения, таковы:

1) электричество позволяет неким «мировым властям» манипулировать массами, используя их для достижения собственных целей;

2) электричество загоняет людей в города, отдаляет от их корней и заставляет жить пустой жизнью потребителей;

3) с помощью электричества создают «отравленные», вредные продукты, под которыми подразумевается все, что не выращено своими руками на своей земле;

4) электричество играет решающую роль в ухудшении экологической обстановки на Земле;

5) электричество позволяет существовать «медицине Парацельса», т. е. традиционной, направленной на получение прибыли и подрыв здоровья и нравственности населения;

6) электричество способствует развитию экономических и политических проблем, под которыми подразумевается зачастую наличие власти, системы налогообложения и кредитования в целом.

Основной проблемой этой идеологии является целеустремленность ее участников. Они не только обсуждают негативное влияние

электричества, но и всерьез разрабатывают способы его ликвидации путем уничтожения линий электропередач. Более того, обсуждение ведется не только в пределах тематических сообществ в сети «Интернет», но и на реальных закрытых собраниях, вход на которые осуществляется только по личной записи у лидеров движения.

Опасность заключается в вероятности перехода от обсуждения к непосредственным действиям, которые можно квалифицировать по ст. 215² Уголовного кодекса РФ (УК РФ). В данном случае уместно говорить о хулиганских побуждениях участников движения, поскольку они выражают явное пренебрежение к обществу, его ценностям и устоям, отрицают необходимость благ цивилизации (в том числе электроснабжения) для нормальной жизнедеятельности людей, а также намеренно игнорируют возможность причинения вреда жизни и здоровью граждан в случае внезапного прекращения подачи электричества.

В рассматриваемом движении можно найти признаки экстремизма, ибо оно пропагандирует исключительность социальной группы «крестьян», явственно выказывая пренебрежение и выдвигая тезисы о неполноценности городского населения.

Соответственно, в действиях участников виден преступный умысел. Определенную часть заявлений и публикаций можно рассматривать как призывы к осуществлению экстремистской деятельности, так как одну из ключевых ролей в них играет подчеркивание превосходства социальной группы участников движения над другими, неполноценность которых активно упоминается.

Непосредственные призывы к уничтожению объектов жизнеобеспечения можно рассматривать как подстрекательство к совершению преступления в силу того, что они адресованы конкретной группе лиц, заинтересованной в повсеместном отключении электричества. Особенно это заметно в рамках проведения «живых» собраний.

Стоит отметить, что на данный момент движение не запрещено на территории Российской Федерации, хотя помимо призывов к уничтожению коммуникаций выдвигает еще ряд антиобщественных положений. Возможно, причиной тому пока еще сравнительно небольшое число участников (несмотря на публичность некоторых из них), неорганизованность, отсутствие четко выраженной линии действий.

В публикациях участники движения не скупятся на грубые выражения, всячески подчеркивая при этом значимость своих идей. Помимо общих призывов идеологи движения предлагают конкретные действия, носящие явно преступный характер, осуществление которых повлечет реальную угрозу безопасности общества и государства.

Наличие прямых указаний к действию не свидетельствует, очевидно, о четком намерении их распространителей непосредственно осуществлять преступную деятельность, однако такие призывы могут

вызвать у последователей, в чьих глазах идеологи движения обладают большим авторитетом, желание последовать этим указаниям.

Причем участники движения осознают опасность, которую создаст повреждение линий электропередачи, однако позиционируют вредные последствия как благо либо как необходимую ступень перехода к идеальному в их понимании жизненному укладу.

Главной проблемой течения является его незаметность. Несмотря на то что основные идеологи нередко появляются на публике, с удовольствием предлагая свои концепции широкой аудитории, их не принято воспринимать всерьез. Однако нельзя игнорировать возможность скорого перехода от слов к делу, поэтому следует со всей серьезностью относиться к таким призывам, какими бы абсурдными они ни казались. Необходимо принимать меры для изъятия материалов из широкого доступа и привлечения участников, в первую очередь лидеров движения, к ответственности, особенно с учетом опасной тенденции популяризации этих идей и появления все большего числа последователей.

Библиографический список

[1] *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство и современность: социологические и исторические очерки. — М., 1969. — 274 с.

[2] *Яблоков И. Н.* Социология религии. — М.: Мысль, 1979. — 182 с.

УДК 343.1

*Гаврилова Ирина Дмитриевна,
студентка Смоленского филиала Саратовской
государственной юридической академии*

Дознание в сокращенной форме как одна из упрощенных процедур в уголовном процессе

При расследовании и рассмотрении уголовного дела важно соблюдать разумные сроки, что на сегодняшний день возведено в разряд принципов судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ). Это призвано обеспечить права и законные интересы участвующих в деле граждан и организаций, а также связано с реализацией важнейших начал уголовного процесса, прежде всего принципа публичности и обеспечения права на доступ к правосудию. В целях оптимизации производства по уголовным делам и обеспечения процессуальной экономии законо-

дателем был предпринят ряд мер, в числе которых принятие в 2013 г. гл. 32.1 УПК РФ о производстве дознания в сокращенной форме. Другая причина принятия соответствующих поправок в УПК РФ заключается в реализации курса на либерализацию уголовного и уголовно-процессуального законодательства: так, согласно ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ, «в случае постановления обвинительного приговора по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, назначенное подсудимому наказание не может превышать одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление».

Согласно ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ, дознание в сокращенной форме производится, в случае если данное уголовное дело, возбужденное в отношении конкретного лица, по общему правилу (а не по письменному указанию прокурора) расследуется в форме дознания, подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, не оспаривает квалификацию деяния. Кроме того, должны отсутствовать препятствующие производству дознания в сокращенной форме обстоятельства, предусмотренные ст. 226.2 УПК. Так, только в общем порядке будет производиться дознание по делам, в которых подозреваемый является несовершеннолетним или относится к категории лиц, в отношении которых в соответствии с гл. 51 УПК РФ применяется особый порядок уголовного судопроизводства (депутат, судья и др.), либо подозревается в совершении двух и более преступлений, хотя бы одно из которых по общему правилу расследуется в форме предварительного следствия, либо не владеет языком, на котором ведется судопроизводство, либо есть основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера, либо против производства дознания в сокращенной форме возражает потерпевший.

При всех очевидных плюсах упрощения процедуры расследования (экономия времени и других ресурсов) существуют и некоторые проблемы института сокращенного дознания. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ подозреваемый (обвиняемый) и потерпевший или его представитель вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любой момент до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Закон не устанавливает требование мотивировать данное заявление, а потому лицо, в производстве которого находится соответствующее уголовное дело, обязано удовлетворить это ходатайство и перейти к производству дознания в общем порядке. Безусловно, наличие данной нормы не может не вызывать опасения правоприменителя: теоретически возможна ситуация, когда уголовное дело из суда возвращается дознавателю для проведения дознания в общем порядке, что означает

необходимость снова переходить к расследованию, казалось бы, уже законченного дела, осуществлять ряд процессуальных действий и составлять процессуальные документы в условиях крайней ограниченности во времени (согласно ч. 4 ст. 226.6 УПК РФ, срок, в течение которого производилось дознание в сокращенной форме, засчитывается в срок производства дознания в общем порядке). При этом теряется смысл дознания в сокращенной форме как процедуры, направленной на экономию времени и уголовно-процессуальных средств.

Законодатель предусмотрел подобного рода ситуацию и предпринял некоторые меры по защите интересов органов расследования от недобросовестных действий подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего или его представителя: наиболее важные следственные и иные процессуальные действия производятся и ключевые доказательства должны быть получены, поэтому в случае перехода от сокращенной формы дознания к общему порядку расследование дела с нуля вести не придется.

Вместе с тем описанная мера представляется недостаточной. Думается, необходимо установить обязанность лица, заявляющего ходатайство о прекращении дознания в сокращенной форме, мотивировать свое заявление (например, вводом в заблуждение компетентными органами или лицами, давлением с чьей-либо стороны). Соответственно, удовлетворение данного ходатайства лицом, в производстве которого находится уголовное дело, должно носить факультативный, а не императивный характер.

Стоит отметить, что производство дознания в сокращенной форме предполагает постановление приговора без проведения судебного разбирательства по правилам ст. 316 УК РФ. Это представляется разумным, поскольку в противном случае не произведенные в ходе предварительного расследования следственные и иные процессуальные действия пришлось бы осуществлять в суде. Вместе с тем приговор в данном случае не будет иметь преюдициального значения, что прямо оговорено в ст. 90 УПК РФ.

Представляют интерес вопросы доказывания в рамках сокращенного дознания, чему посвящена ст. 226.5 УПК РФ. Дознаватель собирает доказательства, которых достаточно для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. С учетом данного положения дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем (п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). В этой связи устанавливаются сокращенные сроки предварительного расследования.

Следственные и иные процессуальные действия в рамках сокращенного дознания не производятся, за исключением тех, невыполнение которых может повлечь за собой невозможную утрату сле-

дов преступления или иных доказательств (ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ). Во избежание самооговоров, а также с целью выявления возможных обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, законодатель предусмотрел некоторые исключения из данного правила.

Как можно предположить исходя из изложенного, предмет доказывания по уголовным делам, расследуемым в форме сокращенного дознания, сужается по сравнению с обозначенным в ст. 73 УПК. В частности, не исследуются смягчающие и отягчающие вину обстоятельства, мотивы совершения преступления, не выявляются обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Некоторые из этих данных могут быть исследованы в суде, однако, принимая во внимания положения ст. 316 УПК РФ, можно сделать вывод, что такое исследование в суде может и не осуществляться, поскольку норма, содержащаяся в ч. 5 ст. 316 УПК РФ, является диспозитивной.

В этой связи некоторые исследователи полагают, что сокращенное дознание препятствует реальной охране прав и свобод человека и гражданина и в полном объеме снимает с правоохранительных органов и судов задачу установления объективной истины по делу, а значит, искажает существо правосудия [2, с. 47].

А. А. Сумин считает, что ст. 226.5 УПК РФ, формулируя особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, не затронула положения ст. 73 УПК РФ об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, лишь снизив их необходимый объем [3, с. 7]. Приведенный в ч. 2 ст. 74 УПК перечень доказательств не предусматривает объяснений каких-либо лиц, что, на первый взгляд, может означать противоречие п. 2 ч. 3 ст. 226.5 и ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Вместе с тем объяснения можно отнести к категории «иные документы» (п. 6 ч. 2 ст. 74, ст. 84 УПК РФ); однако не все процессуалисты разделяют такую позицию [1]. Так, суть критики признания объяснений доказательствами обусловлена меньшим объемом формальных процедур при взятии у лица объяснений, чем при его допросе. Прочие документы также не всегда обладают процессуальной природой, но это не мешает признавать их доказательствами по делу.

Не способствует установлению объективной истины и вытекающее из норм гл. 32.1 УПК РФ уменьшение требований к объему доказательств по делу, о чем, как ранее отмечалось, писал А. А. Сумин. Однако нельзя однозначно говорить о нивелировании свойства достаточности доказательств при производстве сокращенного дознания: факты о наиболее существенных обстоятельствах по делу подлежат установлению, что следует из ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ. С точки зрения практики, совокупность собранных по делу доказательств и в случае производства дознания в сокращенной форме должна быть достаточной для разрешения уголовного дела по существу, в связи с чем в

ст. 226.5 УПК РФ определяются обязательные для производства следственные действия и круг обязательных для собирания доказательств. Таким образом, институт дознания в сокращенной форме требует совершенствования.

Библиографический список

[1] *Григорьев А. И.* Допустимость объяснений в качестве доказательств по уголовному делу [Электронный ресурс] // URL: <http://of-law.ru/stati/dopustimost-ob-yasnenij-v-kachestve-dokazatelstv-pogolovnomu-delu.html> (дата обращения 21 января 2019 г.).

[2] *Кругликов А. П.* Дополнение УПК РФ новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // *Российская юстиция.* — 2013. — № 7. — С. 45-50.

[3] *Сумин А. А.* Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // *Адвокат.* — 2013. — № 10. — С. 7.

УДК 342.9

*Борисова Елизавета Юрьевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Некоторые особенности ответственности опекунов и попечителей за вред, причиненный несовершеннолетними

Для начала стоит отметить, что по общему правилу рассматриваемого деликта, согласно п. 1 ст. 1073 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), за вредные последствия действий, причиненных несовершеннолетними, не достигшим возраста 14 лет (малолетними), ответственность несут родители (усыновители) или опекуны, если не докажут, что вред возник не по их вине.

Обязательства, возложенные на вышеперечисленных лиц, являются самостоятельным деликтом, с собственным составом условий гражданско-правовой ответственности: вред, противоправное поведение правонарушителя, связь между противоправным поведением и причиненным вредом, вина.

Целесообразно подробнее разобрать, что именно представляют собой вина и противоправные действия родителей (усыновителей) или опекунов. Во-первых, это ненадлежащее исполнение (игнорирование) воспитательных обязанностей, которые лежат на вышеуказанных лицах, во-вторых, безнадзорность опекаемого, в-третьих, девиантное поведение, выражающееся в превышении своих прав: давление, физические наказания и др.

Вина в данном случае является безусловной, и, следовательно, согласно закону, вышеуказанные ответственные лица должны предъявить доказательства надлежащего исполнения своих воспитательных функций в отношении несовершеннолетнего и отсутствия связи между своими воспитательными методами и причиненным вредом.

В соответствии с п. 3 ст. 39 ГК РФ «при оставлении подопечного без надзора и необходимой помощи орган опеки и попечительства может отстранить опекуна или попечителя от исполнения этих обязанностей и принять необходимые меры для привлечения виновного гражданина к установленной законом ответственности».

Данная норма устанавливает общее основание освобождения и отстранения от воспитательных, надзорных функций и применяется лишь при наличии вины опекуна и попечителя.

При выявлении вышеперечисленных нарушений для вышеуказанных лиц за ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей наступают следующие последствия:

1) привлечение к ответственности за причинение вреда подопечному (например, ст. 5.35. КоАП РФ);

2) отстранение от исполнения обязанностей в связи с ненадлежащим их исполнением (ст. 39 ГК РФ);

3) потеря права быть усыновителем, приемным родителем (п. 4 ст. 127, п. 3 ст. 146 СК РФ);

Согласно п. 2 ст. 1073 ГК РФ, «если малолетний гражданин, оставшийся без попечения родителей, помещен под надзор в соответствующее учреждение, то ответственность возлагается на данное учреждение».

Таким образом, положения ст. 1073 ГК РФ свидетельствуют об отсутствии деликтоспособности несовершеннолетних в возрасте до 14 лет.

Заметим, что при возмещении вреда потерпевшему абз. 2 п. 4 данной статьи устанавливает возможность учета имущественной ситуации, материального состояния причинителя вреда и т. д.

К другим возможным обстоятельствам относятся, во-первых, отсутствие достаточных средств у родителей (усыновителей), особенности опекунов для возмещения вреда, во-вторых, смерть перечисленных ранее лиц, в-третьих, наличие у причинителя вреда достаточных

средств (и стабильного материального состояния) для самостоятельного возмещения.

В вопросе о возмещении вреда нельзя оставить без внимания ст. 1074 ГК РФ, в которой п. 1 признает лиц от 14 до 18 лет деликтоспособными, устанавливая ответственность на общих основаниях.

Абзац 1 п. 2 ст. 1074 устанавливает субсидиарную ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним, как для родителей (усыновителей) или попечителей, так и для организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, под надзором которой находится причинитель вреда: «В случае, когда у несовершеннолетнего нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем (в том числе учреждением, осуществляющим функции попечителя), если они не докажут, что вред возник не по их вине».

Однако ответственность вышеуказанных лиц носит срочный характер: п. 3 ст. 1074 ГК РФ устанавливает прекращение обязательств вышеуказанных лиц по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетним ввиду достижения им совершеннолетия или же приобретения им полной дееспособности до 18 лет.

Ответственность вышеуказанных лиц имеет временный характер и прекращается при, во-первых, достижении причинителем вреда совершеннолетия, во-вторых, при приобретении несовершеннолетним полной дееспособности в результате эмансипации или в связи с вступлением в брак и, в-третьих, при наличии у несовершеннолетнего материальных средств в достаточном для возмещения вреда объеме. Стоит заметить, что во втором случае субсидиарная ответственность может как приостанавливаться, так и возобновляться при прекращении поступления несовершеннолетнему дохода.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» отмечено, что лица, несущие субсидиарную ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними, во всех случаях должны быть привлечены в деле как соответчики. Обязанность по возмещению вреда может быть возложена лишь при условии, что ответственность за причиненный вред возложена на самого несовершеннолетнего. Должно быть установлено, что вина субсидиарных ответчиков в ненадлежащем воспитании и ненадлежащем надзоре за несовершеннолетним находится в прямой причинной связи с его действиями по причинению вреда. Конечно, материальное положение лиц, не достигших совершеннолетия, редко можно охарактеризовать как устойчивое, и именно

поэтому обязанность по возмещению вреда вне зависимости от финансовой ситуации причинителя этого вреда возлагается на субсидиарных ответчиков.

Необходимо четко установить конкретные сроки выплат взысканий, поскольку сама обязанность субсидиарных ответчиков по возмещению вреда прекращается в связи с приобретением деликвентом полной дееспособности.

Говоря о назначении конечного срока производства взысканий, нельзя оставить без внимания игнорирование законодателем ограничения возможности потерпевшего получить возмещение понесенного вреда.

Данное утверждение исходит из п. 3 ст. 1074 ГК РФ, устанавливающего субсидиарную ответственность родителей, усыновителей, попечителей и организаций, где основанием прекращения будет достижение деликвентом совершеннолетия. Такое положение дел, в свою очередь, означает затруднение или даже потерю возможности получения потерпевшим возмещения, что представляется несправедливым, особенно при нарушении нематериальных прав.

Таким образом, стоит подчеркнуть ориентированность законодателя на социальные, гуманистические принципы, на которых строится ответственность опекунов и попечителей за вред, причиненный несовершеннолетними, и которые, в свою очередь, направлены на защиту интересов несовершеннолетних и тех, кому причинен вред.

Также необходимо внести изменения в рассматриваемый п. 3 ст. 1074 ГК РФ: установить правило, согласно которому обязанность субсидиарных должников не прекращается с достижением причинителем вреда совершеннолетия и единственным возможным основанием освобождения должника от этой ответственности будет появление стабильного дохода у деликвента.

Эти изменения необходимы для усовершенствования функционирования механизма возмещения вреда, направленного, как и сама ответственность, которую несут вышеуказанные лица, на восстановление справедливости.

Библиографический список

[1] *Богданов Д. Е.* Проблема ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними и недееспособными гражданами с позиции справедливости // *Актуальные проблемы гражданского права.* — 2012. — № 10. — С. 69–73.

[2] *Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого.* — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2004. — Т. 3. — 784 с.

*Вуйцик Анастасия Михайловна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

**Профилактика коррупционных
преступлений и формирование антикоррупционного
сознания государственных гражданских служащих
Федеральной службы судебных приставов**

Коррупция — это незаконное, противоправное, общественно опасное деяние, охватывающее различные сферы, такие как экономика, политика, социальная сфера и иные, а также сферу государственного управления, влекущее за собой юридические последствия, установленные законодательством Российской Федерации [4, с. 78]. В настоящее время органы исполнительной власти в системе государственных органов Российской Федерации преимущественно подвластны воздействию коррупции. Федеральная служба судебных приставов РФ (ФССП России) считается единственным федеральным органом исполнительной власти, на который возложены задачи, связанные с организацией гарантированного принудительного исполнения предписанного порядка деятельности судов. На протяжении девяти лет в головном органе ФССП России функционирует Управление противодействия коррупции, обеспечения работы с кадрами и вопросов безопасности. Его подразделения, созданные во всех окружных, региональных, городских и районных органах, подчиненных ФССП России, осуществляют проверку сведений о доходах сотрудников службы судебных приставов. Данное структурное подразделение в рамках своих полномочий формирует у гражданских служащих антикоррупционное сознание.

Основной задачей, стоящей перед Управлением, является воспитание у федеральных государственных гражданских служащих ФССП России нетерпимости к коррупционным действиям, в том числе предотвращение коррупционных правонарушений и преступлений в ФССП России, совершенствование и утверждение мер, нацеленных на гарантированное поведение федеральными государственными гражданскими служащими ФССП России в рамках запретов, ограничений и требований, определенных для противодействия коррупции. Стоит отметить, что с течением времени образовалась обширная практика раскрытия коррупционных преступлений в различных сферах деятельности государственной структуры, выделены основные коррупционные схемы в сфере принудительного исполнения.

Согласно заявлениям и жалобам, большинство коррупционных схем связаны с распределением бюджета и средств, которые выде-

лены из федерального бюджета на региональные нужды, а также с хищением чужого имущества, вверенного виновному, хищением имущества должника путем обмана или злоупотребления доверием, использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, внесением недолжностным лицом заведомо ложных сведений, т. е. служебным подлогом, и др.

Служебный подлог — одно из самых редко раскрываемых преступлений, в связи с тем, что используемая экспертиза документов занимает очень много времени, а свидетельских показаний чаще всего нет, поскольку свидетели отсутствуют. Но и такие коррупционные деяния можно выявить. Как известно, большую часть исполнительных производств останавливают в силу невозможности взыскания. Не исключены случаи получения взяток судебными приставами из-за недостаточной заработной платы. Зачастую, судебный пристав, не желая продолжать производство по делу, а также стремясь избавить должника от предусмотренных законом ограничений, может предложить ему свою помощь за вознаграждение. Некоторые государственные гражданские служащие ФССП России подкупа не приемлют, поскольку боятся преследования по закону. В органах ФССП уделяется пристальное внимание мерам предупреждения коррупции на уровне ведомственного нормотворчества и в практической деятельности, связанной с выявлением и профилактикой должностных преступлений, не исключая преступления коррупционной направленности [3, с. 134]. Для предотвращения коррупционных правонарушений требуется осуществление строгого контроля над действиями и решениями судебных приставов-исполнителей. Стоит уделять пристальное внимание организации и проведению ведомственного контроля, поскольку при его осуществлении между контролирующим органом и подконтрольным объектом всегда имеет место служебная подчиненность. В случае обнаружения факта совершенного правонарушения контролирующий орган может без промедления отменить решение контролируемого органа и применить другие меры ответственности. В основном, само существо формы ведомственного контроля приводит к проведению ведомственных проверок.

Разумеется, факты коррупционных правонарушений зачастую выявляются при проведении таких проверок, в большинстве своем плановых. Работники подконтрольных органов, например районных отделов, о них заранее осведомлены и располагают временем для устранения улик. В обход организации и осуществления ведомственного контроля в ФССП России стоит внедрить «внеплановые проверки», осуществляемые комиссией по основополагающим направлениям деятельности данного органа без предварительного оповещения. Проведение нескольких подобных проверок повысит

уровень законности и служебной дисциплины. Кроме того, следует ужесточить условия приема на работу в органы ФССП России, поскольку на службу в органы могут попытаться попасть лица, ставящие своей целью незаконное обогащение. Необходимо внедрить проверку претендентов на полиграфе, как это осуществляется в правоохранительных органах. Применение полиграфа одобряют и специалисты-психологи, поскольку на основе тестов и собеседования невозможно получить всю необходимую информацию. Проверка на полиграфе должна проводиться добровольно, и кандидат имеет право воздержаться от нее. Но такой отказ вызовет вопросы у проверяющих и станет одним из оснований отказа в приеме на службу. Еще одним важным методом проверки является оценка кандидата штатным психологом. В настоящее время штатные психологи территориальных органов ФССП России только практикуют создание специальных тестов и опросных листов с целью оценки кандидатов на службу, но помимо прохождения кандидатом обычного тестирования необходимо включить обязательное собеседование с психологом, чтобы предельно эффективно выявить вероятные скрытые мотивы лица, желающего поступить на государственную службу. Одной из ключевых основ противодействия коррупции считается гласность и прозрачность деятельности службы судебных приставов для общества [5, с. 351]. Помимо информирования населения о работе службы в средствах массовой информации следует привлекать к своей деятельности общественность. При осуществлении совместной с правозащитными организациями деятельности Федеральная служба судебных приставов сможет применять все возможные способы взаимодействия, например организацию совместного приема граждан по вопросам, касающимся функционирования ФССП России. Сотрудники службы и юристы правозащитной организации смогут исследовать обращения и жалобы граждан на действия судебных приставов, обнаруживать обстоятельства совершения преступлений и принимать надлежащие меры.

Вариантом устранения проблемы обогащения, основанного на коррупционном деянии, может быть отнесение материальных благ, которые получены незаконным путем, к числу неосновательно полученных на законодательном уровне [1]. Данный вариант устранения проблемы позволил бы разработать веский повод для судебного истребования и принудительного изъятия подобных благ в гражданско-процессуальном либо арбитражном порядке [2, с. 33].

Необходимо ужесточить уголовные наказания за коррупционные преступления. В таком случае работники государственного органа будут исходить из соотношения противоправного деяния и наказания, что позволит им не совершать коррупционные преступления.

Библиографический список

[1] *Астанин В. В.* Научно-практический комментарий к федеральному закону от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный). — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009.

[2] *Горелик А. П.* Некоторые аспекты реализации положений гражданского законодательства в сфере противодействия коррупции // *Безопасность бизнеса*. — 2008. — № 2. — С. 33.

[3] *Гуреев В. А., Аксенов И. А., Бакурова Н. Н.* [и др.]. Настольная книга судебного пристава-исполнителя: учеб.-практ. пособие / под ред. В. А. Гуреева, С. В. Сазанова. — М.: Статут, 2011. — 731 с.

[4] *Деревскова В. М., Евдокимов К. Н., Ефимова Ю. С.* [и др.]. Муниципальное право России: учеб. пособие / Иркутск. юр. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокуратуры РФ; под ред. А. В. Юрковского. — Иркутск, 2014. — 327 с.

[5] *Юрковский А. В., Деревскова В. М., Евдокимов К. Н.* [и др.]. Конституционное право: учеб. пособие / Иркутск. юр. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокуратуры РФ. — Иркутск, 2015. — 611 с.

ПРАВО. ОБЩЕСТВО. ГОСУДАРСТВО

Сборник научных трудов студентов и аспирантов

Том 7

Редактор: *И. И. Шефановская*

Верстка: *Е. А. Руднева*

Подписано в печать 15.04.2019. Формат 60×84/16. Печ. л. 15,25. Тираж 100 экз.
Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).
199178, Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., д. 19, лит. А.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России).